

Славянская
Книга Мёртвых

/ Извод воухва Велеслава /

Annotation

Издание содержит разделы: "Слово о смерти", "Нечто о погребальной обрядности", "Книга Смерти (Сборник этнографических материалов о смерти о и похоронной обрядности славян)", "Вещие речения о смерти", "Приметы о смерти", "Знамена смерти", "О явлениях умерших во снах", "Если сон предвещает смерть", "Видение о "3", "9" и "40", "Славянская книга мертвых", "Нечто о похоронной обрядности", "Весенние славянские обряды в честь мертвых", "Похоронный обряд", "Тризна", "Тризны творение", "Слово на тризну".

Влх. Велеслав

Свято в храме Велеса

1. Плоть наша состоит из четырёх стихий: земли, воды, огня и воздуха. Земля в нас — все кости («камни белые»), мышцы, и всякое плотное вещество в теле. Вода — все жидкости. Огонь — внутренний жар, помогающий пищеварению и некоторым другим деяниям, совершающимся внутри тела. Воздух же — дыхание: вдох Живы (*ярь*) и выдох Мары (*марь*). Когда эти четыре стихии в нашем теле пребывают в ладу друг с другом, мы здоровы; когда же их равновесие нарушается за счёт ослабления или увеличения силы одной из стихий, мы недужим.

2. Смерть есть, прежде всего, *разъединение*. Когда мы начинаем умирать — отделяться от своей плоти — сначала отделяется стихия земли, лишая умирающего возможности двигаться самостоятельно. Ослабление земли порождает в сознании умирающего морочные видения воды. Так, например, человеку кажется, будто он находится посреди Окиян-моря, либо что по стенам и полу его дома течёт вода, хотя никакой воды на самом деле вокруг него нет. Когда отделяется стихия воды, у умирающего пересыхают губы и в его восприятии начинает преобладать огонь, который может проявляться в морочном видении дыма, пожара и т. п. Когда огонь уходит, его место занимает воздух.

Тогда человеку кажется, будто дует ветер, и окружающее пространство наполнено чем-то вроде маленьких искр, вслед за которыми приходит тьма. В тот самый миг, когда воздух окончательно оставляет умирающего, человек перестаёт дышать и его плотское сердце останавливается.

3. После того, как стихии разъединились, и душа умирающего отделилась от плоти, человек переходит из мира Яви на Кромку — мир Сновидений, разделяющий собой Явь и Навь. При этом происходит разрыв нити Макоши (Велесовой, или «серебряной» нити), соединяющей душу и тело при жизни в Яви. Переход в Иной мир сопровождается ощущением полёта (взлёта или падения) по узкому проходу сквозь тьму и особым жужжащим звуком, подобным гулу, издаваемому пчелиным роем.

4. Как правило, оказавшийся на Кромке видит всё окружающее обычным образом, будто он по-прежнему пребывает в Яви, поэтому многие умершие на этой стадии поначалу не верят, что они уже умерли. Но вскоре они начинают замечать, что видимый мир несколько необычно освещён, что они не могут ни до чего дотронуться, и что живые люди вокруг почему-то их не замечают. Тако же ими обнаруживается, что они могут мгновенно переноситься в места, где когда-то были, видеть людей, с которыми когда-то общались, и видеть всё окружающее с потрясающей чёткостью, будто их зрение (в той или иной степени ослабевшее за годы жизни) вдруг стало совершенным.

5. Места, с которыми умерший был связан при жизни, как правило, привлекают его в первую очередь. Душа, разделённая с телом, в течение некоторого времени после смерти ходит — «прощается», как говорят в народе, со своим домом, с местами и людьми, ставшими почему-либо дорогими ей при жизни в Яви. Люди, умершие неестественной смертью (так называемые «заложные» покойники, чья жизнь в Яви была прервана насильственным образом), могут пребывать в этом состоянии намного дольше, нежели те, кто умер естественным образом и в положенный срок. Пребывание души на Кромке может длиться от нескольких мгновений до многих лет, в зависимости от внутреннего состояния умершего.

6. Но рано или поздно приходит срок, и душа переходит по Калинову мосту через реку Смородину в Навь — на Велесовы луга. На мосту душу встречает Вещий Страж в Светящемся обличье и заставляет её за считанные мгновения вспомнить всю свою земную жизнь, вплоть до мельчайших подробностей, которые человек по каким-либо причинам старался забыть. Вещий Страж никого не осуждает и не укоряет, ибо зрит Сось^[1] — Божеское Присутствие в каждой душе без исключения. Вещий — само воплощение безграничной Любви Вседержителя Рода ко всем Своим чадам, как искущённым в Духовном Ведании, так и вовсе несведущим в нём. Поэтому, видя Свет Вещего, душа каждого существа стремится к Нему навстречу, как домой.

7. Речено мудрыми: «Велесова (Закрадного) Суда никому не избегнута». Ибо, хотя сам Вещий Страж далёк от какого бы то ни было осуждения предстающих пред ним душ, неумолимые Законы Всемирья таковы, что каждая душа получает в посмертии то, что соответствует её внутренней природе — ни больше и ни меньше. Это её состояние можно сравнить со сном, в котором все заключённые в душе чувства воплощаются вовне в виде зримых образов, как благих, так и ужасных. Так, например, если основными чувствами, развитыми душой на протяжении её земной жизни, были гнев, злоба и ненависть, в посмертии она будет обречена на видение ужасных «снов», которые приведут её в трепет и смятение. Если же душа развила в себе благие качества, такие как любовь, доброта и сострадание, её «сны» будут мирными и добрыми.

8. Древние славянские сказы повествуют, что чистые и «лёгкие» души переходят по тонкому, словно радуга, Калинову мосту в Ирий Небесный, а «тяжёлые», запятнавшие себя Кривдой — падают вниз, в горящие синим пламенем воды реки Смородины и попадают прямо в самое Пекло Подземья. Пребывание в Ирии — можно сравнить с чередой добрых «снов» души, пребывание в Пекле — с чередой ужасных «снов». Пребывание как в том, так и в другом состоянии не вечно. Длительность этого пребывания зависит от внутренних качеств самой души. Чем больше душа «срослась» с наполняющей её злобой, тем дольше и мрачнее будет её

пробывание в Пекле. Чем больше в душе добрых чувств, тем дольше и ярче будет её жизнь в Ирии.

9. Так как большинство душ представляют собой сложное смешение добрых и злых чувств одновременно, их посмертные «сны» не являют собой ни чрезмерных страданий в Пекле, ни особого блаженства в Ирии. Такие «серые» души творят своим представлением соответствующие их внутренней природе «серые» миры, в которых и пребывают в течение какого-то времени, пока силы их воображения хватает на удержание образа мира их «снов».

10. Затем наступает пора «растворения» души и «высвобождения» бессмертной Соби человека, когда Дух Рода (Собь) оставляет душу, как душа в своё время оставила тело. Тогда все силы души «стекаются» в род небесный, «вливаясь» в Окиян-море Силы предков того рода земного, к которому принадлежал человек при жизни в Яви. Собь же воссоединяется с Духом Самого Всебога Рода, что являет собой величайшее Таинство Всемирья.

11. Сознать себя на уровне Соби способны лишь мудрые — познавшие своё истинное Духовное Я (АЗ ЕСМЬ), поэтому большинство людей после оставления души пребывает в глубоком беспомыслии, напоминая сон без сновидений, после завершения которого они воплощаются в мире Яви вновь, не помня своих предыдущих воплощений и пребывания в иных мирах. И лишь мудрейшие из мудрых способны сохранять непрерывность сознания при переходе из одного мира в другой.

12. Лишь мудрейшие из мудрых, оставляя свою бренную плоть, способны не вовлечься в маету посмертных «снов», как благих, так и ужасных. Лишь мудрейшие из мудрых, восходя в посмертии до уровня осознания Соби, не воплощаются более в Яви, а уходят в Неведомые Чертоги Родовы. Лишь мудрейшие из мудрых без страха почитают Мару- Морену — Смерти Владычицу — как Великую Мать, открывающую Врата Жизни Вечной.

Гой, Черна Мати! Гой-Ма!

Слава Роду!

[2004]

Нечто о погребальной обрядности

1. Гостем приходит человек в Явь земную, странником проходит по дорогам жизни своей, а приходит срок — возвращается он Домой, туда, откуда все мы родом. Пока живёт человек на Земле — волю Богов Родных по мере своей вершит, сотворцом в деяниях Их возносится. Мудрый волю Богов как свою зрит и потому в ладу с Сущим пребывает, свою судьбу от Судеб Всемирья не отделяя; несведущий лишь о животе своём печётся, волю Богов презирая, и потому влачит его Рок силой, о камень вострое похотей мирских душу его размыкая. Кто по-Божески на Земле жил, тот и по смерти во роду небесном Славой Боговой облечётся, со предками святыми из единой братины изопьёт; иной же, в маяте мирской душу свою источивший, и после смерти во Навьих Чертогах блуждать в маяте будет, путь к Свету Вышнему отыскать тщась, и каждому будет по мере его, по справедливости. Так судил Белес Премудрый, Судия Вещий, Владыка Чертогов Иных. Так повязала Макошь, Мать Великая, Поку-ты Держательница — нитей судеб всех Владычица.

2. Заповедано нам от предков наших: «Похоронить мёртвого по чести — святой долг живых». Ибо должно Нави и Яви до конца времён разделёнными быть, живым и мёртвым — из разных чар пить, разными путями ходить. Потому говорят: «Покойника похоронить — душу в мир Иной проводить». Бо для из-Родной души живой предел дорог земных — ещё не предел Стези Богоданной, но лишь переход на Вельи Луга, во Уделы Велесовы. О том, коими обрядами сей переход облечь должно, далее речь поведём.

3. По обычаю нашему, похоронные обряды совершаются в течение трёх дней со времени смерти, а само погребение — после полудня третьего дня. Погребение бывает огненным и

земным. В первом случае тело почившего сожигают на Краде, а прах хоронят в земле либо развеивают над водой. Во втором случае, если по каким-либо причинам огненное погребение невозможно, тело предают земле, предварительно уложив его в домовину либо в особливо приготовленный для этого берестяной короб. Также известно погребение под корнями священного дерева, «отпускание» горячей погребальной ладьи по воде и др. Огненное погребение считается более благоприятным для души почившего, так как вместе с огнём — на Золотой Колеснице Самого Огнебога Сварожича (ещё говорят: на огнепёрых крылах Золотого Сокола-Огнебога) — душа почившего восходит прямо к Ирийским вратам.

4. При огненном погребении предки наши, по обычаю, воскладали тело почившего на Краду в ладье либо лодке, в зависимости от знатности почившего и совершённых им при жизни подвигов, желая так воздать ему положенную честь и облегчить переправу через бушующие волны огненной реки Смородины, разделяющей Явь и Навь. Вместе с ним в ладью (лодку) клали его личное оружие (прежде всего, меч) и посмертные дары, обсыпали тело зерном, как жениха на свадьбе. Если почивший был князем или знатным боярином, вместе с ним могли отправить в последний путь его любимого коня или охотничьего пса. Если любимая жена почившего решала последовать за мужем, добровольно взойдя на его погребальный костёр — её род был прославлен вовек!

5. Самоубийц, заложенных покойников (умерших «не своей» смертью [21]), людей обесчестивших себя — покрывших душу свою несмываемым позором при жизни (например, трусливо бежавших с поля брани либо совершивших особо тяжкие преступления перед родом) — могли лишиться чести огненного погребения, а их останки захоронить на перекрёстке дорог или где-нибудь «на отшибе» — отдельно от остальных почивших сородичей [3]. Также отдельно хоронили безродных чужестранцев, невесть откуда пришедших, и изгоев. В случае, если почивший был известен при жизни как злой колдун, его тело могли пронзить осиновым колом, отрубить голову, руки и ноги, а сверху завалить камнями, чтобы после смерти не вставал из могилы и не ходил вредить живым. Но даже и в этом случае место его захоронения считалось «проклятым» и потому опасным для живых. Также известны захоронения «опасных» покойников на прибрежной полосе, затапливаемой приливом — между землей и водой, как бы на Кромке меж Явью и Навью.

б. Когда погребальный костёр прогорал, над ним насыпался курган, высота которого зависела от того, кем был покойный при жизни. Насыпать величественный курган над прахом человека, ничем себя особо не проявившего при жизни, считалось оскорблением славных предков и потому не позволялось старейшинами рода. В дальнейшем на курганах совершались тризны в честь почившего и некоторые другие обряды родового кола. (В наше время наиболее распространённым похоронным обрядом в родноверческой среде является следующий: тело покойного сжигается в крематории, а его прах хоронится на общем кладбище, где над ним совершаются все положенные обычаем и не запрещённые действующим ныне законом обрядовые действия.)

7. За правильным соблюдением всех обрядов, связанных с похоронами, следят волхвы, жрецы и старейшины рода, а также — просто старшие люди. Считается, что обрядовые нарушения, допущенные во время похорон, могут навлечь несчастья как на семью почившего, так и на всю общину, а то и на весь род. Предки наши верили, что даже неумышленное оскорбление покойного может, при определённых обстоятельствах, стать оскорблением всех почивших предков и всего рода небесного, привести к неурожаям, моровым поветриям у скота и смертям сородичей, живущих в Яви.

8. Перед совершением похорон, перво-наперво, старшие в роду определяют «долю» покойного, то есть отбирают ту одежду и те вещи, которые будут сопровождать его на

похоронах, чтобы умерший не забирал потом у живых «своё». В народе говорят: «Покойник у ворот не стоит, а своё обязательно возьмёт». Поэтому при шитье одежды для почившего все обрезки ткани кладут, по обычаю, вместе с ним в домовину, а стружки, что остались после изготовления домовины, либо стелют на дно, либо пускают по воде. Также в домовину кладутся «передачи» для тех, кто умер ранее, буде в том оказывается необходимость. (Так, например, иногда кому-либо из живущих в Яви сородичей является во сне умерший родственник и просит передать ему на «тот свет» что-либо из одежды, какую-то вещь и т. д.) Иногда опусканием в могилу с покойником каких-либо вещей, принадлежащих живущим, пользуются злые колдуны, обрекая тем самым хозяина вложенной вещи на преждевременную смерть. Поэтому при похоронах следует строго следить за тем, кто и какие «передачи» вкладывает в домовину, а также, по возможности, не подпускать к покойнику неизвестных людей.

9. По поверьям, близкую смерть человека предвещают те или иные особенности поведения животных и птиц: голубь залетает в окно, ворон садится на окно, собака воет по ночам, курица поёт петухом, кукушка прокукует в затылок, дятел долбит стену дома, кошка ложится поперёк половиц, корова ложится у ворот и т. п. Также покойника ожидают, если: хлеб растрескивается в печи или падает с лопаты, с печи без видимых причин сыплется побелка, домовою особенно громко стучит по ночам в матицу, вырос необычайно богатый урожай льна (о коем говорят: «на покров головы»), в старом доме прорубили новое окно, телега с покойником остановилась у ворот дома, хозяин ходит в одном лапте и т. п.

10. Первым признаком наступившей смерти издревле считается прекращение дыхания. Об умершем говорят: «Испустил дух». Подтверждением того, что душа вышла из тела человека, является волнение воды в чаше, которая была поставлена в изголовье умирающего: «Душа омылась». Если человек умирает с открытыми глазами, их спешат закрыть, дабы покойник «не высматривал себе попугачика на тот свет». Покойник, в отличие от живых людей — слеп и недвижим: «Лежит — ни рукой, ни ногой, ни буйной головой». Эти его отличия закрепляются обрядами связывания рук и ног почившего (они остаются таковыми до самого его погребения), подвязыванием нижней челюсти (дабы покойник не мог «говорить»), накрыванием лица или даже всего тела покойного плотной непрозрачной материей (дабы он не мог «смотреть» на живых) и т. д.

11. Вскоре после смерти человека совершается обряд обмывания его тела. Как правило, это делают старики и старухи, реже — вдовы, бобыли и старые девы, но ни в коем случае не близкие родственники. При этом покойниц обмывают женщины, а покойников — мужчины. Исключение делается лишь для почивших в глубокой старости, так как в этом возрасте человек, в определённом смысле, выходит за рамки половых ограничений. Разоблачение покойного перед обмыванием — снятие с него одежды, которую носят живые — важное обрядовое действие, возвращающее человека к природной нагоде, к состоянию, присущему живому существу до рождения или, по крайней мере, до его обрядового вхождения в род. Обмывание тела покойного совершается, как правило, на полу, в углу возле печи, либо у порога, ногами к печи. Покойника сажают в корыто, моют тёплой водой с мылом, вытирают его же рубахой, которая была на нём, разрывая её вдоль надвое. Впоследствии эту рубаху сжигают где-нибудь вне дома. Воду, оставшуюся после обмывания, выливают там, где никто не ходит, дабы не навести порчу на живых.

12. Обмывальщиков, по обычаю, сразу не благодарят, чтобы в доме не было ещё покойника. Кроме того, в некоторых местах бытует поверье, что если сразу отблагодарить и раздать одежду покойного, то он на «том свете» будет вынужден «ходить голым». После обмывания все вещи, которыми пользовались при совершении этого обряда, должны быть непременно уничтожены, чтобы не навредить живым. Исключение делается лишь для мыла, используемого в

целительстве: им моют руки все хворые, приговаривая при этом слова заговора: «Как у мёртвого ничего не болит, не щемит, так и у меня, внука Дажьбожьего / внучки Дажьбожьей [имярек], не боли, не щемит, с водой прочь поди!» Иногда покойника просят «забрать с собой все горести и болести» от живых. Чтобы вылечить головную боль, обводят рукой покойника вокруг головы, приговаривая слова заговора: «Как рука твоя замерла, так боль моя из головы ушла!» От зубной боли, по поверьям, можно избавиться, если потереть мизинцем левой руки покойника свой больной зуб. И т. п.

13. После обмывания тела обмывальщики обряжают почившего в погребальные одежды, облакая его в «облачения не живых, но иных». Погребальная одежда, как мужская, так и женская, как правило, белого цвета. Хорошо, когда одежду для покойника шьют специально для похорон — иголкой от себя. Исключение делается в том случае, когда человек сам завещал похоронить его в определённой одежде, которая была ему почему-либо особенно дорога при жизни. Обряжая покойника, соблюдают ряд правил, способствующих выделению его из мира живых. Так, например, в Пермской области при одевании погребальной рубахи на женщину-покойницу её застёгивают по-мужски — слева направо. Известна обрядовая загадка о покойнике: «Обулся не так, оделся не так, поехал не так, заехал в ухаб, что не выедешь никак». Так, на женщину-покойницу в старину не надевали передника, онучи и оборы лаптей повязывали задом наперёд, по-другому, нежели при жизни, завязывали платок на голове и т. д. При этом в одежде покойниц, как и живых, должны строго соблюдаться возрастные различия: одежда молодой девушки должна известным образом отличаться от одежды взрослой женщины, а та, в свою очередь, — от одежды старухи. В некоторых губерниях в старину было не принято хоронить покойника в кожаной обуви, так как это считалось богохульством.

14. Изготовление домовины испокон веков входило в обязанности зрелых мужей — членов общины. Чаще всего об этом просили соседей или близких знакомых, хороших плотников. По обычаю, заказывать домовину у неизвестных людей можно только в крайнем случае, когда нет другого выхода. Для обмера покойника плотник использует нарочно вырезанную для этого дела тонкую рейку — смерок, который затем кладётся в домовину, как и стружки. Издревле строго соблюдается обычай не рубить для домовины деревья, посаженные человеком, который ещё жив. Кроме того, смерком ни в коем случае нельзя мерить живых людей, и особенно детей, которые, будучи померены смерком покойника, могут, по поверьям, перестать расти и вскорости умереть. Также известно использование смерка при совершении некоторых видов волшбы. Например, в Костромском крае мерка с домовины часто использовалась пчеловодами на пасеке, чтобы рои не уходили от своих хозяев. В Воронежской области существует поверье, что умерший стоит со смерком в руках у ворот кладбища, дожидаясь следующего покойника. И т. п.

15. Важно, чтобы домовина была покойнику «впору». Если она окажется мала, то это может вызвать недовольство со стороны умершего, который будет приходить с жалобами и упрёками к своим живым родственникам по ночам. Если же домовина будет слишком велика, покойник может «позвать» в неё до срока кого-либо из оставшихся членов семьи. Вместе с покойником в домовину кладут некоторые из его личных вещей, например, нож, иногда — топор, не доплетённые покойником лапти, его рабочие инструменты, кроме этого — мыло, гребень (расчёску для волос), съестные припасы и т. п. Мужчине-покойнику никогда не бреют бороды и усов, так как это, по поверьям, может грозить появлением нового покойника в доме. Покойнице оставляют её неоконченное рукоделье, нитки с иголкой, чтобы на «том свете» можно было «починить одежду», а также полотенце, мыло, гребень, веретено с пряжей и т. п.

16. Домовина — «последний приют» покойника и его «смертная постель», на дно которой кладутся сухие листья, покрытые холстом. В изголовье помещают подушку, набитую либо сухими листьями^[4], либо куделью. Некоторые люди всю жизнь собирают остриженные и

вычесанные волосы, чтобы набить ими смертную подушку, а также остриженные ногти, которые родственники кладут почившему за пазуху в мешочке. В некоторых местах сохранилось поверье, согласно которому ногти должны будут помочь почившему «карабкаться на том свете на вершину Хрустальной горы, где расположен Ирий».

17. Пока покойник ещё находится в доме (сначала на лавке, а затем и в домовине), тех людей, кто делал домовину, обычно в благодарность кормят и поят. Крышку от домовины («лодку малую», которой накрывают «лодку большую», в которой лежит тело почившего) ставят снаружи, к углу дома. Там же у окна вешают рушник без обережной вышивки, который означает, что в доме кто-то умер. Как правило, рушник оставляют висеть на окне до сороковин — сорокового дня по смерти усопшего, чтобы его душа, летая, могла «утереть слёзы». Также до сороковин занавешивают все зеркала^[5] в доме, дабы не «удваивать» покойника в доме. Обычно покойник лежит в домовине два-три дня, в течение которых проститься с ним приходит всё село (все знакомые). В ногах покойного ставят блюдце, чтобы приходящие клали в него деньги, которые затем идут на совершение поминок и отравление тризны.

18. По ночам возле покойника остаются «сидеть» старые люди, молясь Велесу — Навьему Владыке за усопшего. Такие «сидения при покойнике» продолжаются на протяжении всех ночей, пока покойник остаётся в доме. Родственники, особенно дети, а также молодые неженатые, уходят ночевать к соседям либо удаляются из дома на всё время до погребения, так как их жизненные силы могут пострадать от соприкосновения с силами Нави. Пока покойник пребывает в доме, по обычаю, нельзя подметать и мыть полы, держать в доме половики, кои выносят ещё до обмывания тела покойного, чтобы умерший «не увёл из дома» остальных. Иногда полы в доме, где есть покойник, выстилают еловыми ветками (ель — «дерево мёртвых», посвященное Велесу). Чтобы не бояться покойника, по поверью, нужно дотронуться до его ног.

19. На третий день утром зрелые мужи — члены общины, но обязательно не родственники почившего — готовят «чистое место» для усопшего: складывают погребальную Краду или роют на кладбище могилу. Вынос покойника из дома совершается только после возвращения копальщиков. Перед выносом тела близкие и родные прощаются с почившим. Именно в это время можно просить покойника «передать» что-либо своим прежде почившим родственникам и положить в домовину какие-либо мелкие предметы — «передачу» на «тот свет», выносят покойника из избы, стараясь не задеть за косяк дверного проёма, непременно ногами вперёд, чтобы он не имел возможности, когда его тело похоронят, «вернуться назад» за кем-либо из оставшихся живых. В исключительных случаях, например, когда хоронят злого колдуна, домовину с его телом просовывают через окно, либо протаскивают через яму под порогом, специально выкопанную для этого действия, либо через разобранную часть крыши.

20. Во дворе домовину ставят на скамью или на табуреты. Здесь близкие и соседи опять прощаются с покойником. Женщины начинают «выть» — причитать над почившим. Голосят обычно родственницы: одна ведёт, две «подголосницы» помогают. Иногда для этого обряда приглашаются особливые плакальщицы. При этом, совершая обряд оплакивания, следует соблюдать известную меру, памятуя о бессмертии души. Плакать при разлуке с близким и дорогим человеком — естественно, особенно для женщин, но оплакивать его сверх меры, не чая с ним встречи на «том свете» — значит возносить хулу на Родных Богов и род небесный. Также не принято сильно плакать на похоронах новорожденных и маленьких детей. По поверьям, мать не должна оплакивать своего умершего ребёнка сверх меры, дабы «не утопить его на том свете в слезах».

21. Если умер «сам» (хозяин), то при выносе домовины поднимают на ноги всю скотину, веря, что иначе она может вымереть. Поставив домовину на телегу либо на волокуши, просят почившего хозяина «не брать с собой весь дом», а оставить его оставшимся членам семьи. Когда

выносят покойника, то кто-нибудь из его родственниц, по обычаю, падает на то место, где стояла домовина, и обязательно причитает по покойному. Перед тем, как двинуться в путь, все участники похоронного шествия смотрят на ноги лошади, чтобы не тосковать и не бояться «возвращения» покойника. Вдове строго возбраняется тосковать о почившем сверх меры, дабы недобрый Навий дух в виде огненного змея не повадился прилетать к ней по ночам, оборачиваясь её умершим мужем.

22. После выноса домовины с покойником женщины моют избу (или хотя бы метут пол ^[6]), скамейки, стулья и стол переворачивают вверх ногами, чтобы умерший не «возвратился» и не «забрал к себе» живых родственников до срока. Как только домовину снимают с лавки, на это место хозяйка кладёт камень, квашню, ухват или полено, чтобы место «не пустовало для другого покойника». В передний угол также кладут камень, как правило, вынутый из каменки, «чтобы другие не умирали», который остаётся лежать там до сороковин — дня проводов души почившего. Пока идут похороны, в доме обычно остаются замужние соседки для приготовления поминок. Молодёжь в этом не участвует, так как поминальные приготовления — забота пожилых замужних женщин, которыми руководит, как правило, сведущая в сём деле бабка-ведуныя.

23. Впереди похоронного шествия, по обычаю, идёт женщина, которая разбрасывает зерно для птиц (в коих, по поверьям, могут обращаться духи предков) — на помин души почившего. За ней следуют те, кто несёт домашних Чуров из дома почившего или домашние Свята (резные, вышитые или рисованные), убранные рушниками без бережной вышивки либо кусками белёного холста. За ними идёт кто-либо из мужчин с крышкой от домовины на голове. За ним, непосредственно перед домовиной с покойным, идут волхвы и жрецы, участвующие в проведении обрядовых священнодейств. Несут домовину, по обычаю, зрелые мужи, вчетвером — по числу четырёх сторон белого света и четырёх ликов Отца Сварога, либо вшестером — по числу шести лучей Громового Колеса и шести концов чира «Жива». Несут домовину через рушники, не прикасаясь к ней голыми руками, либо на носилках, сделанных из двух жердей с верёвочными перемычками. (Интересно отметить, что в южных губерниях России при похоронах женщины, по старинному обычаю, всех участников одаривают холстиной или рушниками, которыми все подпоясываются; при этом мужчины, несущие домовину, обвязывают рушниками головы.) За домовиной идут родные и близкие, затем соседи и знакомые, и лишь затем все остальные участники похоронного шествия, буде таковые имеются. Замыкает шествие женщина, разбрасывающая еловые веточки — «заметающая» покойнику дорогу обратно. На похоронах покойника-мужчины принято раздавать или рассыпать перед похоронным шествием зерно, на похоронах женщины — раздавать одежду и холсты.

24. Если до кладбища идти далеко, то за селом ставят домовину на сани либо на телегу и везут. Проходя село, нигде не останавливаются, дабы не навлечь на дом, у которого произошла остановка, беды. Идущие с Чурами и Святами, по обычаю, должны всю дорогу не оборачиваться, чтобы в селении не было ещё покойника. В некоторых областях домовину даже летом везут на санях, символизирующих собой Велесову Аадью Мёртвых, в отличие от телеги, символизирующей Солнечную колесницу Дажьбога (колесо — символ Солнца). Сельчане, кроме родственников и близких друзей почившего, по обычаю, провожают домовину с телом усопшего до первого перекрёстка дорог — «покойничьих крестов». Далее следуют только те из них, кто желает, чтобы и покойный, когда придёт срок, встречал их на «том свете».

25. В день похорон, по обычаю, принято подавать первому встречному милостыню в виде куска хлеба, завернутого в рушник без бережной вышивки. Первый, кто встретится на пути похоронного шествия, приняв милостыню, должен молиться за почившего, а тот в свою очередь первым встретит принявшего хлеб на «том свете». Вообще, милостыня путникам (коим

покровительствует Сам Белее), незнакомцам и первым встречным издревле понималась как средство общения с Иным миром. Так, например, по поверьям, если покойник на «том свете» в чём-то имеет нужду, он может во сне попросить об этом кого-либо из живущих в Яви родственников, и тот может отправить просимое покойнику, подав его в виде милостыни «первому встречному». Также верили, что, встретив на пути похоронное шествие и не желая присоединиться к нему, следует повернуть обязательно направо, так как правая сторона — к жизни, а левая — к смерти.

26. Дойдя до места, где тело почившего будет возложено на Краду либо опущено в могилу, все встают лицом к северу — земле предков, а волхв либо жрец обращается к Огнебогу Сварожичу и к Матери Сырой Земле, просит Вещего Бога провести душу во Ино — на Велесовы луга, а также речёт особые разрешающие (плотские узы) и отпускающие (душу усопшего) заговоры, кои ведомы людям сведущим. Если тело почившего сожигалось на Краде, собирают оставшийся после него пепел и предают его земле или воде. Хорошо, если прямо над прогоревшими останками можно насыпать курган. В иных случаях прах, оставшийся после сгорания Крады, может быть захоронен в могиле.^[7]

27. Прежде чем опустить домовину или сосуд с прахом в могилу, родственники, по обычаю, «откупают место», бросая в могилу мелкие монетки и сыпя зерно. Перед опусканием домовины в могилу с покойным в последний раз прощаются, развязывают ему руки и ноги (если они были связаны), закрывают и заколачивают крышку, стараясь сделать это с одного удара молотка. Домовину опускают, как правило, на верёвках либо на длинных рушниках, кои затем оставляют на кладбище (навязывают на дерево у могилы либо закапывают вместе с домовиной) либо раздают участникам похорон «на помин души». На крышку домовины каждый из присутствующих сыпет по три горсти земли, говоря при этом: «Да будет земля тебе пухом!» Затем могилу закапывают, и все молча возвращаются с кладбища, не оборачиваясь. Все участники похорон, придя в дом, обязательно моют руки и по возможности переодеваются, совершая таким образом обряд очищения.

28. На поминках в день похорон прежде всего вспоминают о добрых и славных делах и поступках почившего, ни в коем случае не ругая его за допущенные при жизни ошибки: «О покойном — либо хорошо, либо никак». За столом рассаживаются по старшинству, старшие первыми, младшие в конце. Вначале подают кутью — поминальную кашу из распаренных зёрен пшеницы с мёдом. Её съедают понемногу, одну-три ложки, затем следует другая пища. В последнюю очередь подаются кисель и блины — непременно поминальные блюда. После них, по обычаю, принято в молчании расходиться — сначала старики, а затем молодые, ибо, по поверьям, кто первым уйдёт с поминок, тот и умрёт раньше.

29. На сороковины совершается обряд «проводов души» почившего. Все собравшиеся выходят во двор, обращаясь к Родным Богам и предкам, молятся за душу почившего, после чего открывают ворота — чтобы его душа «вышла со двора». С окна снимают рушник, провисевший на нём сорок дней, и относят его на кладбище, навязывая на священное дерево, либо на памятный Родовой столб с тремя насечками (знаками Тремирья — Прави-Яви- Нави), либо крест (знак огня и возрождения — воскресения^[8] души), установленный над могилой или курганом почившего. По возвращении с кладбища устраивают поминки, как в день похорон. Также поминки устраиваются в годовщину смерти. (Особливо умерших следует поминать, принося им положенные требы на Вешних и Осенних Дедов, а также во время некоторых других Святодней Годового Круга, связанных с почитанием предков.)

30. Девушек, умерших до замужества, хоронят в облике невесты — с распущенными волосами, с венком на голове и в свадебной рубахе. Домовину умершей девушки красят в розовый цвет (в отличие от обычного красного) и украшают цветами. Подруги почившей,

проводя её «в последний путь», поют над ней свадебные песни, в причитаниях называют её «белой лебедушкой» и «княгиней». Девушкам-подругам, как и на свадьбе, раздают цветные ленточки, которые прежде лежали на крышке домовины, и кормят обедом. В некоторых местах бытует обычай вешать на могильный крест умершей девушки косу, плетённую из кудели (льняного волокна), как символ девичества. Похороны- «свадьба» завершаются поминками в доме родителей, на которых присутствуют молодые люди обоих полов — всё как на настоящей свадьбе...

Слава Роду!

[2005]

Книга Смерти

(Сборник этнографических материалов о смерти и похоронной обрядности славян)

1. Душа

Душа — незримый двойник человека при его жизни, обиталище Бессмертного Духа (Соби). После разделения с грубой плотью человека (в случае его смерти или во время сна) душа покидает тело, принимая облик ветерка, пара, дыма или бабочки, мухи, птицы. Иногда душу представляют как маленького человечка с прозрачным телом или ребёнка с крыльшками.

Своё начало душа берёт от матери при рождении человека, по другим представлениям — исходит от Самого Всебога Рода, либо Отца Небесного Сварога ^[9], как и Бессмертный Дух. Она живёт вместе с человеком и находится у него либо в голове, либо в ямке под шейей, в груди, в животе, в сердце и т. д. ^[10] Душа, в отличие от Бессмертного Духа ^[11], растёт, как и человек, чувствует тепло, холод, боль, радость, но питается только паром от пищи. При жизни человека она может покидать его только во сне, поэтому людям снится, что они путешествуют, попадают в необыкновенные места и т. д.

Если человек живёт не по Прави, связан с нечистой силой, то душа, покинув его во сне, творит различные злодейства. Так, по украинским поверьям, тело ведьмы остаётся бездыханным, пока душа, являясь людям в различных обликах, отбирает у коров молоко, похищает с неба звёзды и т. п. Если в это время изменить положение тела ведьмы, то

возвратившаяся после ночных странствий душа не может попасть в свою телесную оболочку и летает вокруг ведьмы, оборачиваясь то курицей, то гусыней, то мухой, то пчелой. Люди, совмещающие в себе свойства человека и духа (волхвы, ведуны, колдуны и др.), по поверьям, имеют две души. В русских и украинских верованиях эпохи двоеверия встречается противопоставление души, присущей человеку (мужчине), и пара, заменяющего душу животным, иногда — женщинам.

После смерти человека душа покидает тело с последним выдохом умирающего, оставаясь некоторое время поблизости от тела. Чтобы помочь душе покинуть помещение, нередко открывают двери, окна, заслонки в печи; из окна вывешивают полотенце, по которому она спускается, а затем при желании может вернуться обратно. Считается также, что душа «утирает этим полотенцем свои слёзы», отдыхает на нём. Белорусы во время одевания покойного ставят на окне стакан с чистой водой и вешают полотенце, чтобы душа умершего могла вымыться, обсушиться и чистой явиться на «тот свет». Украинцы полагают, что душа сопровождает тело до кладбища, плача и вопрошая: «Иой, а я де буду?»

После похорон душа часто возвращается в дом, поэтому на поминках у восточных славян принято подавать к столу горячие блюда (борщ, свежее испечённый хлеб, который непременно ломают руками, и т. д.), чтобы душа могла подкрепиться паром от этой пищи. У белорусов в течение шести недель в Красном углу стоит сосуд с водой: согласно поверью, душа покойника сорок дней находится в доме и нуждается в питье. На сороковой день после смерти у восточных славян происходят проводы души на «тот свет»; в Полесье, например, этот обряд называется «поднимать воздух». Сходные представления о душе усопшего, пребывающей вблизи людей в течение первых сорока дней после смерти, характерны и для южных славян. По истечении данного времени души путешествуют по земле, поднимаются в высшие воздушные сферы, летят на Суд к Вещему Богу и т. д.

Наиболее тяжёлым считается переход души через воду. Согласно древним славянским верованиям, души на «тот свет» перевозит Вещий Бог — Белес (в эпоху двоеверия — св. Никола); иногда подчёркивается, что он перевозит только праведные души. По украинским поверьям, счастливые души пребывают в Чертогах Боговых, стоящих на земле среди моря. Они непрерывно славят Бога или пируют за белыми столами, на которых яства не уменьшаются, поскольку души едят только пар. Неправедные души мучаются в Пекле и голодают, так как их кормят золой. Считается также, что неправедные души беспрестанно носятся по земле, вызывая вихри, бури, ураганы. Души некрещёных^[12] и не прошедших обряд имянаречения детей становятся навками, мавками, русалками.

Согласно поверьям, существует тесная связь души с телом и после смерти. Чтобы душа могла время от времени видеть своё тело, украинцы делают в гробу окошечко. В поминальные дни душа посещает родной дом, обходит места, где бывала при жизни во плоти, обязательно появляется у могилы, поэтому родственники усопшего оставляют на могиле пироги, блины, льют хмельные напитки. Русский обычай подметать могилу берёзовыми вениками объясняли тем, что душе «приятен запах берёзовой листвы». Повсеместно распространено верование о том, что души возвращаются домой на Коляду, Масленицу, в поминальные дни Вешних Дедов, на Зелёные Святки и др.

Показываясь людям, душа принимает облики различных насекомых и птиц, что связано с представлением о её лёгкости, способности летать, наличии крыльев и т. п. Так, у поляков и в южной России при появлении бабочек у пламени свечи поминают умерших, молясь и называя их по именам; известны также запреты убивать бабочек, приметы о них как предвестниках смерти и т. п. Если к дому постоянно прилетает какая-либо птица (воробей, кукушка, коршун), то её принимают за душу умершего. В Полесье о пролетающих в поле птичках говорят, что это

летают души добрых людей. Нередко в знак поминовения усопших на могилах или перекрёстках дорог рассыпают для птиц зерно. Иногда душу представляют себе в облике мыши, ящерицы и других *хтонических* животных.

2. Ведогон (ведогонь)

Ведогон (ведогонь) — по славянским верованиям, одна из составляющих души человека, «тело сновидений», или как говорят оккультисты, *эфирно-астральное* тело. «Странствовать ведогоном» — значит путешествовать без тела во сне или в *трансе* подобно камлающим шаманам.

Согласно верованиям южных славян, ведогонь — незримые духи, сопутствующие людям до смерти. Во время сна они исходят из человека и охраняют его имущество от воров, а жизнь — от неприятелей или других, недобрых, ведогонов. Между собою эти духи дерутся, и если в драке один из ведогонов убит, то и человек, хозяин его, вскоре умирает.

В некоторых случаях ведогонь могут становиться видимыми человеческому глазу. Считается, что если ударить ведогоня кованым железным остриём (например, ножом) — человек, по чьему ведогону был нанесён удар, также получит в соответствующем месте рану на теле.

В Белоруссии до сих пор верят, что каждый мальчик получает при рождении сестрицу — «сорку», а каждая девочка — «братека», которые остерегают их от несчастий и невзгод. Полагают, что духи эти — то же самое, что и ведогонь древних славян.

3. Сон

Сон — состояние человека, воспринимаемое в народе как близкое к смерти (ср.: смерть — «вечный сон», мёртвый — «усопший», умереть — «почить»). Говорят: «Сон смерти брат», «Сонный, что мёртвый» (у русских), «Сон — наполовину смерть» (у сербов). О сонливом человеке говорят, что его «смерть притягивает» и он скоро умрёт. Распространено представление, что во время сна душа, половина души или одна из двух душ человека, особенно ведьмы, временно покидает тело, в различном облике (чаще всего зооморфном) выходя из его рта, и путешествует по местам, которые человек видит во сне. Этим объясняется опасность резко будить крепко спящего человека, переворачивать его тело во время сна, так как его душа не сможет найти пути назад и человек заболит падучей, лишится памяти, рассудка или даже умрёт. На том же представлении основан и способ распознавания ведьмы у некоторых южных славян: спящую женщину, заподозренную в колдовстве, поворачивали ногами к изголовью и затем ждали, когда на чердаке поднимет шум злой дух, который вышел из неё и не может вернуться назад. Отделение души от тела происходит также при обмирании (см. далее), когда душа человека успевает посетить «тот свет».

Запрещено не только переворачивать, но и целовать спящего, особенно ребёнка, иначе он заболит или умрёт. Нельзя кормить спящего ребёнка грудью: он будет плохо расти. Если ребёнок смеётся во сне, значит, его забавляют добрые Природные духи (в эпоху двоеверия говорили — ангелы). Скрежет зубами во сне означает, что спящий борется с чертями. Когда человек разговаривает во сне, считают, что он долго не проживёт. Если взять его в это время за мизинец, он расскажет всю правду. Для прекращения бреда во сне следует потрясти спящего за нос. Чтобы просыпаться в желаемое время, нужно носить на шее особую косточку из петушиного крыла или ударить большим пальцем ноги о дно кровати несколько раз, обозначая час, когда нужно проснуться.

Запреты и предписания касаются позы спящего и его одежды. Спать ложатся в избе головой к Божнице, к Красному углу (а не к порогу) и поперёк половиц (а не вдоль, как кладут

покойника). Мужчине нельзя спать на животе, а женщине, особенно беременной — на спине, так как этим может воспользоваться нечистая сила. Опасно спать с открытым ртом, так как в человека может вселиться чёрт или заползти змея. Чтобы уберечься от злых духов, мучающих человека по ночам, ложатся спать на правый бок. Однако иногда считают, что во время сна на правом боку можно придавить доброго духа-хранителя, всегда находящегося справа от спящего. Если ребёнок спит ничком, уткнувшись в подушку, он осиротеет, а если с открытыми глазами — сам долго не проживёт. Считается, что спящий в одежде — часто болеет. Однако кое-где женщинам запрещалось спать без платка. В целях оберега от нечистой силы иногда спали, подпоясавшись, но существовало и представление, что дух-хранитель примет спящего человека за сноп, если у него не снят пояс и не расстёгнуты пуговицы.

На связи сна со смертью основаны различные способы усыпления, которыми пользовались воры: сыпали вокруг дома или перебрасывали через него землю с могилы, обходили вокруг дома с отрезанной рукой мертвеца, с метлой, которой подметали комнату, где лежал покойник, зажигали свечу от покойника, свечу из жил или жира мертвеца и т. п.

Обычай бдения, воздержания от сна, соблюдался во время похорон, родов и свадеб, в определённые Кологодные Святодни, а также на заходе Солнца и в полдень. Существовали запреты спать в определённых местах, особенно в местах появления нечистой силы: на меже, на перекрёстке дорог, в бане, в тени лещины, под скрипучим деревом, в котором томится неупокоенная (неправедная) душа. Того, кто спит на столе как на почитаемом месте, в наказание будут преследовать змеи, а тому, кто ест хлеб в постели и спит на хлебных крошках, будут сниться змеи. Нельзя, чтобы на спящего светила полная Луна: человек станет лунатиком, ночное светило может увлечь его на «тот свет».

Лунные фазы влияют на сновидения: на Новолуние сны обычно сбываются. Исполнение сновидений зависит и от дней седмицы. Так, сон, при сновидении в ночь на неделю (воскресенье) или на какой-либо Кологодный праздник, сбывается до полудня (ср. русскую поговорку: «Праздничный сон до обеда»), а сон на понедельник — «пустой». Вещие сны зависят также от времени ночи (до или после полуночи) и от положения тела спящего. Сны, приснившиеся под утро, исполняются быстрее. Сбываются сновидения, приснившиеся человеку, спящему на правом боку, и не сбываются при положении тела навзничь или ничком. Чтобы запомнить приснившийся сон, клали под голову камень, а проснувшись, кусали угол подушки и избегали смотреть в окно. Чтобы поскорее забыть худой сон, нужно взять себя за темя. Если желаешь присниться человеку, увиденному во сне, нужно перевернуть подушку. Чтобы не сбылся страшный сон, также переворачивали подушку, выворачивали наизнанку бельё и наволочку, не рассказывали сон три дня, вешали полотно на придорожный Чур или на священное дерево в дар Богам, садились на поперечную лавку, хватались за дерево или за железо со словами: «Куда ночь, туда и сон! Как не станет срубленное дерево на пне, чтоб так не стал и сон на правде!»

Вещие сны вызывали различными волшебными способами: например, девушки, чтобы увидеть во сне суженого, ложились спать натошак, клали под подушку мужские штаны, кольцо, гребень и т. п. и произносили особливые заклинания. По сновидениям гадали не только о женихе, но и выбирали на основе их предсказаний место для строительства дома или установки Капища. Сербь верили, что можно передать свой сон другому человеку в Юрьев день (на Ярилу Вешнего) до восхода Солнца. Для этого окликали кого-нибудь, ждали, пока он отзовется, и говорили: «Передаю тебе сон на Юрьев день».

4. Обмирание

Обмирание — народное название *летаргического* сна, который понимается как временная

смерть, когда душа спящего посещает «тот свет». Широко распространённые рассказы об обмираниях обычно включают мотив о том, как герой получает (чаще всего во сне) предуведомление (от некоего посла с «того света» или от Самих Родных Богов) о предстоящем обмирании. Основная часть рассказа содержит указание на продолжительность сна (три, пять, семь или двенадцать дней), сведения о проводнике, указывающем герою путь в мире Мёртвых (обыкновенно это умерший родственник или святой): картины Закрадного ^[13] мира, разделённого на отдельные зоны соответственно разрядам покойников; описание мучений несправедливых душ за различные весьма конкретные несправедливые поступки (отнимание молока у коров, заламывание колосьев в поле, убийство детей во чреве, злое колдовство, несоблюдение Родовых обрядов и обычаев и т. п.).

Путешествующий не может вмешиваться в происходящее на «том свете». Среди обитателей Закрадного мира он может встретить своих родственников, но облегчить их участь он не может. Часто гостю сообщают дату его действительной смерти. Концовка рассказа повествует о пробуждении от сна и возвращении к жизни. Проснувшийся сообщает близким об увиденном на «том свете», однако обычно ему разрешается говорить не обо всём или разрешается говорить всё, кроме «трёх слов» (реже вообще запрещается рассказывать об увиденном). Нарушение этих запретов грозит смертью. Подобно быличкам, тексты обмираний содержат «формулу достоверности», т. е. указание на реальное лицо, испытавшее обмирание, место и время действия и т. п.

В одном из подобных рассказов, записанных в Полесье, некоей вдове явился во сне «старый дед», объявил, что она заснёт крепким сном на пять дней, и велел приготовить на это время детям еды. Так она и сделала и только лишь вынула хлеб из печи, как сразу же уснула мёртвым сном. На третий день собрались её хоронить, но дети плакали и не дали её похоронить, объясняя, что мать проснётся. И правда — точно через пять дней, час в час, вдова проснулась и рассказала, что ходила «по всех мытарствах», и ей там сказали, о чём из виденного можно рассказывать, а о чём — нет. И она это исполнила.

В другом полесском тексте описывается само такое хождение «по мукам». После трёхдневного сна женщина рассказала, что покойный отец водил её по «тому свету» через двенадцать дверей: за одной дверью мучились женщины рвотой молоком — это те ведьмы, что молоко у коров отнимали; за другой крутили солому — это те, что заломы на полях делали; за третьей — женщины месили кровавое мясо — это те, что умертвили детей во чреве; затем были «колдуницы», варившиеся в кипящей смоле, и т. д. За последней дверью рассказчица встретила со своим сыном, погибшим на фронте (в войну 1941–1945 гг.).

Тексты об обмирании имеют много общего с другими фольклорными жанрами, прежде всего с духовными стихами, где описываются преступления несправедливых душ (заломы, отнимание молока, проклятие или задушение младенца и т. п.), за которые следует воздаяние на «том свете». В эпоху двоеверия эти мотивы находили своё отражение в христианских апокрифах, таких, например, как «Хождение Богородицы по мукам» и «Сон Богородицы», а также в средневековых европейских видениях, рассказывающих о посещениях «того света».

5. Смерть

Смерть — одно из главных понятий традиционной народной картины мира, противопоставленное понятию жизни; момент перехода человека из «этого» мира на «тот свет», в потусторонний мир Нави, граница между ними и одновременно — основное содержание и характеристика «того света».

Смерть неизбежна — она «повязана Макошью» (предопределена Судьбой), но время и обстоятельства своей смерти человеку знать не дано. Люди, однако, стремились угадать срок

своей смерти с помощью разных примет. Смерть предвещают многие сны: выпадение зуба, белые одежды, белый конь, дом без окон, яйцо, встреча с умершим родственником и многие другие; необычайные или редкие явления: собака долго воет, курица поёт петухом, птица бьётся в окно, крот роет под домом, кукушка «вещает», ворона каркает, стены или пол в доме трещат, звёзды падают с неба и т. п. Иногда люди пытались предотвратить смерть, избежать её, обмануть или отсрочить.

Кончина — пора расставания души с телом — требует, по народным представлениям, особого обрядового оформления, без которого переход души в Иной мир затруднён или невозможен, и она обрекается на вечное скитание.

Во время кончины появляется, приходит за душой Некто — Морена-Смерть, Сам Вещий Бог или Их духи-посланцы (в эпоху двоеверия — архангел Михаил, ангелы, какой-либо святой). По восточнославянским верованиям, добрый дух-хранитель и чёрт в момент смерти борются за душу умирающего, и кто из них победит, тот и берёт душу. Считается, что легко умирают праведники, а тяжелой смертью наказываются жившие не по Правде, например, злые колдуны, которые не могут умереть, пока не передадут своё Знание.

К обязательным составляющим обряда при кончине относятся: прощание умирающего с близкими, исповедь^[14], зажжение свечи, «карауление» души. Строго соблюдается тишина, запрещается плакать и причитать, чтобы не спугнуть, не сбить с пути душу. Самым большим наказанием считается смерть без покаяния и без свечи: покойник будет блуждать во тьме, станет упырём и т. п. Свечу, освященную на Капище на Громницу или на Водокрес, дают в руку умирающему, в изголовье ставят чашку с зерном или мукой.

Чтобы облегчить смерть, в народе издревле совершали разного рода волховские действия: перекладывали умирающего на пол, часто на солому, клали его вдоль матицы, к двери, за печь, переносили в стодолу (овин), переворачивали ногами в изголовье и т. п.; вынимали из-под головы подушку («куриное перо не даёт умереть»), клали под голову житную или гороховую солому, снопик с крыши, веник, моток нестираной пряжи или полотна; укрывали белым или чёрным платком, использованной на Дедовых поминках скатертью, свадебной одеждой. Чтобы «пропустить душу», расстёгивали одежду, отворяли окна, двери, сундуки, снимали печную заслонку.

В случае особенно тяжёлой смерти (человека, жившего не по Правде, злого колдуна) просверливали дыры в потолке или в стене, вбивали в потолок вилы или кол, поднимали балку-матицу, разбирали потолок и крышу, печь; звонили в колокол; обливали, кропили и поили водой — святой, «немой» (или «молчальной» — набранной и принесённой в молчании), дождевой с крыши или из дорожной колеи, водой с колокола, с придорожного Чура, Родового Столба, Капи или Свята, установленного на Капище; поили отваром, настоем из трав, из зелени свадебного венка и т. п. Окуривали особыми волховскими травами, дымом от оставшихся на бёрде ниток. Старались не говорить об умирающем, считая, что чем меньше людей знает о нём, тем легче ему умереть. Согласно народным верованиям, в миг кончины гаснет или падает с неба звезда. Кончина понимается как «второе рождение», а сопровождающий её обряд во многом сходен с обрядом родов.

Совершаемый над умершим погребальный обряд (обмывание, облачение, отпевание, оплакивание, погребение, поминание, траур) не только обеспечивает беспрепятственный переход души из Яви в Навь (ср. открывание дверей, окон, выливание воды из сосудов и т. п.), но и защищает живых от последствий соприкосновения со смертью (ср. такие действия, как закрывание глаз, завешивание зеркала, ночное бдение при покойнике и т. п.). Нарушение или неполнота обряда грозят, по народным представлениям, возвращением покойника, превращением его в упыря или возвращением смерти в дом, село.

Несмотря на опасность, миг смерти издревле считается благоприятным для некоторых хозяйственных дел. Так, в Полесье старались, пока мертвец не погребён, посадить тыкву или другие овощи, считая, что в этом случае они хорошо уродятся. Предметам, использованным в погребальном обряде (платку, которым подвязывали покойнику челюсть; шнурку, которым были завязаны его ноги; иголке, которой шили саван и подушку; полотну, па котором опускали гроб в могилу, и т. д.), часто приписывалась волшебная и целебная сила.

Персонифицированная Смерть в виде костлявой и безобразной Старухи Мары (Моры, Морены,

Мораны) с косой является героиней многих народных рассказов, быличек и сказок; в Кологодных обрядах Морена-Смерть — персонаж ряжения, а также чучело, уничтожаемое во время шутейных похорон (обрядовых проводов Старухи Зимы) на Масленицу.

6. Домовина, гроб

Домовина, гроб — атрибут погребального обряда, осмысляемый как «новое» или «вечное» жилище тела умершего. В славянских землях обычай погребения в гробу широко распространяется в эпоху двоеверия (в Великой Моравии с IX в., на Руси с X в.). Из дохристианских времён нам известны похороны в ладье или лодке (не случайно гроб с крышкой напоминает собой две сложенные вместе лодки), в берестяном коробе (этот обычай сохранили некоторые толки старообрядцев) и т. п.

В старинных похоронных причитаниях посмертное жилище покойного описывается как дом без углов, ср.: «Збудава́лі ^[15] табе сялибачку ^[16] новенькую і невясёленькую, / А няма жа ж у ей ні угольчыкаў, ні аконцаў» и т. д. В белорусских заговорах жилище, располагаемое в центре мира, под Мировым Древом, имеет не четыре, а три, девять, тридцать девять (обычно — нечётное количество) углов.

Изготовление гроба уподобляется строительству нового дома. На Карпатах и Русском Севере в стенках гроба на уровне плеч делали отверстия наподобие окошек, в которые вкладывали оконное стекло. Гуцулы в детском гробу в головах с правой стороны вырезают одно окошко, а для взрослого покойника — два. Маленькое окошко, иногда отверстие, прикрытое доской, имелось и в русских гробах-колодах. Окна делают для того, чтобы умерший мог выглядывать из своей «хаты», чтобы душа время от времени видела своё тело, чтобы умерший мог смотреть на других покойников.

Широко известен обычай заготавливать себе гроб задолго до смерти и хранить его на чердаке. Русские почитают это предзнаменованием долгой жизни. Часто в гробу хранили зерно и, если в доме никто не умирал, его брали на посев, подавали как милостыню. Белорусы верили, что если оставить заранее сколоченный гроб пустым, не насыпав в него жита, он «притянет» к себе мертвеца.

Готовый гроб окуривают воском, волховскими и ведовскими травами; кладут внутрь столярные инструменты, которыми пользовались при его изготовлении, закрывают крышкой и умывают над ним руки. Стружки и щепки, оставшиеся после изготовления гроба, не выбрасывали, а клали в гроб на дно, набивали ими подушку вместе с листьями берёзового веника, пускали по воде, выносили за село, в поле; высыпали на дороге перед домом умершего, придавив их камнем, в знак того, что в доме покойник, и т. д.

В соответствии с общеславянскими представлениями о смерти как сне, в гробу устраивали постель. Дно гроба выстилали соломой, сеном, сухими берёзовыми вениками (ср. рус. «пора на веники» — «пора умирать»). Белорусы поперёк прутьев развязанных веников клали пояс и застилали всё длинным куском холста, веря, что покойник должен явиться на «тот свет» опоясанным. Подушка в изголовье гроба набита сухими листьями берёзовых веников, сеном,

сухими пахучими травами и пр. По русскому обычаю, подушку набивали обрезками ткани, из которой шили погребальную одежду, а также куделей; в некоторых местах кудель не клали из опасения, что не уродится лён. Повсеместно остерегаются набивать подушку куриным пером.

По поверьям, умерший сохраняет свои прижизненные потребности и пристрастия, поэтому в гроб кладут пищу — хлеб, пироги, различные виды злаков, кружку мёда или пива, бутылку водки (в отличие от использования медовухи или пива, это достаточно поздний обычай, отвергаемый родно- верами), вино, воду, масло, соль, сахар и т. д. Повсеместно помещают в гроб полотно и одежду (сам гроб как вместительница сравнивается с одеждой: «И деревянный тулуп по мерке шьют»): мужчине в изголовье — шапку, женщине — чепец или платок, беременной — пелёнки и детские игрушки, умершим до брака — венок, фату и пр. Курильщику кладут в гроб табакерку с табаком, трубку, кисет, хромому — его палку или костыль, сапожнику — шило, плотнику — топор, портному — иглу. У всех славян известен обычай класть в гроб деньги как «подорожную» на «тот свет».

Колдунам, самоубийцам, опасным покойникам (см. далее), чтобы предотвратить их «хождение», кладут в гроб особые волховские травы, освящённый на Капище хлеб, мак, чтобы самоубийца его собирал, терновник, кресты^[17] из осины и т. д. В гроб клали предметы, которые надо было «выпроводить» из земного мира: сено, на котором лежал покойный в хате, гребень, которым его причёсывали, и т. д. Сходным образом избавлялись от болезней (например, клали в гроб рубашку больного), от вредных насекомых и пр. Повсеместно кладут в гроб предметы с целью передать их на «тот свет» другому покойному. Если в доме один за другим умирали двое, в гроб второго усопшего клали куклу, домашнюю птицу, голову чёрной курицы «взамен третьего покойника» (Сербия).

Чтобы защитить живых, гроб с покойником выносили из дома через окно, хлев, заднюю дверь; протаскивали его через дыру, сделанную под порогом (Словакия). При выносе стучали гробом три раза о порог или дверь, чтобы покойник попрощался со своим старым жильём и больше туда не возвращался (восточные и западные славяне), чтобы никто в семье больше не умер (южные славяне). Сербы тянули гроб назад на пороге, чтобы покойник «не потянул» за собой живых. При выносе гроба держали в руках хлеб, осыпали гроб зерном; передавали через гроб хлеб и соль по направлению от сеней к печи, чтобы сохранить урожай (Минская губ.). Закрыв гроб крышкой, на неё клали хлеб (рус. «гробовик»), который часто предназначался совершавшему похоронный обряд священнику или старейшине рода, как и кусок холста, полотенце, положенные поверх гроба.

Заколотый гроб опускали в могилу на верёвках или на длинных широких полотенцах, чтобы дорога на «тот свет» была широкая, как полотно. У южных славян сохранился обычай разбивать о спущенный в могилу гроб глиняную посуду, в которой приносили на кладбище масло и вино. Гроб с висельником ставили в могилу вертикально (Русский Север).

7. Могила

Могила — место пребывания тела покойника, «вечный дом» его после смерти. Могила считается святыней, которую нельзя осквернить: испортить, распахать и тем более — раскопать, чтобы украсть из неё сохранившиеся вещи. Запрещается не только забирать вещи, оставленные на могиле, но и бросать на неё что-либо (например, землю при выкапывании другой могилы). Нарушивший этот запрет будет обязательно наказан духами-навиями.

Могилу копают на месте, выбранном заранее родственниками или самим покойным при его жизни. Близким людям обычно запрещается копать могилу. В Белоруссии, например, это делали бесплатно старики или нищие, при этом они избегали разговоров о покойнике; закончив работу, объявляли убиравшим усопшего женщинам, чтобы они вылили в могилу воду, которой обмывали

тело. При выкапывании могилы запрещалось присутствовать жене умершего, а также женщинам, недавно потерявшим кого-нибудь из родных. Если при копании могилы обнаруживаются более ранние захоронения, то могильщики бросают туда деньги и другие ценные вещи, чтобы потревоженные мертвецы «не прогнали» вновь пришедшего.

Если могила оказывалась мала для гроба и её приходилось расширять, то это означало, что вслед за погребаемым туда же отправится новый покойник, обычно — его родственник. Подобное объяснение на Витебщине приводилось и в том случае, когда могила была слишком велика: верили, что одной жертвы мало и появится следующая. Особенно опасными представлялись такие происшествия, как осыпание краёв могилы и падение в неё кого-нибудь из сопровождавших покойника.

Заколотый гроб опускали в могилу на верёвках или на длинных широких полотенцах, чтобы дорога на «тот свет» была широкая, как полотно. В это же время присутствующие бросали в могилу различные вещи: деньги (чтобы покойник выкупил себе место на кладбище, на «том свете»), одежду (платки, шарфы, пояса), полотно, использовавшееся для шитья савана, а также иголки и нитки (чтобы ими не воспользовались для колдовства ведьмы); туда же сметали и зерно, которым посыпали гроб при выносе из дома. В могилу, как и в гроб, иногда опускали любимые умершим при жизни предметы (например, инструменты для ремесленников и т. п.).

Во многих областях Украины и Белоруссии в эпоху двоеверия был распространён обычай «печатать могилу»: священнослужитель или ведун под особые песнопения чертил железной лопатой знак равностороннего креста над могилой и крестообразным движением бросал на гроб землю; белорусы перед опусканием гроба в яму или по насыпанному уже пригорку стучали с четырёх углов крест-накрест лопатой. Погребение без такого «печатания» считалось неполным: именно оно не позволяло покойнику выйти из могилы.

В Олонецкой губернии вдоль могильного холмика клали лопату, которой засыпали гроб, а сверху ставили перевернутый горшок с углями. Белорусы на насыпанной могиле сразу делают крест, хотя бы маленький, временный, пока не поставят новый, в рост человека. На могиле ребёнка, родившегося мёртвым, разжигают костёр из осиновых веток, на могиле некрещёного (не прошедшего обряда посвящения огнём — кресения) ребенка оставляют камень или треугольник из осинового дерева. На могиле самоубийцы также оставляли камень; их могилы устраивали и вне пределов кладбища: русские — в глухих местах и оврагах, белорусы — на перекрёстках и холмиках в лесу, чтобы они были видны отовсюду. В Закарпатье на могилы самоубийц, обычно похороненных на месте преступления, бросали камни.

В день похорон на могиле устраивались поминки. Принесённые кушанья, состоявшие из кутьи или «кануна», а также блинов, пирогов, медового напитка и др., бросали на могилу. Остатки блюд часто оставляли на могиле для умерших, отдавали нищим. По данным археологии, в древности поминки у восточных славян совершались непосредственно на могилах. До сих пор такие поминальные обряды и обычаи, как «будить покойника», «поднимать воздух», «приклады» (белорусский поминальный обычай, связанный с обустройством могилы), тризны на Радуницу и др. происходят на могилах под открытым небом.

Могила умершего становится для родственников заменой и воплощением его самого: могилу или памятник на ней целуют, обнимают, говорят с нею и т. п.

Могила как место вечного пребывания умершего благоустраивается и нередко оформляется в виде дома. Так, белорусы устанавливали на могилах прямоугольные деревянные сооружения. Такой «приклад» напоминал крышку гроба, он имел окошечки и покрывал весь пригорок целиком; нередко его называли «хаткой». У русских установленные на могилах кресты с двускатным покрытием и со Святом (иконкой — в эпоху двоеверия) носили название «часовенка». На Русском Севере помимо обычного креста можно увидеть продолговатое

четырёхугольное сооружение («голубец»), открытое сверху или же покрытое плоской крышей, на которой ставят крест. На могиле делают и своеобразный «сад»: сажают цветы, плодовые деревья и т. п. — в ознаменование восхождения души умершего в Небесный Ирий-Сад. В Гомельском Полесье на Радуницу следовало, например, посадить на могиле дерево, а вокруг неё воткнуть берёзовые прутья.

У всех славян распространено поверье, что земля с могилы обладает чудодейственными свойствами. Так, в севернорусских деревнях этой землёй тёрли себе грудь, держали за пазухой, клали в воду, которой обливались после похорон, для того чтобы прошла тоска по умершему. В Витебской губернии считалось, что земля со свежей могилы ослабляет страх перед покойником, не подпускает смерть к дому, предохраняет от болезни людей, скот. При повальном моровом поветрии у скота могильной землёй троекратно обсыпали животных. В Полесье больного ребёнка купали в воде с песком с могилы родственника.

Могильная земля — одно из сильных колдовских средств, её использовали в насылании злых чар (реже — в лечебной волошбе) колдуны и ведьмы. У многих славянских народов эта земля считалась очень опасной: например, сербы остерегались приносить её домой; людей, копавших могилы, заставляли разуваться и вытрясать землю из обуви; никто из домашних не решался до неё дотронуться.

8. Кладбище

Кладбище — место погребения усопших, где, по поверьям, пребывают души умерших и духи-навии; священное место, где совершаются поминальные обряды. Как часть мифологизированного пространства кладбище противопоставлено селу, т. е. миру живых людей.

Первый похороненный на новом кладбище покойник считается родоначальником всей кладбищенской общины предков. Строго соблюдаются общие правила поведения на кладбище. У восточных славян при встрече на кладбище нельзя говорить «добрый день», «до свидания» (говорят: «прощайте»), чтобы в дальнейшем на кладбище не встречаться. Около кладбища нельзя петь песни; мимо кладбища следует проходить пешком новобрачным во время свадьбы, возвращающимся с крестин куме с ребёнком. У всех славян тяжёлым преступлением считается осквернение кладбища, могил предков. Старые кладбища нельзя перепахивать, как нельзя сдвигать и надгробные памятники, иначе вымрет семья; выносить что-либо с кладбища (например, оставленную на могильных крестах одежду). На кладбище запрещается ломать ветки, рвать цветы и даже вдыхать их запах, чтобы не потерять чувство обоняния. По полесским поверьям, у хозяйки, которая сломает на кладбище зелёную ветку и выметет ею золу из печи, всю ночь в доме и под окном будут бродить покойники. У сербов запрещается рубить деревья на кладбище, т. к. души покойных не смогут отдохнуть в тени деревьев и вкушать их плоды.

По представлениям западных славян, души, живущие на кладбище, сохраняют привычки людей при жизни. По верованиям болгар и македонцев, мёртвые выходят в полночь из гробов, гуляют по кладбищу и посещают друг друга. Всем славянам известно поверье о том, что в определённые часы (главным образом, в полночь) и Кологодные праздники (чаще — в поминальные дни) на кладбище можно видеть души мёртвых. Когда покойника несут на кладбище, его встречают души тех, кого он провожал в последний путь: они виснут на гробе, отчего гроб становится невероятно тяжёлым, как считают в Полесье.

В поминальные дни и Кологодные праздники — на Масленицу, на Вешних Дедов (в эпоху двоеверия — на Фоминой неделе) и др. — для душ выпекают особый хлеб, оставляют еду на кладбище, приносят им одежду, чистят и украшают могилы. Их приветствуют, как живых, приглашают их к трапезе: «Святые радзицели! Ходзице к нам хлеба-соли откушаць!» (белорус.) В Рязанской губ. говорят, что поминальную пищу, которую приносят на кладбище на Радуницу,

вкушают вместе живые и мёртвые, выходящие «из темницы» и невидимо присутствующие с живыми до захода Солнца.

Огонь или огоньки, замечаемые на кладбище, считаются знаками душ умерших. По сербским поверьям, при появлении огоньков или огней не следует ходить на кладбище, т. к. в это время там блуждают души умерших; болгары полагают, что на такие огни нельзя смотреть, иначе ослепнешь.

Нередко кладбище считается местом скопления злых духов и душ неправедных людей, некрещёных детей, изгоев, чужаков-иноверцев и т. п. Злые души нападают на прохожих, являясь в том виде, как были захоронены, в белых одеждах, которые не следует трогать, или в виде столба пара, воздуха. По польским и полесским поверьям, возле кладбища появляются духи-навии, предвещающие смерть увидевшему их; русалки, издающие ночью на кладбище пугающие звуки. В разных славянских землях известны поверья и былички об обитающих на кладбище упырях (вампирах), которые вылезают «из дыр» в могилах, седлают ночных прохожих и т. п. Кладбище стараются обходить стороной, особенно ночью. Проходя мимо кладбища ночью, следует обращаться к Светлым Богам, чураться (в эпоху двоеверия советовали креститься), подать голос, «чтобы родители услышали и не пугали».

На кладбище осуществляются волховские действия и обряды с целью излечения от болезни или бесплодия, изгнания из села нечисти, а также для приобретения человеком чудесных знаний или нанесения порчи. Особое значение в этих действиях приписывается земле, песку, растениям с кладбища, найденной кости и другим предметам.

Изгоняя болезнь, в Полесье варят в воде песок с кладбища и купают больных детей, после чего его возвращают на то место, откуда брали. Больного лихорадкой посылают ночевать на кладбище. Могильную землю как одно из сильных колдовских средств использовали в колдовских целях ведьмы: например, в Полесье кладбищенскую землю, песок бросают на пути новобрачных, чтобы испортить молодым жизнь или вызвать их смерть.

У южных славян на кладбище также исполняются ритуалы разделения «одномесячников» и заключения побратимства.

9. Покойник

Покойник — по народным представлениям, опасное существо, способное «водить» после смерти («вставать» из могилы и наведываться к живым); в похоронном обряде воспринимается как носитель смертоносной силы и одновременно как объект почитания — предок-опекун рода.

В народной терминологии и фразеологии, связанной со смертью, покойник изображается как странник, отправившийся в дальний путь (ср. восточнославянские выражения об умершем: «пошёл до дому», «отошёл», «собирается в далёкую дорогу» и т. п.), либо как переселенец, достигший загробного мира, который примкнул к сонму предков: «отправился к праотцам», «пошёл до Дедов», «с Дедами гуляет», «с предками здороваются». В народных загадках и поговорках статус покойника определяется через свойства, отличающие его от человека: «Обулся не так, оделся не так, поехал не так, заехал в ухаб и не выедет никак», а также через признаки, характеризующие неподвижность и безжизненность умершего: «Не дышит, не пышет, не ворохнется», «Нос есть — не нюхает, уши есть — не слышит», «С руками, с ногами, а с лавки не слезет».

В похоронных причитаниях покойник называется «гостем», «путником», которому предстоит трудный переход: «Куда же ты снаряжаешься? Во ко- тору путь-тропу, дальню дороженьку?»; его возвращения в дом родственники ожидают в установленные поминальные дни. Все этапы похоронного обряда призваны обеспечить переход покойника на «тот свет» и придать такому переходу необратимый характер, т. к. пребывание умершего в земном

пространстве среди живых издревле воспринималось в народе как опасное нарушение нормального положения вещей: «Не должно до срока Явь с Навью единить».

В народных славянских поверьях мотив хождения «оживших» покойников к родственникам — один из наиболее распространённых. Такими «беспокойными» (т. е. склонными к хождению) покойниками могли быть все недавно скончавшиеся, а особенно — злые колдуны и те, кто жил несправедливой жизнью; о них говорили, что до истечения сорока дней или года после смерти они ещё «не определились к месту», не перешли безвозвратно в мир Мёртвых, поэтому часто вторгаются в мир Живых во внеурочное время.

Хождения покойника к людям, по народным воззрениям, опасны тем, что покойник старается увести за собой близкого человека, который сильно тоскует по умершему. Считалось, что покойников вынуждают «ходить» оставшиеся окончательно не разорванными связи с живыми: сильная привязанность к членам семьи и тоска по любимым; чувство мести и обделённости; не исполненное близкими людьми желание умирающего; неулаженная ссора; невозвращённый долг и т. п. На вопрос о том, почему покойники «ходят», в народе говорили: «А зависть какая-то у них» (сев. — рус.), «чтобы отомстить за что-то живым» (укр.), «чтобы посмотреть, есть ли в доме порядок» (рус.), «чтобы помочь родным по хозяйству» (пол.), «его водит тоска по родне» (белорус.). Верили, что причиной «хождений» могло быть нарушение общепринятого правила класть в гроб с умершим его любимую вещь или надевать на него определённую (выбранную им самим) одежду, либо неточное соблюдение людьми прочих похоронных обычаев. Если все эти обстоятельства мешали переходу души умершего в Иной мир, то он становился чрезвычайно опасным духом, наносящим вред людям, и причислялся к категории «нечистых», «заложных» покойников.

«Заложными» назывались в русских верованиях все умершие «не своей» смертью, т. е. неестественной, насильственной, преждевременной (самоубийцы, убитые в драках и сражениях, погибшие в результате несчастного случая, мертворожденные некрещёные младенцы, молодые люди, не вступившие до смерти в брак и т. д.). К «заложным» относились также те, кого похоронили с нарушением предписанных обрядов; те, кто при жизни занимался колдовством и общался с нечистой силой; люди-двоедушники; дети, проклятые родителями, и т. д.

Слово «заложный», введённое в научный обиход Д.К. Зелениным, было известно в диалектах Вятской губ., где оно обозначало умерших внезапной смертью и отражало особый способ их захоронения: покойников не закапывали в землю, а «закладывали» кольями, палками, ветками, листвой, оставляя тело на поверхности земли. Считалось, что их «не принимает» святая Мать-Земля, т. е. могила «не держит» в себе покойника, он выходит из неё и бродит как привидение, преследует и пугает путников, посещает дома своих родственников, насылая болезни на людей и моровые поветрия на скот. Доказательством того, что земля «не принимает», считался также факт сохранности тела «заложного» покойника, которое оставалось в могиле нетленным (более того: у него продолжали расти ногти и волосы).

Главным вредоносным свойством «заложных» покойников была способность вызывать стихийные бедствия (бури, град, затяжные дожди или засуху, летние заморозки и неурожай). Исторические свидетельства об обычае выкапывать из земли погребённых самоубийц для предотвращения таких несчастий встречаются в древнерусских памятниках начиная с XIII в. Считалось, что «нечистых» покойников следовало хоронить на пустырях, в оврагах и топких местах, под гатями, в крайнем случае — вблизи кладбища, но за его оградой. Если происходили стихийные бедствия или массовые моровые поветрия, сельские жители, несмотря на многочисленные запреты со стороны светских и церковных властей, тайком выкапывали из могилы тело «заложного» покойника, относили его за границу своего села, бросали в глухих местах или старались обезвредить опасное воздействие умершего (например, забивали в гроб

осиновый кол, переворачивали труп в гробу лицом вниз, на шею покойника накладывали железный серп или обломок косы, сыпали на могилу раскалённые угли и т. п.).

Временем общих поминок по всем «заложным» покойникам считалась у русских пора Зелёных Святков (Русальная седмица). Ещё в XVII–XVIII вв. в это время устраивались массовые захоронения в общей могиле всех не погребённых «нечистых» покойников, оставленных — как этого требовал старинный обычай — на поверхности земли.

10. Прощание

Прощание — 1. ситуация, возникающая при расставании людей (в том числе и с умершими); сопряжена со взаимным прощением и, как правило, сопровождается поцелуями; 2. обрядовая просьба о прощении, которая может быть обращена не только к живым, но и к умершим, а также к земле, воде и другим природным стихиям и объектам.

У восточных славян прощание при расставании подразумевало взаимное прощение обид (в связи с этим «прощай!» до сих пор употребляется при расставании надолго или навсегда в отличие от «до свидания!»).

Взаимное прощение и утверждение вечной обоюдной любви высказывалось и при прощании с умершим. По словам П. Петрея (нач. XVII в.), «подходят к гробу родители покойного, братья, сестры, жена, дети, друзья, родные и все присутствующие, целуют его на расставанье, прощаются с ним, потому что дольше ждать ему нечего, а пора и в дорогу».

В Харьковской губернии в первый день Вешних Дедов (Навьевей седмицы) ходили до рассвета на кладбище просить прощения у отца и матери те люди, которых проклинали покойные родители. Считалось, что если в это время в земле раздастся гул, то это означает, что отец или мать простили своё дитя, и потому их приняла Земля, которая раньше не принимала их за оскорбление, нанесённое ей проклятием собственных детей.

Еще в начале XX в. во Владимирской губернии старики перед смертью ходили в поле или просили отнести их туда «с Землёй и с вольным светом проститься». На поле старик вставал на своём участке на колени и клал четыре земных поклона на все четыре стороны. Прощаясь с землёй, говорили: «Мать Сыра-Земля, прости меня и прими!», а прощаясь с вольным светом: «Прости, вольный свет- батюшка!»^[18]

11. Похороны: общие сведения

Похороны — в традиционной народной культуре обряд, воплощающий мифологизированные отношения между живыми и мёртвыми, потомками и предками, этим и «тем светом». В дохристианскую эпоху у славян господствовал обряд трупосожжения на костре: кости с кострища собирали в горшок — урну, над кострищем насыпали курган. Для погребальной обрядности характерным было сочетание противоположных устремлений: удалить на «тот свет», уничтожить мертвеца (и всё, связанное со смертью, в частности, вещи умершего) в огне погребального костра и одновременно сохранить возле живых дух благодетельного предка — отсюда возведение памятников (курганов и т. п.), собирание костей в урну — новое «тело» и т. п. Ср. также древний обычай устраивать под курганом загробное жилище — дом-могилу (сруб, окружённый изгородью-чостоколом) и позднейшее наименование гроба в русской традиции «домовина». Кладбище могло восприниматься как «селение мёртвых» (ср. русское «погост» — «центр сельской округи» и «кладбище»).

Персонажем славянской мифологии, непосредственно связанным с обрядом похорон, считается Баба Яга^[19]: Яга, одна из ног которой — мёртвая («костяная»), живущая (лежащая на печи) в избушке «на курьих ножках» без окон и дверей, расположенной на границе «того света» (леса), и помогающая герою волшебной сказки найти путь в Иной мир, напрямую связана с

образом благодетельного предка, обитающего в доме-могиле.

Обряд сожжения считался наиболее действенным способом удаления умершего (и вообще всего вредоносного) на «тот свет»: в описании похорон руса у арабского автора X в. Ибн-Фадлана один из совершавших обряд говорит, что умерший с погребального костра тотчас входит в рай (Ирий), погребенного же в земле едят черви. Черви, змеи и прочие гады воплощали опасность, исходящую из разлагающегося трупа: в русской сказке колдун говорит, что расправиться после смерти с ним можно лишь сожжением; из тела его поползут разные гады, которых также надо бросать в костёр, иначе с ними уйдёт от смерти сам колдун.

Древнерусское описание похорон Совия (вставка в «Хронику» Иоанна Малалы, XIII в.) включает три фазы обряда погребения: Совия хоронят в земле, но там ему нет покоя, так как его едят гады; затем его хоронят на дереве, но там его кусают комары и пчёлы; затем его сжигают, и он чувствует себя на «том свете», как дитя, спящее в колыбели. Погребение на дереве явно связано с представлением о Мировом Древе, связующем всё Тремярьё (Явь-Навь-Правь): ср. древнерусское описание погребального обряда вятичей и других славянских племён, помещающих урну с прахом «на столпе на путях» («Повесть временных лет», XII в.) — столп здесь также воплощает Мировое Древо. Умерший, отправляясь на «тот свет», в Закрадное хождение, проходил через все ступени восхождения души — от дома (дома-могилы) до самого Светлого Ирия.

Вторжение «заложных» покойников в мир живых в народной культуре преодолевалось особыми обрядами удаления трупа из могилы или пригвождения его к земле (осиновым колом) и т. п. Умершего раньше срока, холостого (и в силу этого опасного для живых) хоронили со свадебными обрядами.

12. Похороны в народной культуре

Похороны, похоронные обряды — в народной культуре важнейший комплекс семейных обрядов, завершающих «коло жизни земной». Как обряд перехода (на «тот свет»), похороны сходны по структуре и символике с другими обрядами жизненного круга — родильными и свадебными.

Похоронные обряды начинались с момента приготовления к смерти, переодевания умирающего, которому давали в руки горящую свечу; в случае грудной смерти — при расставании души с телом — открывали двери, окна, печную заслонку, ломали конёк крыши (подобные действия у восточных и южных славян совершали и при трудных родах — при расставании ребёнка с материнским чревом). На Русском Севере при умирающем ставили чашку с водой, чтобы душа омывалась.

О смерти оповещали родственников и односельчан, тогда же начиналось оплакивание, причитание. Принято было выливать всю воду, имеющуюся в доме, занавешивать зеркало (закрывать вход на «тот свет»). Покойника обмывали, переодевали в смертную (белую) одежду, которую предварительно лишали всех застёжек и других металлических частей. Девушку, умершую до вступления в брак, хоронили в свадебной одежде, у украинцев её гроб сопровождал «жених» — таким образом в обряде преодолевалось нарушение жизненного круга.

Особые обряды сопровождали изготовление гроба и помещение в него покойника, ритуальных предметов и т. п.; на место, где лежал покойник, клали оберег — топор, камень, дежу, украинцы разбивали на этом месте горшок, южные славяне забивали гвоздь, на Русском Севере бросали камень вслед покойнику, «чтобы остальные были живы». До самих похорон приняты были ночные бдения при покойнике, а также (на Западной Украине и в некоторых других славянских землях) «игры при покойнике» («весёлые поминки»), включающие шутейные действия, в том числе срамные, восходящие к древнейшим обычаям тризны и т. п.

Похороны совершались на третий день, гроб несли к месту погребения на руках или в телеге, иногда на санях; сани и телегу могли переворачивать после похорон (как и другие предметы в доме покойника), «разделяя» таким образом мир Живых и «тот свет». Избу после выноса покойника выметали, иногда осыпали пол зерном. У восточных и южных славян все этапы похорон сопровождались причитаниями (белорус, «голошение»), описывающими, в частности, дорогу покойника на «тот свет».

По возвращении с кладбища устраивали поминки (тризну) с обрядовыми блюдами (горох, блины, кутья), для покойника клали ложку (под скатерть) и хлеб, совершали также обряд «поисков покойника»: обход жилых и хозяйственных построек. Поминки совершали также через день, через неделю, на «сороковины» (сороковой день, когда душа окончательно расставалась с телом) и через год после похорон.

13. Переворачивание предметов на похоронах

Переворачивание предметов — волховское действие в составе погребального и некоторых других обрядов, призванное предотвратить «возвращение» покойника (его «хождение» после смерти) или отогнать нечистую силу. Это может быть вращение по вертикали или по горизонтали, а также выворачивание наизнанку (обычно, одежды). Уже во время агонии часто переворачивали самого умирающего так, что его голова оказывалась на месте ног. При погребении колдуна, его выносили из избы не ногами, а головой вперёд, и у первой реки переворачивали тело в гробу (Вологодский край). Переворачивание лавок, табуреток или стульев, на которых стоял гроб, известно в разных славянских землях. В России в новгородских деревнях и сёлах до недавнего времени, когда выносили из избы покойника, крестили дверь и «валили», переворачивали табуретки, на которых стоял гроб. То же делали на севере Польши: переворачивали лавки, «чтобы на них не сел покойник». Черногорцы снимали с петель входную дверь и переворачивали её, если в семье скончался молодой мужчина.

Во многих местах было принято переворачивать сани или телегу, на которой гроб везли на кладбище. На юге Польши телегу переворачивали и оставляли так до следующего дня, потому что иначе «на телеге будет тяжело ездить». В Вологодской губ. сани оставляли опрокинутыми полозьями вверх и с обёрнутыми назад оглоблями недалеко от дома до сорокового дня, веря, что покойник, стремящийся вернуться домой, увидев перевёрнутые оглобли, возвратится в свою могилу. Сербь умерших младенцев относили на кладбище в колыбели, а после погребения колыбель переворачивали и оставляли на могиле.

В славянском погребальном обряде известно также переворачивание посуды. Полесские крестьяне при приближении кончины домочадца выливали всю имевшуюся в доме воду во двор, а сосуды переворачивали вверх дном. Переворачивали и оставляли на могиле также горшки или миски, в которых за гробом несли горячие угли. На Русском Севере (Олонецкий край) на кладбищах на каждой могиле лежит лопата и стоит кверху дном обыкновенный печной горшок. У сербов было принято перед наступлением смерти зажигать свечу и одновременно переворачивать все зеркала, корыта, вёдра и не пользоваться ими до конца похорон. Переворачивание предметов известно также в южнославянских обрядах защиты от града — переворачивали треножник, трапезный столик и другие предметы, рассчитывая этим повернуть назад надвинувшуюся па село тучу.

На Балканах в знак траура женщины часто носили вывернутую наизнанку верхнюю одежду, а мужчины — вывернутые шапки. Выворачивание одежды применялось также для отгона приставшего в пути животного (собаки, лошади, овцы): на него махали одеждой, а затем надевали вывороченное платье и продолжали путь. Сербь, если им нужно было куда-нибудь отправиться ночью, переворачивали шапку, кафтан или иную одежду, чтобы защитить себя от

нечистой силы. Помогал этот приём и в случае, когда человек не мог выбраться из леса, где его «водил леший» (надо было надеть обувь с правой ноги на левую и наоборот). Использовался он и при лечении: белорусы больному ребёнку надевали вывернутую наизнанку рубашку или клали его в колыбели «наоборот»: ножками «в it хловашки».

Переворачивание «нечистого», «заложенного» покойника в могиле было распространённым приёмом, позволявшим избавиться от его «хождения»: тела ведьм, колдунов, упырей — переворачивали в могилах со спины лицом вниз и забивали в могилу осиновый кол или (у южных славян) кол из боярьшника.

Переворачивание, таким образом, соотносилось с представлением о потустороннем («перевёрнутом»), чуждом и даже враждебном по отношению к живым людям мире, поэтому вне связи с этим миром оценивалось негативно. Например, запрещалось держать буханку хлеба коркой вниз (это предвещало смерть кого-либо из домочадцев), переворачивать после еды миску или класть ложку тыльной стороной кверху, если это не поминальная трапеза, когда подобные действия предписывались обрядом.

14. «Похороны-свадьба»

«Похороны-свадьба» — обычай устраивать символическую свадьбу во время похорон молодых людей, не успевших вступить в брак. По народным поверьям, умерший, который при жизни не обрёл своей супружеской пары, не может перейти на «тот свет» и обречён скитаться в земном мире. Наряду | теми, кто умер, не пройдя обряда кресения и имянаречения, а также с теми, кто покончил жизнь самоубийством, неженатые и незамужние парни и девушки включались после смерти в категорию нечистых» покойников, души которых становились вредоносными духами-навиями. Чтобы предотвратить это, родственники внебрачных умерших При их похоронах устраивали видимость свадьбы: наряжали покойника в свадебный наряд; плели цепок и украшали свадебное деревце; пекли такой кс каравай, как на свадьбе; на похороны приглашали музыкантов и гостей, которые пели свадебные песни.

Ещё в начале XX в. украинцы и белорусы смотрели на похороны девушки как на её «замужество», |с. одевали умершую, как под венец. Её родня раздумала участникам похорон подарки, как на свадьбе, Иногда для покойницы избирался из числа её знакомых «жених», который шёл в свадебном наряде за гробом. У западных славян при похоронах девушки плели два венка: один надевали на голову умершей, а другой символизировал её жениха — его бросали в могилу или вешали на могильный крест, В Восточной Сербии подобные обряды фиксировались ещё в 1950-е гг.: в окрестностях Петровца при похоронах жениха, уже сговорённого к свадьбе, устраивали так называемую «мёртвую свадьбу»: после похорон юноши «венчали» его оставшуюся в живых невесту с одеждой умершего. Случалось, что на роль условной «невесты» приглашали какую-нибудь сельскую девушку и при похоронах ещё не обрученного парня. В Сербии ряженая «невеста» несла в траурной процессии два венка, один из которых она бросала в могилу, а второй была обязана носить ещё какое-то время после похорон. На таких похоронах обычно играла весёлая музыка, а на могиле исполнялся обрядовый хоровод («хоровод по мёртвому»), Такие же обрядовые формы «похорон-свадьбы» были известны на всей территории Болгарии.

Условным партнёром умершего в обряде символического венчания иногда выступало растение или камень. Так, в Михайловградском крае Болгарии отмечен обычай венчать неженатого умершего с камнем: при похоронах юноши слева от него клали камень, обвязанный женской косынкой, а при похоронах девушки справа от неё размещали камень с надетой на него мужской шапкой. В других вариантах обряда юношей венчали с камнем, а девушек — с сухой веткой ежевики. Известны также случаи, когда брачным партнёром умерших молодых людей

выступала верба или фруктовое дерево.

Древнейшим упоминанием об обычае «похорон-свадьбы» является свидетельство арабского путешественника Масуди (X в.), который сообщал, что на Руси при похоронах неженатого человека его до погребения «женили».

В славянских народных песнях смерть молодого-героя часто описывается как «свадьба» или «венчание» с Сырой Землёй или с могилой; если герой живет в реке, то женой его называется речная волна, сватами и гостями — рыбы и т. п., например: Ты скажи, мой конь, к родной матушке, / Ты лети прелой к милой ладушке, / Не скажи, мой конь, Что я утопился, / А скажи, мой конь, что я женился-1 и / Как женила меня вода светлая, / В зятя примяла Мать Сыра-Земля!» В похоронных причитаниях по неженатым подробно разрабатываются мотивы выбора невесты для умершего, свадебных приготовлений, похороны называются «невесёлой свадебкой», у покойника спрашивают, к какой девушке он отправился свататься, и т. п.

15. Вторичное погребение

Вторичное погребение — обряд, распространённый в некоторых южнославянских регионах: южной Македонии, юго-восточной Сербии, некоторых районах Боснии, Герцеговины и Далмации, северо-западной Словении, частично в Хорватии, северной и юго-восточной Болгарии, а также в греческой Македонии, Албании и Румынии. Обряд состоит из нескольких частей: раскапывают могилу (через три, пять, семь, реже девять и более лет), иногда в определённые Кологодные праздники (часто в один из поминальных дней); вынимают кости, очищают и моют их, поливают вином, складывают в определённом порядке в чистое полотно или горшок; на следующий день совершают полный обряд погребения и зарывают кости в могилу (иногда их относят в костницу).

Перезахоронение костей может быть совершено и без специального разрывания могилы, а по случаю нового погребения в ту же могилу. Обряд чаще всего объясняют необходимостью проверить, не превратился ли покойник в вампира (об этом свидетельствует, по поверьям, нетленность тела); если вампиризм устанавливался, то принимаются защитные меры: труп сжигается или пробивается колом из боярышника. По другим представлениям, могилу раскапывают, чтобы ещё раз увидеть покойника и воздать ему последние почести. У словенцев особым почитанием издревле пользуется череп покойника.

Свидетельства об обряде вторичного погребения сохранились с XIII в. Несмотря на запреты и суровые меры, принимавшиеся христианской церковью для искоренения этого обычая, он дожил до XX в. и кое-где бытовал ещё в 50-е гг.

16. Траур

Траур — система правил и запретов, соблюдаемая членами семьи, родственниками и близкими умершего. Продолжительность траура или отдельных его видов может быть разной (один-три дня, девять дней, сорок дней, полгода, год, несколько лет, пожизненный траур), это зависит от степени близости к умершему (более строгий и более длительный траур соблюдается по отношению к супругу, детям, родителям, братьям). Формы и виды траура различны в разных местных традициях.

Знаком траура чаще всего бывает одежда и головной убор (чёрного или — в древности — чаще белого цвета вся одежда, чёрная одежда и белый платок у женщин в некоторых балканских регионах, отсутствие головного убора у мужчин, у южных славян часто — выворачивание верхней одежды наизнанку или надевание её задом наперёд, завязывание пояса спереди, у женщин способ завязывания платка — на макушке, под подбородком или на шее и т. п.), внешность (распущенные волосы у женщин, борода у мужчин; у женщин на Балканах, особенно

в Черногории, часто царапание лица, вырывание волос), внутреннее и наружное убранство дома (запрет на побелку дома в течение года; на Балканах чёрный, реже белый платок или полотно, вывешенные на дверях; в них часто завязывали несколько монет и втыкали иглу с красной ниткой; равносторонний крест, нарисованный на дверях, и др.).

Одним из главных знаков траура обычно является воздержание от любых проявлений веселья, от пения, смеха, игры на музыкальных инструментах, танца, громкой речи, участия в праздничных сборищах и застольях, а также ограничения в пище и питье (например, кое-где у болгар в период траура не пьют молока). Нередко соблюдаются запреты на женские работы — прядение, тканье, шитьё, замешивание кислого теста, метение дома, а также на мытьё, расчёсывание и стрижку волос, употребление косметики и украшений (у женщин на Балканах); в первые три дня после смерти часто запрещается любая работа.

Соблюдающие траур ограничены в своих обрядовых возможностях: они не могут крестить детей, участвовать в свадебных церемониях, обрядовых обходах и т. п. В их дома не заходят колядовщики, на Вешних Дедов (в эпоху двоеверия — на Пасху) в них не красят яйца (или красят их не в красный, а в зелёный или жёлтый цвет).

По широко распространённому обычаю южных славян, траур не соблюдается в случае смерти первого ребёнка: мать не носит траурной одежды, не раздаёт «на помин души», не ходит на могилу и т. п., чтобы не утратить способности рожать детей.

17. Навь, навии

Навь, навии — в славянских представлениях Закрадный мир (Навь), «тот свет», и его обитатели, бесплотные духи (навы, навии). Души умерших попадают в Навь, плывя на погребальной ладье, и там становятся навиями. Также навиями называют духов нечеловеческой природы, подвластных Велесу — Навьему Владыке. Общеславянским является представление о «навье косточке», которая считается причиной смерти и сохраняется в разлагающемся трупе. Родственное Нави имя самостоятельного Божества — *Nya* (*Nyja*) в списке польских богов у Я. Длугоша (XV в.), отождествляемого с римским Плутоном. У других славянских народов к навиям относятся целые разряды духов, связанных со смертью: украинские навки, мавки, болгарские навии (павы, навляци) — злые духи, двенадцать колдуний, которые сосут кровь у родильниц, и др.

Духи-навии постоянно и ежечасно взаимодействуют с человеком, будучи «добры или злы по обстоятельствам». Исключение составляют духи, представления о которых подверглись наибольшему влиянию христианства: духи, ставшие тождественными ангелам, а также духи-спутники человека, превратившиеся в противопоставляемые воплощения добрых и злых начал (ангел-хранитель, добрый дух и чёрт, бес-искуситель, злой дух).

В Смоленской губернии (и некоторых других) духами именовали ветры: ветры, по мнению южновских и гжатских раскольников, «суть духи грешных людей. <...> Духи эти, или ветры, находятся во власти четырёх ангелов. Один из этих ангелов находится на восточной стороне, другой на закате, третий на полдне, четвертый на полночи; поэтому и ветры дуют не с одной стороны, а с четырёх».

В «Повести временных лет» (под 1092 г.) причина эпидемии в Полоцке приписывается мертвецам, скачущим на невидимых конях по улицам: «навье бьют полочаны». У восточных славян существует особый Навий день^[20], день поминовения умерших, в эпоху двоеверия приуроченный к четвергу пасхальной недели (укр., белорус. Навский Великдень, Мавський Великдень, Мертвецкий Великдень).

18. «Тот свет»

«Тот свет» — Закрадный мир, место пребывания душ умерших людей, а также Богов и духов. В системе славянских верований «тот свет» — одно из центральных понятий, связанных с представлениями о потустороннем существовании души после смерти и о тесном взаимодействии земного и Иного миров.

В народных поверьях и фольклорных текстах «тот свет» описывается противоречиво: как отдалённое пространство, расположенное высоко в горах или за горами, непроходимыми лесами, морями, на краю света, на острове посреди Окиян-моря, за горизонтом (обычно на западе или севере); либо высоко в небесах, либо глубоко под землёй. Однако и в ближайшем пространстве, окружающем человека, есть места, сопричастные смерти или соотносимые с входом в Иной мир. Это, прежде всего, кладбище и места, которым издревле приписывалась связь с духами: источники, колодцы, болота, овраги, местность за границей освоенных человеком земельных угодий, а в доме — печь, чердак, подпол, углы и т. п.

Путь на «тот свет» представляется долгим, трудным и опасным. Странствие героя в Закрадный мир — один из самых распространённых мотивов в разных фольклорных жанрах. В похоронных причитаниях душа умершего обычно изображается птицей, улетающей к небу, «за горушки за высокие», «за облачка за ходячие», «к красну Солнышку, к светлу Месяцу», «за часты звёзды подвосточные». Комплекс небесных символов — Солнца, Луны, звёзд — устойчиво воспроизводился на средневековых надгробиях в Боснии и Герцеговине. Млечный Путь во многих славянских традициях осмыслялся как «птичья дорога» или как «дорога души». Согласно древнерусским представлениям, Млечный Путь — это Велесов Путь, «дорожка умерших, идущих на вечное житьё» или путь, по которому «праведники шествуют в Ирийский Свет».

Сказочным героям в их странствиях на «тот свет» приходится преодолевать множество трудностей: продирается сквозь мрачный непроходимый лес; переправляются через водный рубеж; карабкаться вверх по горам (лезть по дереву, лестнице, верёвке); спускаться вниз или падать в тёмную яму, глубокое подземелье, колодец; переходить по мосту, жёрдочке, по тонкому волосу над пропастью и т. п. Достичь «того света» человеку удавалось чаще всего лишь с помощью животных (птицы, волка, оленя) или нечистой силы. В народных верованиях проводниками душ служили ранее умершие родственники, духи-навии, Сам Вещий Бог, а в эпоху двоеверия — ангелы, святой Николай, архангел Михаил и другие персонажи христианской мифологии. Главным рубежом, отделяющим «этот» свет от «того», считалась река Смородина (Забуть-река), переправившись через которую, умерший забывал свою прошлую жизнь и окончательно приобщался к миру духов.

Последней преградой на пути, ведущем на «тот свет», служили «врата загробного царства» — вход и Закрадный мир, охраняемый многоглавым Змеем или Самим Вещим Богом. У русских в эпоху двоеверия при похоронах принято было вкладывать в руку покойнику монету или «письмо к святому Николаю», которого называли «стражем райских врат», чтобы тот беспрепятственно пропустил душу новопреставленного. Привратником же ворот ада считался старший бес или святой Касьян (Кощей).

Независимо от того, вёл ли этот многотрудный Путь на «тот свет» вверх к небу, или вниз под землю, или в глубоководное морское царство, — Иной мир обычно предстаёт неким подобием земной жизни: там так же светит Солнце, поют птицы, цветут деревья, есть поля и луга, стоят дома, где обитают души умерших. Они живут там такими же семьями, поджидая души новых умерших родственников, занимаются привычным трудом и т. п. однако необычность этой страны отмечена тем, что это край изобилия, несметных богатств, где стоят золотые и серебряные дворцы, растут золотые плоды, меж «кисельных берегов» текут «молочные реки» и т. п.

В других фольклорных жанрах (причитаниях, заговорах, колядках) «тот свет» прямо

противопоставлен земному миру. Этот далёкий «нездешний» мир изображается как вечно тёмный, застывший, недвижимый, холодный, беззвучный, невидимый, мокрый, грязный, безрадостный и обездоленный. В похоронных плачах «тот свет» лежит «за тёмными лесами за дремучими», где «буйны ветры не провевают», «птиченьки не прилетают», «нет проезду туда на ступистых лошадуппсах, нет проходу во тёмных лесах дремучих». Отрицание всех основных признаков, характеризующих жизненное пространство человека — ведущий художественный приём описания Иного мира. В заговорных текстах «тот свет» сопоставляется с местом, где петух не поёт, овцы не блеют, собаки не лают, птицы не поют, Солнце не светит, ветер не веет, дожди не идут и т. п. «Обратность» «того света» по сравнению с «этим» светом может быть отмечена и в поверьях, по которым умершие питаются якобы *антипищей* (падалью, навозом), а богатые дары, присланные из Иного мира, оборачиваются на земле нечистотами, гнилушками и золой.

Представления о жёстком разграничении «того света» на рай и ад возникли, по-видимому, в эпоху двоеверия под влиянием христианства^[21]. Наиболее архаические верования изображают рай и ад территориально не расчленёнными. В апокрифических преданиях загробный мир расположен на земле за водным пространством, где соседствуют праведные и грешные души. Судя по мотивам духовных стихов и народным рассказам о посещениях душой спящего человека «того света», «страна грешников» отделена от «страны праведников» лишь пропастью, огненной рекой, глухой стеной, оградой и т. п. Сказочные герои, достигшие «того света», тоже встречаются в одном мире как с Богом и святыми, так и с неправедными душами, терпящими наказание за свои преступления, совершённые ими при жизни на земле.

«Тот свет» как единое пространство, включающее рай и ад, по народным представлениям, является не только местом пребывания душ усопших и Навьих духов, но, кроме того, это — сказочная страна, куда на зиму переселяются птицы, змеи, насекомые. По верованиям славян, этот волшебный мир, называемый Ирий (или Вырей) находится далеко за морем («за синим Окиян-морюшком»), считалось, что птицы перелетают туда по Млечному Пути, а змеи уползают осенью в Ирий вверх по деревьям. Одновременно с этим известны предания о том, что птицы зимуют, погружаясь в глубины рек, озёр и колодцев, а змеи прячутся под землёй. Весеннее «размыкание» («отмыкание») земли и открывание небесными ключами врат Иного мира освобождает птиц и змей, которые вновь появляются на земле. Вместе с ними белый свет посещают души умерших и нечистая сила. В белорусских причитаниях Вырей рисуется как место зимовки птиц и как «тот свет», где пребывают умершие: «Усе гпушачки из Вырея летят, а ты, мой та- тачка, у Вырей летиш», «Усе птушачки у Вырей палятели, и ты услед за ими».

19. Луна, Месяц — Солнце Мёртвых

Луна, Месяц — Солнце Мёртвых, небесное светило, коему покровительствуют Велес и Мара, связываемое в народных представлениях с Закрадным миром Нави, со смертью и противопоставленное Солнцу как Подателю дневного света, тепла и жизни. Луна — «Чара Марина», опустошаемая (убывающая Луна) и наполняемая вновь (растущая Луна) «звёздным молоком Небесной Коровы Земун». Луна — символ обновления и преображения, хранительница Древней Мудрости. Месяц ясный — «Ладья Велесова» («Серебряная ладья»), на которой Вещий Бог перевозит души умерших на «тот свет» и на которой привозит души новорождённых в Явь. Также Месяц — «Серп Мары», которым Она сечёт-жнёт «колосья Живы» — нити жизни всех существ в Подлунном мире.

По болгарским верованиям, Солнце и Луна движутся в разных направлениях: Луна — справа налево, т. е. «против Солнца» — так, как чертят коло, творя чёрную волошбу. В народных песнях и сказках, однако, эти два светила связываются отношением родства (то это родные

братья, то брат и сестра, то муж и жена); их культы имеют много общих мотивов и обрядовых форм (при виде как восходящего Солнца, так и нарождающегося Месяца — принято снимать шапку, креститься и читать молитву; затмение Луны, как и затмение Солнца, объясняется пожиранием светила волком, псом, чёртом или неким сказочным чудовищем, и т. п.).

Лунный свет считался у всех славян опасным и вредным, особенно для беременных женщин и новорождённых, отсюда запреты выходить и выносить ребёнка из дома ночью, когда светит Луна, и даже класть его в доме так, чтобы на него падал Лунный свет. Поляки верили, что если Луна «перейдёт» через спящего ребёнка, то ребёнок заболеет; в таком случае ребёнка спасали тем, что ставили на окно сосуд с водой, в котором Луна должна была «утопиться». У белорусов некоторые детские болезни объяснялись тем, что «Месяц засветил ребёнка»; их лечили следующим образом: брали валёк для белья, пеленали его в детскую пелёнку и на всю ночь выкидывали на двор, чтобы на него светил Месяц, — тогда дитя поправится. Сербь и македонцы считали, что Луна «пьёт» жизнь человека.

У славян, как и у многих других народов, известно верование, согласно которому души умерших отправляются на Месяц. Сербь по Месяцу узнавали, жив или погиб кто-то из близких, кто ушёл на войну или вообще находится вдали от родного дома. Для этого нужно было взять человеческий череп, трижды окунуть его в ключевую воду и в полночь во время Полнолуния посмотреть сквозь него на Месяц. Так гадали жёны о своих мужьях: считалось, что если муж жив, то жена увидит его перед собой, если же он погиб, она увидит его на Месяце.

По другим представлениям, во время безлуния, т. е. во время смены Месяца, Луна освещает Закрадный мир Нави. Мотив посещения Месяцем «того света» отражён в широко распространённых заговорах от зубной боли, произносимых «на молодой Месяц». Заговаривающий спрашивает у Месяца, был ли он на «том свете» и видел ли он мёртвых. Далее следует вопрос, болят ли у мёртвых зубы, после чего знахарь заключает: «Как у мертвецов зубы не болят, так пусть не болят и у [имярек]!»

В Белоруссии молитвы, читавшиеся при виде молодого Месяца, посвящались душам, которые «не дождалась нового Месяца», т. е. недавно умершим. Католики Боснии в этом случае читали «Отче наш» и «Богородицу» за спасение душ тех, кто попал в Ад и кого некому помянуть.

Лунный свет привлекает русалок, они как бы купаются в нём, раскачиваясь на ветках и расчёсывая волосы. Сербь считают, что при свете Луны из воды выходят души утопленников и сидят на вербах. Если сказать, что при Луне светло, как днём, то они мучаются, раздражаются проклятиями и уходят в воду. У южных славян широко распространено поверье о том, что колдуньи могут своей ворожкой сбрасывать Месяц на землю. Македонцы называют их «месечарки» и считают, что у них есть хвост и что своим колдовством они могут извести и погубить человека. Они же отбирают молоко у коров и делают это с помощью Месяца. «Месечарка» после сложных колдовских действий обращается к Месяцу со словами: «Я телёнок, а ты корова!» Тогда Месяц спускается с неба и превращается в корову. Колдунья прикасается к нему и становится невидимой. Затем она говорит: «Я женщина, а ты месечина, я внизу, а ты наверху!» Тогда Месяц вскрикнет и начнёт подниматься на небо, а колдунья отправляется туда, где она хотела отобрать молоко. «Сбрасывание Месяца» считается страшным грехом. Подобные верования известны на всей болгарской территории. В восточной Сербии существует легенда о том, что некая баба Санда «сбросила» Месяц с неба в мельничный жёлоб. Там Месяц пролежал два дня, и люди его видели. Он был похож на пегую корову. В других местах рассказывали, что колдунья «сбросила» Месяц и доила его, как корову.

Затмение Луны южные славяне объясняли тем, что Луну поедают халы (двухголовые, шестиперстые и т. п. змеи). Люди очень жалеют Месяц и боятся, что когда-нибудь халам удастся

съесть его целиком. Тогда наступит тьма и «конец света», потому что Солнце, брат Месяца, из жалости тоже перестанет светить. Во время затмения люди стараются не говорить, не смеяться, а старики и старухи плачут. Люди пытаются защитить Луну и Солнце — стреляют из ружей, чтобы отогнать хал; выходят на улицу и изо всех сил бьют в котлы, кастрюли, металлические подносы, звонят в колокола, чтобы этим шумом спугнуть и отогнать хал, волколаков ^[22] и других чудовищ, грызущих Месяц.

У всех славян в прошлом, а во многих регионах и до последнего времени сохраняется Лунное время — традиционная система счета времени по фазам Луны, хотя одна и та же фаза может оцениваться то как благоприятная, то как неблагоприятная или опасная для того или иного предприятия. Время молодого, растущего Месяца обычно трактуется как благоприятное для начала любых работ, особенно для роста, для всего растущего, развивающегося. С Полнолунием связано представление о добром времени для земледельческих работ, ибо полнота Месяца сулит богатый урожай. Время безлуния, предшествующее рождению нового Месяца, повсеместно считается крайне неблагоприятным и опасным, как всякая пространственная или временная граница (порог, межа; полночь, полдень и т. п.). Человек или животное, зачатые в такие дни, по представлениям болгар, не будут жить, рано умрут. У всех славян известно верование, что ребёнок, родившийся в «гнилые» дни, «на межах», «на перемене», останется бесплодным, бездетным. В Полесье остерегаются начинать какое-либо дело в «пустые» дни: не сеют и не сажают, не водят на случку скот, не покупают скот, не заготавливают урожай, не отправляются в дальнюю дорогу. Все эти представления об опасности безлуния связаны с верованиями, согласно которым Месяц в это время освещает потусторонний мир — мир Мёртвых.

20. Культ предков

Предки — умершие родственники, определяемые к народной культуре как «праведные душечки», «благословенные родители», «святые Деды», «отцы- матери», «свои предки»; воспринимаются как духи- опекуны дома и хозяйства и как высший авторитет для всей семьи и рода.

К категории предков причислялись те из родственников, которые умерли «своей» смертью (т. е. естественной, ненасильственной) и, как считалось, благополучно перешли на «тот свет». По некоторым поверьям, различались так называемые «старые» предки (давно умершие) и «новые» (два-три последних поколения умерших родственников), которых родня ещё помнила поимённо ^[23]. Безымянные «старые» предки соотносились с мифическими родоначальниками, первопредками, участвовавшими в изначальном освоении мира и жившими в идеальном «Золотом веке»; ср. рус. поговорку: «Предки на дереве едали да золотом платили, а потомки на золоте едят да ветром платят».

Праведные предки противопоставлены в народных верованиях душам «нечистых» покойников, т. е. умершим «не своей» смертью, которые стали вредоносными и опасными для людей духами.

Особую группу составляли умершие в течение последнего года: до тех пор, пока по ним не справили все положенные поминки годового круга (в третий, девятый, сороковой день, полугодовые и годовые), они ещё не воспринимались как «предки», а после этого срока их уже можно было поминать наряду со всеми «родителями» в определённые дни.

В верованиях и обрядности славян почитание предков занимает одно из центральных мест. Считалось, что от их расположения и помощи зависят все сферы жизни человека: здоровье, счастье, удача, хозяйственное благополучие, погодное равновесие и т. п. По народным представлениям, предки являются своим сородичам во сне, предсказывают будущее и

предостерегают о грозящей беде; участвуют в жизни семьи (охраняют дом, скот и посевы, помогают собирать урожай, заботятся о новорождённом); обнаруживают своё незримое присутствие в доме ночными звуками, ищут оставленную для них поминальную пищу и т. п.

Практически все духи, причисляемые в народных верованиях к домашним духам-опекунам, по своему происхождению связаны с родовыми предками. В свою очередь, первейшей обязанностью живых родственников было заботиться о своих предках: в поминальные дни люди соблюдали особые правила поведения и строгие запреты, чтобы не навредить «душечкам»; приносили на могилы родственников обрядовую страву (пищу) или приглашали их в дом на общесемейную трапезу; для предков топили баню и оставляли на ночь тёплую воду и чистое полотенце; перед началом важных хозяйственных и семейных предприятий устраивались жертвоприношения в честь предков.

Мотивы прихода душ предков на землю и возвращения на «тот свет» характерны не только для обычаев поминальных дней, но и в целом для мифологии календарного времени. По широко распространённым воззрениям, на Вешних Дедов «раскрываются небеса» и все души предков на короткое время выпускаются на белый свет, чтобы погулять в земном мире и навестить своих родных. Затем они вновь вынуждены вернуться «на свои места», а люди устраивают им обрядовые проводы. Весенний цикл народных праздников весь пронизан обрядами поминовения предков. Другим таким временем, когда душам предков позволено появиться среди живых, считается праздник Коляды и пора примыкающих к нему Зимних Святок.

В древнеславянских источниках сохранились многочисленные упоминания об обычаях почитания предков — «сущих во роду небесном», и приношения им жертвенных даров. Так, например, известно о древнейшем почитании славянами Рода и Рожаниц^[24], Которым родноверы издревле «кладут требы», оставляя для Них на Капищах и в священных местах хлеб, сыр и мёд.

21. Деды (Дзяды)

Деды (Дзяды) — в славянской (а особенно белорусской) традиции есть умершие предки; так же называли посвященные им Кологодные Святодни. Об умершем в Полесье говорили, что он «пошёл до Дедов» или «гуляет с Дедами».

По широко известным славянским поверьям, души предков в определённые дни года приходят с «того света» в свои дома, чтобы навестить живых сородичей, которые обязаны должным образом встретить и угостить гостей из Иного мира. Несоблюдение обычая поминать и оставлять пищу для Дедов, считавшихся опекунами рода, могло вызвать недовольство и всяческие беды. «Нельзя не отмечать Дедов, — говорили белорусы, — один раз не отметишь — и уже у тебя скотина издохла».

В отличие от других Кологодных поминок (например, Радуницы), когда поминать ходили на кладбище, Деды праздновались в доме в ожидании прихода душ умерших к себе в гости. В разных местах Деды отмечались несколько (от трёх до шести) раз в году. В эпоху двоеверия чаще всего это происходило в субботу Масленой недели («Зимние» или «Масленные Деды»); после Пасхи перед Радуницей («Вешние» или «Радоничные Деды»); в Духовскую субботу перед Троицей («Троицкие Деды»); в один из осенних праздников: в субботу перед Дмитриевым днём^[25] («Осенние» или «Дмитровские Деды»), или перед днём Кузьмы и Демьяна^[26] («Кузьминские Деды»), или в субботу перед Михайловым днём^[27] («Михайловские Деды»), Наиболее известными и обязательными для отмечания считались Вешние и Осенние Деды.

Хотя в большинстве случаев Деды посвящались всем умершим предкам, в некоторых районах Белоруссии различались поминальные дни, посвященные мужчинам («Деды») и женщинам («Бабы»), В этом случае Дедовские поминки праздновались два дня: в пятницу, когда

готовили постную пищу и ожидали души Дедов, и в шесток, когда можно было подавать и скоромное в ожидании прихода душ умерших женщин. Обычно готовили строго определённое количество блюд: нечётное (пять, семь, девять) или точно двенадцать. В качестве обязательных поминальных блюд подавали кутью, «канун», сыту, иногда блины. На празднование Дедов собиралась вся семья; даже те, что были вдали от дома, старались в этот день присоединиться к родственникам. Начинался обряд поминовения тогда, когда наступали сумерки и приходилось зажигать огонь. Празднично одетые домочадцы собирались возле накрытого стола, глава дома зажигал свечу и читал молитву, а затем торжественно приглашал умерших к ужину: «Святые Дзеды, завем вас: хадзице да нас! Есць тут все, что Бог дау, чым тольки хата багата. Просим вас: ляцице да нас!» Иногда называли по именам всех умерших в этом доме: «Алена, Ира, Марьяна, Янка, Пятрок, Ганна <,>, прыходьте усе да гэтага стала!» В селах Пинского Полесья после такого приглашения Дедов семья не сразу садилась к столу, а в полном молчании продолжала стоять в стороне, ожидая, когда «поедят душечки», и лишь затем по знаку хозяйки приступала к ужину.

Обряд «кормления душек» во время празднования Дедов мог принимать разные формы: участники застолья отливали понемногу напитки и жидкие кушанья на стол (или под стол, на пол, на окно); для Дедов ставили особливую миску, в которую клали часть пищи от каждого блюда и втыкали ложки; ложки, которыми ели сами, опускали в миску и на некоторое время клали на стол, ожидая, чтобы и души поели; не убирали и не мыли после ужина посуду, оставляя её «ночевать» на столе; крошки от ужина бросали в печь, в колодец, под фруктовые деревья и т. п.

Во время ужина запрещалось шуметь, веселиться, часто вставать и садиться, пользоваться ножом (и вообще острыми и колющими предметами); хлеб не отрезали, а ломали руками; случайно упавшую ложку с пола не поднимали; на время ужина держали открытыми печную заслонку и дверь (иногда оставляли открытыми и ворота сельского кладбища). После ужина хозяин «проводил Дедов» за пределы дома: он кропил водой вокруг стола или даже поливал водой весь пол до самых дверей, приговаривая: «Святые Дзяды! Ели и пили, идзице да сябе!» или «Идите з Богом до наступных Дзядов!»

Весь поминальный день (или два дня, если отмечались «Деды» и «Бабы») запрещалось выполнять любые виды хозяйственных работ, кроме приготовления пищи. Особенно строго соблюдали запрет прясть, сновать, ткать, шить и т. п. Следовало избегать супружеской близости, иначе ребёнок родится немым или калекой.

В северо-восточной Белоруссии на Дедов, кроме всего прочего, непременно топили баню, мылись сами хозяева и оставляли теплую воду и чистое полотенце для Дедов.

Повсеместно было распространено поверье, что покойники мстили своим родным, наказывая их болезнями и другими несчастьями, если те не справляли должным образом Дедов и не оставляли для душ поминального ужина.

Считалось, что существуют особые способы, с помощью которых можно на Дедов увидеть своих умерших родственников. Для этого следовало в полночь сесть на печь и смотреть на дверь через хомут, или надеть на себя спрядённый из мха пояс, или смотреть в дом с улицы сквозь замочную скважину или окно. Иногда говорили, что увидеть души умерших могли только праведные люди или те, кому суждено умереть в этом году.

22. Поминальные дни в году

В Родноверии основными поминальными днями и году считаются:

1. Большие Велесовы, или Волчьи, Святки — Большие Зимние Святки, двенадцать

Святодней, символизирующие собой двенадцать месяцев в году (шесть Светлых — светлое Полуколо года, и другие шесть Тёмных — тёмное Полуколо), начиная с кануна Коляды (сам день Коляды не входит в число Святочных) и до Водокреса (см. далее): с 24 стуженя/декабря по 5 сеченя/января. Это чародейное время, когда свет нового Солнца ещё слишком слаб, чтобы разогнать тьму (как это было во времена, когда Сварог ещё только ковал Земную Твердь), а врата, соединяющие Явь и Навь, широко распахнуты. Это пора поминовения предков — Навьих Дедов^[28], колядования^[29], обрядовых бесчинств, всевозможных гаданий, молодежных посиделок и прочего. В эпоху двоеверия Святки делили на две части: Святые вечера, длившиеся от кануна Рождества до Васильева вечера (Щедреца, или Щедрого вечера, отмечаемого 31 стуженя/декабря), и Страшные (Ворожные) вечера, продолжавшиеся до Крещения. Святочные вечера (особенно Страшные) считались в народе временем «без креста», ибо, согласно христианским суевериям, в это время года только что родившийся младенец Иисус ещё не был «крещён»^[30], а иудейский Бог Саваоф (или Иегова) от радости, что у него родился сын, отомкнул двери Иного мира и выпустил всех бесов «погулять».

2. Водокрес — 6 сеченя/января — Святодень, завершающий Святочные бесчинства. Пора, когда закрываются врата Нави, а мир Яви приобретает обычную упорядоченность. О сию пору Искра Небесного Огня (Креса) из Сварожьей Кузни падает в воды Земли, наделяя их чудодейными свойствами. Ещё верят, будто в это время Белес — Податель Здравы — благословляет все земные воды, дабы всякий, омывшийся в них в этот день, исцелился от всевозможных недугов. В эпоху двоеверия в этот день отмечали Крещение (иначе называемое Богоявлением), вспоминая о «крещении» Иисуса в водах реки Иордан в Палестине.

3. Громница — 2 лютеня/февраля — встреча зимы с весной на мироколице Яви, когда силы юной Весны дают первый бой силам Морены-Зимы, и единственный раз в зимнее время гремит Перунов гром. В народе говорят: «На Громницу зима с летом (весной) встретились», «На Громницу Солнце на лето, зима на мороз». О сию пору Лесной Хозяин, любимец Белеса, переворачивается в своей берлоге на другой бок, а люди творят поминки по предкам, совершают различные очистительные и обережные обряды и просят Зимнюю Владычицу Мару-Морену быть милостивой к ним. В эпоху двоеверия в этот день отмечали Сретенье. Сретенье (Встреча) напоминало христианам о встрече младенца Иисуса с иудейским праведником Симеоном, состоявшейся в иерусалимском храме на сороковой день после Рождества Христова.

4. Малый Велесов день, или Белее Волчий Сват — 3 лютеня/февраля — Святодень, посвящённый Велесу Волчьему Свату, предваряющий Малые Велесовы, или Волчьи, Святки и Великий Велесов день (см. далее). Время поминовения предков. В эпоху двоеверия в это время отмечали день Симеона и Анны, именованный также Малым Власием. В народе говорили: «Семён с Анной сбрую починяют, а Власий коней седлает». По народным поверьям, на Власия Домовой «заезжает» лошадей, и чтобы этого не допустить, на ночь к лошади привязывали кнут, рукавицы и онучи.

5. Малые Велесовы, или Волчьи, Святки — Малые Зимние Святки, Велесова седмица — с 4 по 10 лютеня/февраля — череда Святодней между Белесом Малым (3 лютеня/февраля) и Белесом Великим (11 лютеня/февраля): 4 лютеня — Белес Студеный, 5 лютеня — Белес Корович (или Белес Коровятник), 6 лютеня — Белес Телятник, 7 лютеня — Белес Лукавый, 8 лютеня — Белес Серповидец, 9 лютеня — Белес Житный Дед, 10 лютеня — Белес Зимобор. Пора поминовения предков. В эпоху двоеверия на Руси в это время отмечали следующие праздники: 4

лютеня — Николу Студёного^[31] («На Студёного Николу снегу навалит гору», «Никола Студный — Волчий Сват, маковый закат») — время «звериных свадеб»; 5 лютеня — Агафью Коровятницу («На Агафью Коровья Смерть по сёлам ходит»^[32]) — в деревнях творили обереги на скот; 6 лютеня — Вукола Телятника («На Вукола телятся жуколы^[33]»); 7 лютеня — святого Луку («Пришёл Лука — пеки пироги с луком») — луковым духом отгоняли болезни и всякую нечисть; 8 лютеня — Захария Серповидна («На Захария Серповидна гляди серпы на лето», «Захарию Серповидцу молятся бабы-жницы»); 9 лютеня — Никифоров-Панкратов («Пришёл Панкрат — хлебом не богат», «На Панкрата Зима убегает тёмными ночами», «На Никифора лапти плетут»); 10 лютеня — Прохора («На Прохора Зима заохала», «Пришли Прохор да Влас — никак, скоро весна у нас»).

6. Великий Велесов день, или Велес Сивый Яр — 11 лютеня/февраля — Святодень, посвященный Велесу Сивому Яру (Велесу Зимнему). О сию пору Велес «сшибает рог Зиме», в деревнях празднуют Коровий праздник (ибо Велес не только Бог Мудрости, но ещё и Скотий Бог — Владыка всякого живота), творят обереги на скот и двор, просят у Белеса покровительства да защиты, а скоту да добру всякому — приплоду. Вещие волхвы, вдохновенные сказители, буйные скоморохи чтут Белеса — Премудрого Бога, своего Вышнего Покровителя — особо: волхованиями да воспеваниями, радениями да славлениями. Почитая Белеса — Навьего Владыку, поминают души умерших и всех своих предков. В эпоху двоеверия в это время отмечали день святого Власия — покровителя скота. О сём в народе говорили: «Власьев день — Коровий праздник», «Власий — сшиби рог с Зимы», «У Власия и борода в масле». Сразу после Власия начинались суровые Власьевские морозы.

7. Масленица, Комоедица (Комоедицы) — один из четырёх важнейших праздников Кологода, приуроченный к Весеннему Равноденствию^[34] и отмечаемый 25 березозола/марта, а также предшествующая ему Масленичная седмица^[35] (с 18 по 24 березозола/марта). Согласно славянским верованиям, о < то пору «отверзается» Сварга, и Светлые Боги возвращаются» в Явь — входят в силу после зимы, а души предков «прилетают на птичьих крылах» in Ирия Небесного навестить нас — своих потомков^[36]. Время возрождения — весеннего «воскрешении» (от «крес — «огонь») Земли-Матушки и всей Природы. Основные обрядовые блюда на Масленицу: блины, сыр, творог, масло. Во время Масленичной седмицы также празднуют Комоедицу — Медвежий праздник. По поверьям, о сию пору Медведь (Лесной Хозяин, воплощение самого Белеса) просыпается в своей берлоге после долгой зимней спячки^[37]. Родноверы-мужчины чествуют его особым Медвежьим плясом и Велесовой бороть- бой. «Комы», которые пекутся старшими в семье женщинами на Комоедицу, суть обрядовые хлебцы, сделанные из смеси муки овса, гороха и ячменя. Часть «комов» выносят в лес и кладут на пень- колоду, призывая на трапезу самого Лесного Хозяина (Медведя), которого просят не драть скот и не озорничать на пасеках в течение всего года. В эпоху двоеверия 25 березозола/марта отмечали Благовещенье^[38], кое почиталось третьими (после Громницы/Сретенья и Сорок/Сорока Мучеников) Закличками Весны. В народе говорили: «На Благовещенье весна зиму поборола», чему радуется всё живое: «Красна девка косы не плетёт, птица гнезда не вьёт», и даже само Солнце «играет»; «С Благовещеньем медведь из берлоги встаёт», «Благовещенье — птиц на волю отпущенье». Также о сию пору примечали: «На Благовещенье гроза (Первый Гром — Вешнее Перунье) — на тёплое лето».

8. Именины Домового — 30 березозола/марта — чествование душ предков, домашних духов-хранителей и самого Домового Хозяина и подношение им съестных даров (кормление). В

эпоху двоеверия в это время отмечали день Иоанна Лествичника, пекли из теста «лествицы для будущего восхождения на Небо» и старались всячески задобрить загулявшего» — «бесившегося» до полуночи (либо до первых петухов) Домового.

9. Велесова (Живина) ночь — чародейная ночь с 30 цветеня/апреля на 1 травеня/мая, когда Чернобог окончательно передаёт Коло года Белобогу, а врата Нави до первых петухов (либо до самого рассвета) широко распахнуты в Явь.

10. Вешние Деды (Навья седмица) — череда Святодней, предшествующих Именинам Земли (9 травеня/мая), седмица поминовения предков — с 1 по 7 травеня/мая, когда навии (души умерших) посещают живых. Один из основных поминальных праздников Кологода. В эпоху двоеверия в это время отмечали Пасху^[39], коей предшествовала так называемая Страстная неделя^[40]. Неделя, следующая за Пасхой, называлась Фоминой неделей — временем поминовения усопших. Основным днём Фоминой недели почитался вторник, именуемый в народе Радуницей^[41] (или Родоницей)^[42], когда родственники умерших отправлялись на кладбище, где поп служил панихиду, после окончания которой на могиле устраивалось угощение, во время коего усопших окликали по именам и вежливо приглашали разделить трапезу с живыми. Самым опасным днём Фоминой недели считался четверг, именуемый в народе Навьим днём, ибо считалось, что в этот день души умерших приходят в свои дома. Чтобы достойно их встретить, в одной из комнат на ночь оставляли угощение, открывали окна и не входили в неё до рассвета. Самым радостным днём Фоминой недели считалось воскресенье, именуемое в народе Красной Горкой, когда на возвышенных местах устраивали народные гуляния, водили хороводы и играли в разные весёлые игры. Также в этот день по обычаю происходили смотрины будущих невест.

11. Зелёные Святки — череда Святодней, предшествующих Яриле Мокрому (см. далее), чародейная седмица, отмечаемая с 26 травеня/мая по 2 кресеня/июня, посвящённая проводам весны и сопутствующих ей женских духов — русалок-берегинь. Время, когда на смену юной Деве Леле приходит зрелая женщина — Жена Лада. О сию же пору провожают Кострому — Ярилину сестру, макая Её чучелко^[43] в воду, а затем разрывая его и разметывая остатки по полю. Творят сие священнодействие вещице девы, облекшись в личины русалок и рубахи длиннорукавки без оборогов. Зелёные Святки — время совершения тризн по предкам. В эпоху двоеверия о сию пору отмечали Вознесение^[44]. В народе говорили: «Цвести весне до Вознесенья», «Дошла весна до Вознесенья — тут ей и конец», «Весна на Вознесение на Небо возносится — на отдых в Ирий Светлый просится», «С Пасхи до Вознесенья всему миру свиденье — и Дедам (предкам), и внукам (живым их потомкам)». Седьмая от Пасхи неделя называлась Семицкой, а седьмой от Пасхи — следующий за Вознесением — четверг именовался Семиком или Русалкиным (Русальным) днём. В народе говорили: «На Русальной неделе купаться опасно — русалки защекочут». В Семик девушки ходили в лес — «кумиться», при этом завивали венки на берёзках, через которые затем целовались, сопровождая всё действие соответствующими обрядными песнями. Семицкая суббота называлась Кличальным днём, когда совершались особливые обряды проводов русалок и «усмирения» Водяного. О сию пору девы сплетали из трав чучелко Костромы, а затем, кружась в неистовом танце, разрывали и разметывали его по полю.

12. Ярило Мокрый^[45] и Троян (Трибогов, или Троянов, день) — праздник конца весны и

начала лета, отмечаемый 3 кресеня/июня, когда на смену младому Яриле-Весеню приходит Трисветлый Дажьбог. Святодень, посвящённый победе Бога Трояна над Чёрным Змеем. О сию пору родноверы прославляют Сварожий Триглав — Сварога-

13. Перуна-Велеса, сильных во Прави, Яви и Нави. По поверьям, Троян явился воплощением мощи Сварога, Перуна и Белеса, соединивших Свои силы в борьбе со Змеем, порождением Чернобога, грозившим некогда уничтожить всё Тремирье. Время совершения тризн по предкам. В эпоху двоеверия о сию пору отмечали Троицу и Духов день (Пятидесятницу)^[46]. В это время издревле поминали предков^[47] и творили обереги от бесчинств, творимых русалками и неприкаянными душами «заложных» покойников (умерших «не своей» — то есть неестественной смертью). В ночь на Троицу девицы и женщины «опахивали» деревню, дабы оберечься от злых сил. В народе говорили: «С Духова дня не с одного неба — из-под земли тепло идёт», «Придёт Свят Дух — будет на дворе, как на печке». Согласно народным поверьям, сего дня как огня боится всякая нечисть, а перед самым Солнечным восходом на Духов день открывает Мать Сыра-Земля свои тайны, и потому знахари ходят в это время «наслушивать кладь». Как и на Ярилу Вешнего, роса в этот день считается священной и целебной.

14. Купала — один из величайших Святодней Кологода, приуроченный к Летнему Солцевороту^[48]. Праздник Отца-Неба и Матери-Земли, Солнца и Воды, дающих начало всему живому, пора расцвета всех животворящих сил Матушки Природы. Время поминовения предков и прошения у них силы для продления рода. В эпоху двоеверия 24 кресеня/июня отмечали день Иоанна Крестителя («Ивана Купаль»^[49]). Издревле в ночь на Купалу (с 23 на 24 кресеня) на берегах водоёмов разжигали священные костры, через которые прыгали парами, взявшись за руки, парни и девушки^[50]. Пускали венки по воде, собирали волшебные травы и корни, искали чудодейный Жар-цвет, а поутру купались в целебной росе.

15. Перунов день — 20 липеня/июля — великий Святодень всех воинов-защитников Родной Земли, а также всех честных радарей-пахарей. Пора совершения тризн по всем павшим воинам. По народным поверьям, дождём в этот день смываются злые чары — «лихие призоры» (сглазы и порчи) и многие болезни. В эпоху двоеверия в это время отмечали Ильин день (Илью Пророка). В народе говорили: «До Ильи облака ходят по ветру, а с Ильи начинают ходить против ветру», «На Илью до обеда — лето, а после обеда — осень», «До Ильи поп дождя не умолит, после — и баба фартуком нагонит», «До Ильина дня дождь в закрое, а после Ильина дня — из закрома», «Илья словом дождь держит и низводит», «Илья грозы держит, Илья хлебом наделяет», «С Ильина дня мужику две угоды: ночь длинна да вода холодна», «После Ильина дня в поле сива коня не увидеть — ночи тёмные». «Илья Пророк — косьбе срок», — то есть заканчивается сенокос и начинается жатва, «Илья Пророк в воду льдинку уволок», — по поверьям, у мчащегося по поднебесью Перунова коня в этот день слетела подкова и упала в воду, отчего вода похолодела.

16. День Рода и Рожаниц — 8 кресеня/сентября — праздник Рода и семьи, убранного урожая и домашнего благополучия. Время подведения итогов. Встреча осени — чествование Макоши как Матушки Осенины. В этот день приносят требы Роду Вседержителю (Всебогу) и роду небесному (предкам), а также прославляют род земной (всех сородичей, по Прави живущих): «Роду и Родным Богам — вовек слава, а нам — хвала по делам!» В эпоху двоеверия в этот день отмечали Рождество Богородицы. Осенины праздновались, как правило, у воды и

непрерывно с овсяным хлебом. В народе говорили: «Если погода на Малую Пречистую ^[51] хорошая — осень будет хорошая».

17. Таусень (Радогощ, Родогощ) — 24 кресень/ сентября — один из четырёх важнейших Святодней Кологода, приуроченный к Осеннему Равноденствию ^[52]. Время поминовения предков. Самый крупный осенний праздник Урожая, во время коего жрец или старейшина «прячется» за яствами, сложенными горкою на общем столе, и спрашивает всех собравшихся: «Зрите ли мя, детушки?» Если ответ будет: «Не зрим, батюшка!», то это означает богатый урожай, а если: «Зрим!», то худой, после чего жрец благословляет народ словами: «Так дай же вам Боги, чтобы на будущий год не зрели!», и подаёт знак к началу праздничного «пира горой». Согласно славянским верованиям, о сию пору начинает «закрывать» Сварга, куда «уходят» из Яви Светлые Боги до будущей весны ^[53], оставаясь, тем не менее, в Сердцах всех, живущих по Праву. В эпоху двоеверия о сию пору отмечали Фёклу Заревницу, прозванную так в народе из-за палов сухой травы на полях. С этого дня крестьяне начинали по утрам молотить хлеб («замолотки»), зажигали огонь в овинах (так называемые Именины Овина, во время которых прославлялся Огонь Сварожич). Говорили: «На Заревницу хозяину — хлеба ворошок, а молотильщикам — каши горшок». Примечали: «С Заревницы — зори становятся багряными», а день быстро идёт на убыль — «убегает лошадиным скоком».

18. Осенние Деды (Навья седмица) — череда Святодней, предшествующих Осеннему Макошью (28 листопада/октября), седмица поминовения предков, отмечаемая с 21 по 27 листопада/октября. Один из основных поминальных праздников Кологода. Время проводов душ предков в Ирий — до будущей весны. В эпоху двоеверия субботу перед Дмитрием Солунским (26 листопада/октября) называли «Дмитриевскими Дедами» и посвящали поминовению умерших родителей. «Кузьминскими Дедами» называли поминальную субботу перед днём Святых Космы и Дамиана (1 груденя/ноября), а «Михайловскими Дедами» называлась суббота перед днём Михаила Архангела (8 груденя/ноября).

19. Велесова (Марина) ночь — чародейная ночь с 31 листопада/октября на 1 груденя/ноября, когда Белобог окончательно передаёт Коло года Черно- богу, а врата мира Мёртвых до первых петухов широко распахнуты в мир Живых.

20. Великое Осеннее Сварожье, или вторые Осенние Деды — череда Святодней, посвящённых Сварогу, Ковалю Небесному и Отцу Светлых Богов- Сварожичей (Сварожья седмица: с 1 по 7 груденя/ ноября). Пора окончательного «замыкания» Сварги, а также время, когда Земля начинает сковываться на зиму льдом. В эпоху двоеверия 1 груденя/ноября отмечали день святых Космы и Дамиана — Кузьму-Демьяна Зимнего (Кузьминки) — Кузьминские Деды, а 8 груденя/ноября — день Михаила Архангела, «расковывающего» землю на кратковременные Михайловские оттепели: «Кузьма закуёт, а Михайло раскуёт». Если же оттепелей не было, говорили: «Со дня Михайла Архангела Сварог-Батюшка морозы куёт».

21. Марин день — 21 груденя/ноября — приход Морены-Зимы, Навьей Владычицы. Пора поминовения душ предков — Навьих Дедов. В эпоху двоеверия 9 груденя/ноября отмечали Матрёну (Матрону) Зимнюю, а 21 груденя/ноября — Введение Марии Богородицы во храм. В народе говорили: «На Введение зима вводится», «Введение — ворота зимы», «Введение пришло — зиму привело», ибо верили, что в этот день зима окончательно вступает в свои права.

22. Корочун — самый короткий день в году, когда Кошный Бог «окорачивает» уходящий год. Празднуется накануне зимнего Солнцеворота или накануне Коляды. Время поминовения предков — Навьих Дедов. В эпоху двоеверия 24 стуженя/декабря праздновали Сочельник (от «сочиво» — кутья). По поверьям, ночь перед Колядой благоприятна для разнообразных гаданий, волшбы, шаманских камланий, путешествий души в Навь и т. п. В народе о сию пору примечали: «Коли на Коляду небо звездисто — богатый приплод скота и много ягод на будущий год», «Каков в Сочельник иней на деревьях, таков цвет будет на хлебе».

23. Коляда — один из величайших Святодней Кологода, приуроченный к Зимнему Солнцевороту^[54], день Рождения нового Солнца и нового года. О сию пору поминают предков, творят обряд «обновления» («возрождения») Огня и всю ночь жгут на вершинах холмов священные костры, «помогая» Новорождённому Солнцу. В эпоху двоеверия 25 стуженя/декабря отмечали Рождество Христово^[55], причём само празднование начиналось ещё 24 стуженя/декабря — в ночь перед Рождеством. В народе говорили: «На Рождество и Солнце играет», «Зима — за морозы, мужик — за праздники». Примечали: «Коли в этот день снега глубоки — травы и хлеб будут высоки», «Если в этот день тепло — весна будет холодная», «Если метельная ночь — пчёлы хорошо роиться будут», «В ночь звёзд густо — густо и ягод будет».

23. Поминальное время: Вешние Деды

Вешние Деды — Навья седмица, череда поминальных Святодней, предшествующих Вешнему Макошью (Именинам Земли — 9 травеня/мая) и отмечаемых с 1 по 7 травеня/мая. Согласно славянским верованиям, в это время души предков приходят навестить своих потомков, живущих в Яви.

В эпоху двоеверия на Руси Вешних Дедов заменили праздники Пасхального круга и следующая за Пасхой Фомина неделя^[56]. В обрядности Фоминой недели преобладает поминальная тематика. На первые дни приходились коллективные поминовения умерших на кладбищах: основным таким днём была Радуница, т. е. вторник, реже — понедельник на Фоминой неделе (ср. свидетельство «Стоглава», осуждавшего тех, кто «творил» на Радуницу «оклички», иначе говоря — причитал по покойникам). В некоторых районах Белоруссии и Украины основным поминальным днём после Пасхи был Навский четверг, т. е. четверг на Пасхальной неделе.

Согласно народным верованиям, на Пасху предки посещают землю и свои дома. Поминальные обряды Фоминой недели должны были обеспечить умершим достойное их пребывание на земле и благополучное возвращение на «тот свет». Люди посещали кладбища, подновляли могилы, посыпали их песком, вешали на кресты новые полотенца, устраивали на могилах трапезу, поминали умерших. В семьях, где были утопленники, пасхальную пищу оставляли у воды или бросали в реку. Почитание усопших нашло отражение и в многочисленных запретах на различные виды домашних работ, соблюдаемых в это время.

Предусматривались и некоторые меры защиты от проникновения душ умерших непосредственно в дома людей (дома обсыпали маком, жгли Страстные либо Громничные свечи и т. п.). На Радуницу помимо трапезы служили на кладбищах молебны по усопшим, причитали по ним, а вечер этого дня мог заканчиваться плясками и весельем, ср. русское выражение: «На Радуницу утром падут, днем плачут, а по обедне — скачут». На Урале в канун Радуницы топили баню для предков и приготавливали для них мыло и полотенце, хотя сами в этот день в баню не ходили; иногда устраивали также поминки дома, ожидая, что умершие придут ужинать. В Сибири Радуничные обычаи подчас переносились на первый день Фоминой недели — «радошное» воскресенье; считалось, что в этот день «мёртвые встают из гробов и познают друг

друга».

Важнейшим ритуальным предметом поминальных обычаев Фоминой недели были яйца. Обычно на могилы носили крашеные пасхальные яйца^[57], а иногда — их специально красили к поминальному дню. Кое-где сохранился обычай красить к этому дню яйца не в красный цвет, а в «жалобные» цвета (чёрный, жёлтый и тёмно-синий). Яйца оставляли на могилах, крошили для птиц (называя это «птичий помин»), закапывали в могильный холм, а в Закарпатье устраивали на кладбищах традиционные игры с пасхальными яйцами (бились ими, катали с горок на дальность и др.).

Одним из названий первых дней Фоминой недели было Проводы^[58], что связано с представлением о необходимости «проводить» предков обратно на «тот свет». К Фоминой неделе приурочивали, в частности, и обычай «проводов зимы» (запад Белоруссии). Здесь «зиму провожали» или «гнали» кочергой из-под лавок и печей, выметали её, стучали мётлами и палками по заборам, кидали камнями в ворота, бросали в проточную воду старые вещи или жгли их, свистели, кричали, шумели и т. п.

Значительная часть обрядов Фоминой недели была связана с темой брака. Был известен обычай «окликать» молодожёнов в воскресенье, называвшееся на Верхней Волге «вьюничным» или «окликальным». Группа мужчин обходила в селе дома, где жили супружеские пары, справившие свадьбы в течение последнего года. Они исполняли под окнами новобрачных величальную песню, в которой молодых славил и «окликал», т. е. называли «вьюнцом» и «вьюницею», после чего социальный статус молодожёнов как полноправных супругов считался окончательно закреплённым, ср.: «Завтра рано поутру да окликальщики придут, / Приокликати меня да приузывати тебя, / Ну-ко будь, моя молодушка, скликанная!»

Воскресенье на Фоминой неделе называли в России Красной Горкой. Устраивались массовые гуляния с хороводами и играми, на которые в большие сёла съезжалось всё население соседних деревень. Кроме того, Красная Горка была днём свадеб и сватовства. Во время хороводов молодёжь имела возможность познакомиться друг с другом; здесь же молодые люди и их родители присматривали невест. На Красную Горку девушки надевали новые наряды, готовясь к смотринам. Присутствие парня или девушки на Красной Горке было обязательным, а избегающих общего праздника осуждали и награждали насмешливыми прозвищами. Отсиживавшимся дома грозил неудачный брак или даже безбрачие.

24. Поминальное время: Зелёные Святки

Зелёные Святки — Русальная седмица перед Ярилой Мокрым, или Трояновым днём (3 кресеня/ июня). В эпоху двоеверия на Руси Зелёные Святки, Троица — один из важнейших праздников «православного» церковного календаря, отмечаемый в 50-й день после Пасхи (отсюда второе его название — Пятидесятница). В народной традиции Троицын день включался в цикл связанных между собой праздничных дней, который начинался с четверга седьмой недели после Пасхи, называвшегося у русских Семиком. Следующая заметная дата Троицкого цикла — суббота накануне Троицына дня, отмечаемая у восточных славян как один из главных поминальных дней в году (ср. варианты названий — «Родительская суббота», «Задушная», «Троицкие Деды»), Вслед за Троицким воскресеньем начиналась Троицкая неделя (или «Русальная», «Проводная»^[59]), в составе которой выделяются две даты: Духов день (понедельник) и четверг, называемый в южнорусских областях и в Полесье — «Навская Троица», «Трийца умэрлых», «Сухой день», «Кривой четверг».

Важной составляющей Троицких обрядов были поминальные обычаи. На Русском Севере Троица и предшествующая суббота считались главными поминальными днями. Хожение на кладбище в эти дни было там более устойчивой традицией, чем на Пасху. В южнорусских

областях и украинско-бело-русском Полесье пятница и суббота перед Троицей («Троицкие Деды») отмечались как особый период, когда поминали заложных покойников. На Черниговщине говорили, что это главные поминальные «Деды» в году: «Топлеников, давлеников поминають на Траецкие Деды — самые главные».

Связь Троицкого периода с обычаями поминовения умерших отмечалась и в памятниках письменности XVI–XVII вв. Например, в «Стоглаве» осуждалось оплакивание покойников на кладбище, когда «в Троицкую субботу по селом и по погостом сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробом умерших с великим воплем». Поминальный обычай топить бани для мёртвых на Троицу упоминается и в исповедных вопросах: «В Великую субботу и в пятидесятную егда памят творим оусопшим, бани не велел ли еси топити?»

С Троицкими обычаями поминовения родственников, умерших преждевременной смертью, прямо соотносятся поверья о появлении на земле в это время русалок — душ умерших детей или девушек, не доживших до вступления в брак. В Полесье считалось обязательным на Троицу соблюдать поминальные обычаи в тех семьях, где в недавнее время похоронили незамужнюю дочь: в тех домах оставляли на столе на ночь (перед Троицкой субботой или перед «Навской Троицей») поминальный ужин; вывешивали на ограду одежду, принадлежавшую умершей. Кроме того, соблюдали многочисленные запреты шить, прясть, белить хату и печь, работать в огороде, купаться в реке и т. п., чтобы не навредить русалкам или не подвергнуться их нападениям.

Обряд завивания венков на берёзе в Черниговской губ. назывался «встречей русалок». Представления о том, что такие венки завивались для русалок, были известны и в Смоленской губ.: к «завитой» берёзе боялись подходить на Троицу, опасаясь, что «русалки защекочут». Раскладывая на полу и затыкая в стены дома Троицкую зелень, в Полесье объясняли, что это делали, «щобтые русалки ходылы, щоб ноги у их не покололыся» или «щоб колыхалысь русалки на деревьях, на цих гилках^[60]». На Черниговщине считалось большим грехом не «озеленить» хату на Троицу — в это время души умерших родственников приходят в хату и прячутся в этой зелени. Подобные поверья бытовали в Подмоскowie (в сёлах Дмитровского р-на).

Обязательное уничтожение Троицкой зелени в завершение праздничного периода мотивировалось необходимостью избавиться от русалок, срок дозволенного пребывания которых на земле заканчивался. В Брестской обл. засохшую зелень убирали из дома через неделю после Троицы, «а то на ней русалка будет сидеть». В сёлах Сумской обл. эти поверья связывались с приходом «родичей»: если не убрать Троицкую зелень, то в доме якобы остаётся и плачет «один родич». О сжигаемой Троицкой берёзке в Гомельской обл. говорили, что это «русалку палять (сжигают)».

25. Поминальное время: Осенние Деды

Осенние Деды (Навья седмица) — череда Святодней, предшествующих Осеннему Макошью (28 листопада/октября), седмица поминовения предков — с 21 по 27 листопада/октября, время проведения тризн и иных поминальных обрядов. Проводы душ предков в Иррий — до будущей весны.

В эпоху двоеверия субботу перед Дмитрием Солунским (26 листопада/октября) называли «Дмитриевскими Дедами» и посвящали поминовению умерших родителей. Согласно легендам, в этот день Дмитрий Донской положил справлять тризны по воинам, павшим на Куликовом поле. «Кузьминскими Дедами» называли поминальную субботу перед днём святых Космы и Дамиана (1 груденя/ноября), а «Михайловскими Дедами» называлась суббота перед днём Михаила Архангела (8 груденя/ноября).

С 31 листопада/октября на 1 груденя/ноября — отмечают Велесову (или Марину) ночь — время, когда Белобог окончательно передаёт Коло года Чернобогу, а врата Нави до первых петухов (либо до самого рассвета) широко распахнуты в Явь. В эту ночь души предков ходят по земле и смотрят, как живут их потомки. Тех, кто живёт не по Правде, не по Родовому Искону — они могут наказать, «заморочив» или напугав до смерти, поэтому это время многими считается опасным.

С 1 груденя/ноября по 7 груденя/ноября — Великое Осеннее Сварожье, или вторые Осенние Деды — череда Святодней, посвящённых Сварогу, Ковалю Небесному и Отцу Светлых Богов-Сварожичей. В эту пору, по народным приметам, Сварог заковывает землю льдом на грядущую зиму. В эпоху двоеверия 1 груденя/ноября отмечали день святых Космы и Дамиана — Кузьму-Демьяна Зимнего («Кузьминские Деды»), В народе говорили: «Кузьма и Демьян — проводы осени, встреча зимы, первые морозы», «Кузьминки — курьи именины, девичий праздник», «Батюшка Кузьма-Демьян — куриный бог», «На Кузьму-Демьяна — курицу на стол». 8 груденя/ноября — отмечали день Михаила Архангела, когда наступали кратковременные Михайловские оттепели: «Кузьма закуёт, а Михайло раскуёт». Если же оттепелей не было, говорили: «С Михайлина дня зима стоит, земля мёрзнет», «День Михайла — с полумостом», «Михайло мосты мостит», «Со дня Михайла Архангела зима морозы куёт».

26. Задушки

Задушки — у славян-католиков главные в году поминальные дни, совпадающие с днями церковного поминовения Всех Святых (1 груденя/ноября) и душ умерших родственников (2 ноябрь)^[61]. День памяти святых впервые был введён в Европе в 998 г. в монастырях бенедиктинцев, а с XIII в. принят во всей западной церкви как официально признанная дата, посвящённая памяти по умершим. В народном восприятии день Всех Святых рассматривался как канун главного поминального («задушного») дня (2 груденя/ноября), к которому приурочен основной комплекс обычаев и обрядов.

Считалось, что в дни Осенних Задушек умершие родственники посещали свои дома, собирались под окнами или слева от двери; проникая в дом, они грелись возле печи, искали приготовленную для них поминальную еду. Перед уходом на «тот свет» души сходились в костёл на ночную службу, которую для них служил дух умершего ксендза. Живым запрещалось наблюдать за умершими, нарушителю этого запрета грозила суровая кара.

Обряд Задушек начинался с наведения порядка на кладбищах: люди очищали могилы родственников, украшали их ветками, зажигали свечи; устраивалось коллективное моление по умершим, а затем ксендз благословлял могилы и кропил их святой водой. В доме хозяева готовились к приёму душ умерших: производили уборку, посыпали пол песком, приоткрывали дверь или окно, придвигали к натопленной печи лавку, куда ставили сосуд с водой, гребень, мыло и полотенце, «чтобы души могли помыться и причесаться» (восточная Польша).

Хозяйки на Задушки пекли особый хлеб «для душ». Его относили на кладбище и раздавали нищим, беднякам, детям, священнослужителям, оставляли на могилах. Стремилась раздать как можно больше (в ряде мест выпекали и раздавали до 200–300 булочек), веря, что это обеспечит приумножение достатка и благополучия. В некоторых словенских областях получил распространение обычай «сбора хлебов»: в Задушный день группы молодёжи ходили по селу, посещали кладбище и костёл, стараясь собрать побольше поминального хлеба и соревнуясь в этом друг с другом.

Во многих р-нах Словакии в ночь накануне Задушек хозяева оставляли на столе стакан вина «для душ», а утром посылали детей проверить, убавилось ли оно. У сербов Штирии кроме вина клали на стол хрен, а в Дравской Долине оставляли для умерших вино, хлеб и блюдо каши.

Жители районов Словацкой Оравы и Лигггова считали обязательным оставлять на столе в ночное время «ужин» для умерших. Там верили, что не нашедшие поминальной еды души будут плакать от голода весь год до следующих Задушек. Особое угощение (хлеб, муку, кашу, фрукты) люди относили на кладбище, называя это «Колядой для мёртвых» (словац.).

В дни Задушек люди соблюдали многочисленные запреты: не работали в поле, не занимались хозяйственными делами, не отправлялись в путь. По польским поверьям, накануне Задушек следовало как можно раньше лечь спать, чтобы не мешать своим присутствием душам справлять их праздник; запрещалось убирать со стола остатки поминального ужина; поздно вечером выходить во двор и выплескивать за двери помой или воду; не спускали на ночь собак с цепи. Если было крайне необходимо выбросить мусор или вылить возле дома воду, то хозяйева намеренно шумно себя вели, чтобы отогнать духов, или произносили особливые приговоры-предостережения: «Посторонись, душа, а то оболью!». Запрещалось также подбеливать печь и стены дома, чтобы не забрызгать глиной и извёсткой умерших. Опасаясь навредить какой-нибудь из незримо присутствующих душ, которая могла бы случайно застрять в давящем прессе, словенцы Белой Краины развинчивали его в день Задушек, чтобы «освободить душу» и дать ей уйти в положенный срок на «тот свет».

27. Задушницы

Задушницы — поминальные дни в календаре южных славян, исповедующих «православие». Число таких дней различно в разных местных традициях (от трёх до десяти в течение года). Среди них наиболее распространены: Масленичная суббота; летние поминальные дни, приуроченные к Вознесению или Троице; осенние поминальные дни, приуроченные к субботе накануне дней святого Дмитрия Солунского (26 листопада/октября) или святого Михаила Архангела (7 груденя/ноября). В число Задушниц могли также включаться пятница и суббота Страстной недели, понедельник Фоминой недели; у сербов — также вторая, третья и четвёртая субботы Великого поста; у болгар — суббота перед Вербным воскресеньем или перед днём Параскевы Пятницы.

Обряды этих дней включают ряд обязательных элементов: это возжигание свечей (реже — разведение костров), связанное с представлениями о том, что свет от них освещает умершим путь в земной мир; символическое «кормление душ» или раздача поминальной еды соседям и нищим в память об умерших; поливание могилы водой или вином «за души умерших»; украшение могил зеленью и цветами, обкладывание их дёрном и т. п. Исполнителями «задушных» обычаев выступали, как правило, женщины. Они готовили и носили на могилы варёное жито, обрядовый хлеб, крашеные яйца, фрукты и другую поминальную еду, оставляли её на могилах родственников, раздавали односельчанам «за души умерших». Старались принести пищу горячей, считая, что души питаются паром от тёплой еды. У болгар-капанцев принято было, вернувшись с кладбища, в Задушную пятницу готовить новую порцию обрядовых хлебов — по числу умерших родных — для раздачи соседям на следующий день, причём особые изделия пеклись для умерших мужчин, для женщин, молодёжи и детей.

Считалось, что начиная с Пасхи (либо с субботы Сыропустной недели) и до Вознесения (либо до Троицы) души умерших пребывают среди живых и что их можно увидеть или услышать с помощью совершения особых обрядов. С этой целью во многих районах Болгарии в Троицкую субботу (когда, как считалось, души возвращались на «тот свет») женщины приносили в церковь ореховую листву, устилали ею пол, вставали на колени или ложились на эту зелень, так как верили, что «умершие пребывают под листьями» или что «они проходят по ним», при этом запрещалось смотреть наверх, чтобы не спугнуть мёртвых, следовало хранить молчание, чтобы услышать их голоса. Если же кто-то непременно хотел увидеть души, то надо было взять зеркало

и держать его над водой до тех пор, пока в нём не появится отражение. Случалось, что зеркало для этой цели подвешивали над колодцем, однако это считалось опасным и для мёртвых, и для живых. У сербов Шумадии в летние Задушницы (на Вознесение) было принято ходить на кладбище в надежде увидеть своих умерших родственников. Идти следовало ночью, в полном молчании; на могилах зажигали свечи и оставляли немного еды, а к кресту прислоняли зеркало, в котором должен был показаться покойник.

У южных славян широко распространено верование, что перед каждым покойником на «том свете» стоит стол, на котором лежит именно та еда, которую его родные принесли ему на Задушницы. Не принято было совершать «задушные» обряды в тех домах, где в семье была молодая невестка, приведённая мужем в дом менее года назад. Согласно поздним сербским поверьям, «открывает могилы» весной и «закрывает» их осенью св. Пётр. У болгар Странджи известны поверья о том, что до Вознесения души умерших «свободно порхают по цветам», а после этого дня уходят с земли, ибо затем начинают созревать плоды, и «мёртвые в них теряются»; запрет спать днем в этот день мотивировался тем, что иначе умершие могут остаться во сне спящих и не смогут своевременно уйти на «тот свет».

28. «Кормление» душ предков и домашних духов

Обряды «кормления» душ умерших предков и духов-покровителей дома, от расположения которых зависит успешное ведение хозяйства и благополучие дома, известны у славян с глубокой древности.

Для «кормления» душ предков и домашних духов выделялась первая ложка от всех праздничных или поминальных блюд, отливались напитки, откладывался первый испечённый блин или ломоть хлеба. Пищу размещали под столом, по углам дома, на печи или за печью, клали на окно или Божницу, относили на перекрёсток дорог, на могилы, бросали в колодец, в проточную воду, подвешивали к дереву и т. п.

Перед началом общесемейной трапезы хозяева приглашали души предков (Дедов) и духов-покровителей дома к праздничному столу: «Деду-деду, иди до обеда!» или «Святые родители, приходите к нам вечерю вечеряти!»

29. Поминальная трава: кутья

Кутья, сочиво, коливо, «канун» — основное обрядовое поминальное блюдо славян, каша, сваренная из целых зёрен пшеницы (реже — из ячменя или других круп, последнее время — из риса), политая мёдом или медовой сытой. Готовится на поминки по умершему, а также в годовые поминальные праздники (Вешние и Осенние Деда и др.); кутью носят на Капище и на жальники (на кладбище); едят сами и раздают соседям и нищим за помин души. Обычно кутью едят в начале трапезы или в конце её, оставляют на ночь на столе «для душ умерших».

У восточных и западных славян кутью обязательно варят в кануны Коляды (в эпоху двоеверия — Рождества), Нового года и Водокреса (в эпоху двоеверия — Крещения), так что в Полесье сами праздники-кануны называются Кутья, или Бедная Кутья (перед Рождеством), Богатая Кутья (перед Новым годом), Голодная (или Водяная) Кутья (перед Крещением), у русских в эпоху двоеверия Кутейником называли Рождественский Сочельник (от «сочиво» — то же, что и кутья).

«На кутью» у восточных славян приглашали Мороз^[62], диких зверей, у южных славян коливом угощали стихии, души умерших и духов болезней — чтобы задобрить их и обеспечить себе их благоволение и защиту. Известны народные гадания с Колядной кутьёй.

30. Поминальная трава: блины

Блины — блюдо, обрядовое использование которого известно у восточных славян, главным образом у русских. В других славянских землях сходную роль в обрядах выполняют различные виды хлеба, каша (кутья) или зерно. Основная символика блинов связана с представлением о смерти и потустороннем мире: блины посвящают умершим, символически «кормят» ими души предков, передают блины на «тот свет» в гробу с покойником и т. п. Посредниками между миром живых и потусторонним миром мёртвых выступают лица, являющиеся откуда-либо «извне»: нищие, странники, колядовщики, которым раздают блины. Блины предназначаются также суженому, первому встречному, пастуху, скоту, чучелу Масленицы, Морозу и др., а в эпоху двоеверия — Христу, св. Власию и др. Особое значение в обрядах имеет горячий, первый блин, а также блин, испечённый последним, сухой, лежащий сверху в стопе, в гаданиях — солёный блин.

На похороны и поминки блины пекут как поминальное блюдо, посвящаемое умершим. В день погребения на стол ставят горку блинов, и старший из присутствующих мужчин разламывает первый блин и кладёт на окно для души покойного. На похоронах и поминках первый горячий блин, как и хлеб, не режут, а рвут на части и раскладывают на окнах, чтобы паром от него питались души умерших. Блины иногда кладут на грудь умершему, в гроб, на могилу. Блинами поминают на могиле, а остатки отдают нищим странникам. Также поминальные блины разносят по домам родных и соседей с просьбой помянуть усопшего. На следующий день после похорон или поминок носят завтрак покойному, тоже оставляя блины на могиле. Блины пекут на девятый, на сороковой день и в последующие поминальные дни, а также в Кологодные поминальные («родительские») праздники: на Красную Горку, Радуницу (Вешних Дедов, а в эпоху двоеверия — на Фоминой неделе), на Осенних Дедов (в эпоху двоеверия — в Дмитровскую субботу) и т. д. Считалось, что кто печёт блины на поминки, тот печётся о насыщении души умершего. В Белоруссии блины пекут на Дедовы поминки — чтоб

Дедам (предкам) «пара пошла». Блины используют и как оберег от мертвых, которые часто являются во сне. Для этого с горячим блином садятся на порог и приглашают к себе умерших обедать.

Блины на Масленицу — повсеместное угощение, главным образом, у русских. Круглая форма блинов напоминает Солнце, которое о сию пору года начинает «входить в силу». Блины пекут всю неделю. Первый блин посвящают Велесу (в эпоху двоеверия — святому Власию) или умершим. Его кладут «родителям» на слуховое окно, на крышу или могилу, на Божницу в Красный угол, дают нищим в память о предках или съедают за упокой усопших. В Масленичное «прощёное воскресенье» или в шесток ходят с блинами на кладбище «прощаться с родителями». В обряде похорон Масленицы блин дают в руки чучелу Масленицы (Морены). В эпоху двоеверия блины пекли также на Вознесение. Их называли «Христу онучи», «Христовы (или «Божьи») онучи». Их пекли на счастье, брали с собой в поле. Наряду с другими видами Хлеба блины пекут и на Коляду. Первый блин в Сочельник дают овцам — от мора, скоту отдают остатки блинов и Колядной кутьи. Накануне Коляды хозяин с кутьёй и блинами выходит звать Мороз на ужин. Блины также специально пекут для колядовщиков. Блины бывают составной частью угощения в начале жатвы и на Спожинки.

Разнообразно использование блинов на свадьбе. Угощение блинами на обручении и в канун свадьбы наиболее характерно для северо-восточной России. Блины накануне свадьбы могут иногда приобретать функции, родственные тем, которые они имеют в похоронно-поминальной обрядности: угощение блинами сопровождается в некоторых местах символическими «похоронами» невесты или упоминанием покойника. Невеста в это время должна как бы «умереть» как девушка, чтобы потом «воскреснуть» в новом качестве. После брачной ночи молодых кормят блинами, совершают шуточный обряд «блин продолбить», призванный

обеспечить чадородие невесты, устраивают «блинный стол», мать невесты присылает блины к выходу молодых из бани. Повсеместно у русских теща угощает зятя блинами в конце свадьбы. Во время угощения невеста старается вырвать у жениха первый блин, чтобы получить власть над мужем. По способу поедания женихом блина судили о девственности невесты: если она оказалась «нечестной», жених ломал блин, прокусывал у него середину, откладывал взятый блин и больше не ел, дарил теще дырявый блин или клал на блин не целый рубль, а мелочь, если молодая «не цела». В некоторых местах и сама невеста в конце свадьбы печёт блины и угощает ими мужа и гостей, иногда устраивают шуточную продажу невестиных блинов.

С блинами девушки гадают о замужестве, чаще всего на Зимние Святки (обычно для этого используют первый или солёный блин, от которого откусывают все гадальщицы): с блином под мышкой, за пазухой или на голове выбегают или выезжают на кочерге на улицу и дают его первому встречному мужчине, узнавая его имя; оставляют его на перекрёстке «жениху на вечеринку»; наступив на него ногой, слушают на мусорной куче: откуда залает собака, оттуда ожидается жених и т. п. Иногда на Осеннее Сварожье^[63] девушки пекут блины и поют песни, содержащие пожелание найти хорошего жениха.

Символика блинов в фольклоре, как и в обрядах, связывает их со смертью и с небом как Иным миром. Так, в сказке старик лезет на небо и видит там избушку из блинов. Тот же мотив отражён в поговорке про избу: «Блинами промшить, лепёшками покрыть». В сказке Солнце на небе печёт на себе блины (ср. украинскую поговорку: «Бона своим носом чуе, як на Небі блины печуть»). В подблюдных песнях блины предвещают смерть (Мара- Смерть несёт блины на блюде). В заговоре от икоты её отсылают туда, где пекут блины: «там блины пякуть, табе дадуть», подобно тому как оставляют их покойнику на поминках. В загадке блин в масле на сковороде сравнивается с рыбой, с которой их роднит использование в качестве поминального угощения: «Берега железны, вода дорога, рыба без костей».

С печением блинов связан ряд бытовых предписаний и запретов. Так, посторонним запрещается смотреть, как пекут блины, иначе они не зададутся. У белорусов пекущего блины приветствуют: «Скачком блшы!» А в ответ на это говорят: «Тарчком з избы!» Выпекая первый блин, зовут покойных родных есть блины. Иногда первый блин перед обедом дают молодому домашнему животному, а последний оставляют на сковороде и после обеда скармливают матери этого животного. Одолженную под блины сковороду возвращают не пустую, а с последним блином, причём держат её не голыми руками, а сковородником. В Полесье в эпоху двоеверия запрещалось печь блины в Великий пост (а иногда и на Пасху, на Новый год, в Петровский пост) во избежание засухи.

31. «Греть покойников»

«Греть покойников» — семейный поминальный обычай возжигания огня (костра), чтобы «передать умершим тепло». Принадлежит к традиционным для славян формам общения с предками (в их числе — кормление умерших, приготовление для них бани и т. п.). Был известен южным и восточным славянам, кое-где встречался в Польше.

В древнерусском «Слове св. Григория» (по Чудовскому списку XVI в.), осуждавшем «сатанинские дела», среди прочего было сказано: «и сметье^[64] оу ворот жгут в великой четверг, молвящ тако оу того огня дша^[65] приходяще огреваются». От подобных же действий предостерегал прихожан польский проповедник конца XV в. Михал из Яновца.

В составе погребального обряда обычай известен на западе украинско-белорусской зоны, а также в Сербии. Белорусы на второй или третий день похорон сжигали стружки, оставшиеся от гроба, полагая, что «покойника душа придёт греться». Сербь с той же целью в течение нескольких дней после похорон жгли во дворах костры.

На севере славянского мира (кашубы в польском Поморье, Белоруссия, Русский Север) принято было в один из Святочных вечеров или на осенние поминальные дни жарко растапливать печь для того, чтобы предки могли здесь обогреться. В южнорусских областях «родителей» также «грели» на Коляду, под Новый год или на Водокрес, разводя во дворах костры из соломы и навоза.

В восточных и центральных областях Украины широкое распространение получил обычай сжигать по дворах и в садах солому, которая лежала в Рождество на полу, а также мусор, собранный в течение Зимних Святок. Кое-где люди верили, что тем самым они согревают предков, пришедших к костру.

На остальных славянских землях обычай входил в цикл весенних обрядов. У гуцулов он присоединил к себе черты детских обрядов обхода дворов. Здесь в эпоху двоеверия в один из дней на Страстной неделе хозяева жгли во дворах костры, вокруг которых бегали дети и кричали: «Грийте дида, грийте дида, дайте хлеба, грил бы вас Бог всяким добром!»

В некоторых областях Сербии и Болгарии в эпоху двоеверия обряд совершался чаще всего в Страстной четверг, на Благовещение и другие даты, считавшиеся в той или иной местности днями ежегодного выхода предков на землю. В эти дни костры разводили на кладбищах, во дворах и на других принадлежащих семье участках земли. Здесь же оставляли пищу, лили вино и воду и даже расстилали для предков коврики на земле. Сербы следили за тем, чтобы от костров не было дыма, который мог бы помешать умершим, а болгары прямо обращались к усопшим, приглашая их к огню: «Стоян, Пётр, здесь ли вы? Приходите и обогрейтесь!»

32. Ель — древо предков

Ель — дерево, посвященное Велесу и часто используемое в похоронных и поминальных обрядах. Также ель — древо предков, или Дедово древо. Согласно народным верованиям, на ветви ели садятся «отдохнуть» души предков, прилетающие в мир живых, чтобы навестить своих потомков. Как вечнозелёное дерево, ель — символ бессмертия, Вечной Жизни, не подвластной тлену.

У западных и восточных славян ветви ели, гирлянды из неё и еловые венки — одно из самых распространённых украшений могилы. Еловыми ветками застилают пол в доме во время похорон. Возвращаясь с кладбища после похорон, еловыми ветками метут за собой дорогу — «чтобы покойник вслед не увязался». Срубленную ель, часто украшенную цветами или лентами, устанавливают или реже — сажают на могиле парня или девушки, умерших до брака.

У старообрядческого согласия бегунов принято было прямо в лесу подкапывать корни большой ели, немного выворачивать её из земли и в образовавшуюся яму класть тело умершего без гроба, а затем сажать ель на прежнее место, «яко будто век тут ничего не бывало». С этим согласуется олонецкое свидетельство о похоронах висельников между двумя елями, а также мотив похорон под елью в сербских эпических песнях.

Как Велесово древо, ель также имеет отношение к духам-навиям и нечистой силе. Согласно владимирской быличке, домовый живёт в большой сосновой или еловой ветке, подвешенной где-нибудь во дворе. Дети лесовых духов лежат в люльках, висящих на елях и соснах, а дети русалок — под елью. По елям черти водят души «заложных» покойников, а также проклятых и утащенных ими в лес детей, под ель леший укладывает спать заблудившихся детей.

На Русском Севере не сажали ель у дома, опасаясь, что в противном случае «мужики не будут жить, умирать будут, одни вдовицы будут».

33. «Заложные» покойники

«Заложные» покойники — «нечистые», особенно вредоносные умершие. По народным

представлениям, к ним относились умершие насильственной и преждевременной смертью: убитые, погибшие в результате несчастного случая, самоубийцы, умершие в молодом возрасте, т. е. «не дожившие своего века»; те, кого при жизни проклинали родители; те, кто при жизни знался с нечистой силой (колдуны, ведьмы).

В отличие от умерших «своей» смертью (т. е. по причине старости), почитаемых как предки-покровители (святые Деда, родители), «заложные» покойники становились злыми духами-навиями, сближенными с нечистой силой. Их называли: «мертвяк», «упырь», «нечистик», «вешальник»^[66], просто «злой дух».

«Заложные» покойники, как и другая нечистая сила, появляются по ночам, бродят по земле, пугают и преследуют людей, заводят на бездорожье путников, проникают в дома своих близких родственников, мучают их, являются им во сне, вредят в хозяйстве, могут наслать болезни. Но главное их опасное свойство — способность управлять Природными стихиями, насылая разного рода бедствия: бурю, грозу, затяжные дожди, град, заморозки, засуху, неурожай и т. п. Так, по верованиям восточных и западных славян, вихрь или буря поднимается в момент смерти колдуна, ведьмы или в момент смерти самоубийцы. У сербов принято было при приближенTM градовой тучи обращаться по имени к последнему в селе утопленнику или висельнику с просьбой отвести град подальше от границ села.

Широко распространено поверье о том, что погребение «заложного» покойника в земле в границах освящённого сельского кладбища непременно вызовет засуху, градобитие, заморозки. Исторические свидетельства об обычае выкапывать из могилы похороненных утопленников и висельников для предотвращения стихийных бедствий запечатлены в древнерусских памятниках, начиная с XIII в. По мнению русских крестьян, местами захоронения или выбрасывания «заложных» покойников должны служить пустыри, овраги, топи, в крайнем случае, места вблизи кладбища, но за пределами его ограды.

При стихийных бедствиях или моровых поветриях крестьяне, несмотря на многочисленные запреты со стороны церковных и светских властей, тайком выкапывали погребённых «нечистых» покойников (из числа недавно похороненных), относили труп за границу сельских угодий, бросали его в глухих отдалённых местах или, стараясь обезопасить себя от его вредоносного воздействия, отсекали голову или конечности, забивали в его тело осиновый кол или острые железные предметы, переворачивали труп лицом вниз, сжигали останки. Кроме того, предпринимались и профилактические меры в отношении умерших «не своей» смертью, если их приходилось хоронить в земле: их хоронили босыми или со связанными ногами, чтобы они «не ходили», подрезали сухожилия под коленями, на шею умершему клали косу или серп, делали гроб из осины или забивали в крышку гроба осиновый кол, на могилу сыпали угли из своей печи или ставили горшок с горящими углями и т. п.

Само место смерти или погребения вне кладбища «заложного» покойника считалось нечистым и опасным, его старались обходить стороной. Если же случалось проходить мимо могилы «заложного» покойника, то считалось необходимым бросить на неё палку, ветку, щепку, ком земли, камень, горсть соломы, сена. Если не выполнить этого обычая, то, по народным верованиям, «умерший будет вслед гнаться», «висельник буде пужать», «буде водить по лесу» (т. е. человек заблудится), мертвец будет преследовать, сядет на воз, начнет мучить коней и т. п.

Местом пребывания всех нечистых духов и душ «заложных» покойников считается перекрёсток. Здесь хоронят самоубийц и найденные трупы, над которыми в древности ставили Чуров, а в эпоху двоеверия — кресты и часовенки. В поминальные дни на перекрёстке рассыпают для птиц (душ умерших) зерно.

Особым временем для поминовения всех «заложных» покойников у восточных славян считались Зелёные Святки (Русальная седмица), а в эпоху двоеверия Семик — четверг на

седьмой неделе после Пасхи. В XVII–XVIII вв. в этот день устраивались массовые захоронения в общей могиле всех оставленных на поверхности земли трупов «заложных» покойников. Крестьяне в Семик поминали своих безвременно скончавшихся родственников, детей, умерших некрещёными и безмянными, и дочерей, которые умерли до вступления в брак.

34. Самоубийцы

Самоубийца — в традиционных славянских верованиях один из наиболее опасных «заложных» покойников. По народным представлениям, самоубийство является страшным грехом, души самоубийц отходят во власть духов тьмы. В эпоху двоеверия самоубийц признавали «слугами Дьявола», их дома разрушали. Дерево, на котором повесился самоубийца, срубали, иначе на нём, как верили в народе, непременно ещё кто-нибудь повесится. Место, где произошло самоубийство, считается нечистым. По славянским поверьям, самоубийца «ходит» после смерти (обычно говорят — семь лет, по другим источникам — до тех пор, пока не истечёт срок отпущенной ему жизни на земле) в своём прежнем облике, появляется в Полнолуние, в полночь на месте своего самоубийства: повесившийся — в лесу, на дереве (где он свистит, кричит, раскачивается), утопленник — в воде или около воды на берегу. Увидев человека, самоубийца-утопленник старается догнать его и затащить в реку. Самоубийцы могут заманить человека в глухое место, принудить часами блуждать по лесу. Самоубийцы становятся привидениями, упырями и вурдалаками, водяными или русалками, лешими и т. д.

Согласно народным верованиям, неупокоенные души самоубийц могут влиять на атмосферные явления, способны управлять стихиями, вызывая пожары, неурожаи, засуху, бури, град. В Прикарпатье считается, что души самоубийц приносят непогоду: они летают в тучах, держа мешки с градом, который сделали чернокнижники, и высыпают град в указанное хозяином тучи (злым духом или чернокнижником) место. Вероятность засухи возрастала, если самоубийцы были похоронены на общем кладбище, поэтому их хоронили в стороне от кладбищ, у дорог, на границах полей. Несмотря на протесты властей, могилы самоубийц, особенно во время неурожаев и стихийных бедствий, разрывались и осквернялись, а их трупы пробивали осиновым колом. При засухе также топили в воде трупы самоубийц или надгробный крест, а могилы поливали водой. По сербским представлениям, в мире Мёртвых души самоубийц страдают от сильной жажды; во избежание засухи живые должны приносить мёртвым воду. Поминая самоубийц, защищаются от града.

При погребении самоубийцу, равно как и колдуна, ведьму, упыря, волколака и других «заложных» покойников, пробивали колом, калечили труп, протыкали иглой или вбивали в рот железный гвоздь, зажимали рот монетой, у могилы сыпали мак, который самоубийца «будет считать до утра». Избавиться от поднявшегося из могилы самоубийцы можно, как и от другой нечистой силы — ударом наотмашь.

Считается, что если перед тем, как покончить жизнь самоубийством, человек произнесёт имя Кого-либо из Светлых Богов, самоубийство произойти не сможет.

35. Некрещёные дети

Некрещёные дети — дети от рождения до крещения (кресения — огненного посвящения) и имянаречения — считающиеся в народе ритуально нечистыми, «не вполне людьми», принадлежащими ещё «тому свету», из которого они пришли в мир живых. Ребенок до крещения мог отождествляться с иноверцем: у русских он назывался «иродом», у болгар — «еврейчиком», а также именами животных, у сербов — «турком», «цыганёнком».

Обращение с некрещёными детьми определялось рядом запретов и предписаний: такого ребенка нельзя целовать, выносить за пределы дома, показывать посторонним. Восточные

славяне, болгары и поляки считали, что в доме, где есть некрещённые дети, должен ночью гореть свет, чтобы нежить и злые духи (у русских — домовый, банник, леший, у западных украинцев — дикая баба, у поляков — богинка, карлики) не подменили ребёнка и не подложили своего детёныша — безобразного и крикливого (именуемого в народе «подменьшем»). Дети, умершие некрещёнными, наряду с мертворожденными и загубленными своими матерями причисляются к «заложным» покойникам и переходят в разряд нечистой силы. Их закапывали на краю кладбища, за его оградой, под порогом или под полом дома, в саду под плодовыми деревьями, на перекрёстках дорог, у болгар — хоронили голыми, на «чужом» кладбище и т. д.

Души некрещённых детей не попадают на небо и не знают успокоения, они летают близ своих могил или носятся в воздухе в виде вихря или птиц, особенно перед непогодой, и кричат, требуя окрестить их. Услышавший крик такой души должен бросить платок или какую-нибудь часть одежды на то место, где раздаётся крик, перекрестить его и произнести: «Если ты пан, то будь Иван, а если ты панна, то будь Анна»^[67]. В эпоху двоеверия некрещённых детей часто нарекали Адамом или Евой. Проходя мимо места, где похоронен такой ребенок, говорили: «Крест на мне, и крест на земле, и крест на том ребёнке, что некрещённый в земле». После этого душа ребёнка считалась окрещённой и принималась на Небо.

Если в течение семи лет душа такого ребёнка не будет окрещена, то она переходит под власть злых духов и превращается в нечистую силу. Согласно общеславянским поверьям, из некрещённых детей происходит всевозможная нежить: вампир, дух-обогадитель, русалка, русские кикиморы, ичетики (мелкие духи, живущие в омуты и на мельницах в виде маленьких мохнатеньких человечков), русский игоша (домашний дух в виде безрукого и безногого уроды, который проказничает по ночам) и др. На Украине духи, происходящие из некрещённых детей, называются потерчата, или стратчуки (от украинского глагола «стратити» — «утратить»). Западные славяне полагали, что души некрещённых детей становятся богинками, блуждающими огоньками, которые заводят человека в трясину и на бездорожье.

Души некрещённых детей опасны для живых людей, особенно для матерей, имеющих маленьких детей. Выйдя на крик летающего в воздухе некрещённого младенца, женщина могла заболеть или даже умереть. Согласно южнославянским поверьям, души некрещённых детей в виде птиц без перьев прилетают к дому, где есть новорождённый ребёнок, и стараются навредить ему и родильнице: отнимают молоко, вызывают родильную горячку, бессонницу. Русские считали, что на Зимние Святки души некрещённых детей выходят из Нави, забираются в те дома, где не защищают Солнечными оберегами^[68] двери, и забирают всё, что хотят.

Спасти душу некрещённого ребёнка или облегчить его участь можно поминовением во время Зелёных Святков (на Русальной седмице). В эпоху двоеверия бытовало поверье, что души некрещённых детей можно «выкрестить» в Семик — в четверг на седьмой неделе после Пасхи. Также верили, что женщина, у которой дети умирали до крещения, должна купить двенадцать крестиков и раздать их чужим детям, и за это двенадцать детских душ будет «спасено». Накануне Троицы красили яйца в красный и жёлтый цвет и раздавали их детям на помин некрещённых душ, а также угощали соседских детей варениками, пампушками и пр. Для этой же цели приносили на перекрёстки дорог содовый мёд, веря, что ночью придут души некрещённых детей есть этот мёд, и что можно увидеть их следы на песке.

В народе полагали, что части тела некрещённых детей можно использовать в колдовстве: в России верили, что свеча из жира некрещённого младенца помогает вору, на Украине и в Лужице для этой же цели использовали мизинец такого ребёнка. Полагали также, что из тел некрещённых детей ведьмы готовят мазь для того, чтобы летать на шабаш.

36. Упыри, вампиры, вурдалаки

Упыри, вампиры, вурдалаки — не нашедшие успокоения души «заложных» покойников, в которых, по некоторым поверьям, через сорок дней после смерти вселяется нечистый дух.

Известно, что древние славяне «клали требы» (то есть приносили жертвы) «упырям и берегиням» ещё прежде, чем начали поклоняться Громовержцу Перуну.

В поверьях южных славян вампир (производное от общеславянского жпирь) — один из самых зловредных духов. Голова у него непомерно большая, со множеством глаз, крылья как у филина, а вместо пальцев на ногах страшные когти. Питается кровью живых людей и домашнего скота.

Считается, что упырём становится после смерти человек, рождённый от нечистой силы или испорченный ею (будущего упыря можно узнать по двойным рядам зубов); умерший, через гроб которого перескочил чёрт в образе чёрной кошки; «заложный» покойник (например, самоубийца) или злой колдун.

По поверьям, ночами упыри встают из могил, обуреваемые желанием сосать кровь спящих людей.

Когда народ подозревает какого-то покойника в таких страшных ночных прогулках, его выкапывают из могилы и, увидев, что он вовсе не похож на мертвеца, а наоборот, свеж и розовощёк, будто живой, вбивают ему в сердце осиновый кол, а потом сжигают труп. При этом следует остерегаться струи чёрной крови, которая хлынет из пронзённого сердца — если хоть капля её попадет на кого-либо, на теле этого человека останутся неизлечимые язвы. Когда разгорится костёр, из тела упыря поползут в разные стороны чёрные жабы, гадюки и черви, полетят вороны и вороны, и тогда надобно следить, чтобы ни одно из этих существ не ушло, ибо с ним душа упыря может ускользнуть, чтобы потом возродиться вновь.

Луна — Солнце Мёртвых. На этом древнейшем веровании основано одно из самых страшных действий, предпринимаемых деревенскими колдунами. Чтобы навести порчу, такой колдун, ближе к полуночи, обязательно при полной Луне, отправляется на кладбище, где похоронены «заложные» покойники: самоубийцы-удавленники и утопленники. За пазухой у колдуна круглое зеркало — медное или серебряное. Оно завёрнуто в «смертный плат» (такими платками чародеи покрывают лица усопших). Сдёрнув плат, колдун наводит отражение Луны на могилу — и медленно восстаёт мертвец — упырь или упырица. Неотрывно глядя в зеркало, он следует за своим отражением до того дома, где колдун наметил жертву. В то мгновение, когда колдун наведёт зеркало на раскрытое окно или распахнутую дверь, мертвец проникает в жилище — на пагубу его спящим обитателям. Вот почему издревле запирали на ночь в домах все окна и двери.

Но беда и самому колдуну, если на пути от кладбища до деревни он споткнётся, уронит зеркало, или Луну закроет облако, или промелькнёт в зеркале хотя бы тень летучей мыши. Разъярённый упырь вернётся в могилу, однако в дальнейшем, когда на небе будет светить полная Луна — Солнце Мёртвых, мертвец станет навещать оплошавшего чародея, высасывая из него жизненные силы. Оттого круглые зеркала в «смертных платах» решались иметь лишь бесстрашные колдуны.

В глухую полночь, выходя из могил, где они лежат нетленными трупами, упыри принимают различные образы, летают по воздуху, в виде животных-оборотней рыщут по окрестностям, поднимают шум и гам и пугают случайных путников или проникают в избы и высасывают кровь у сонных людей, которые вслед за тем непременно умирают.

Если сложенные накрест руки упыря окоченели, и он не в состоянии их развести — он прибегает к помощи зубов. Прогрызая двери, он прежде всего бросается к зыбке, высасывая кровь ребёнка, и потом уже нападает на взрослых.

Предрассветный крик петуха заставляет упыря мгновенно исчезать или повергает его,

окровавленного, наземь — в совершенном бесчувствии.

37. Привидения

Привидения — согласно славянским поверьям, имеют бестелесную природу, показываются в виде отсутствующих или умерших людей, животных, предметов, пугая человека (иногда считается, что так пугает чёрт). Привидения тесно связаны с миром мёртвых, с «заложными» покойниками. Привидения — это духи умерших людей, прежде всего самоубийц и тех, кто жил несправедливой жизнью, умерших неестественной или преждевременной смертью.

Привидения могут иметь расплывчатый образ чего-то страшного, принимать вид человека (знакомого, музыканта, солдата, инородца), ребёнка, девушки или женщины в белом, девушки с распущенными волосами, с телом змеи, гусыни или лебедя и с козьими ногами, человека с ногами индюка, старика в белом с бородой до пояса, чёрного человека, великана, покойника и т. д. Привидения могут являться в виде похоронной процессии или свадьбы. Часто привидения принимают вид животных: курицы, пса, кошки, козла, барана, овцы, коня, свиньи, а также индюка, серны, буйвола, зайца, змеи и т. д. Привидения могут принимать вид конской головы, светящихся отрезанных детских пальчиков, окровавленных отрезанных человеческих рук и головы, пня, стога сена, бочки с дёгтем, снежного столба с чёрными косами, белого воздушного столба, блуждающих огоньков и т. п. Привидения показываются ночью, особенно около полуночи, прежде всего в опасные календарные периоды (например, на Корочун ^[69], в Сочельник). Их можно встретить у заброшенных пустых домов, на развалинах, кладбищах, перекрёстках дорог, на болотах, возле воды (у водяных мельниц, на мостах), в лесу, на дороге. Привидение может своим видом, прикосновением, криком — напугать (иногда даже до смерти) человека или животное, остановить воз, заманить куда-то.

Человек после встречи с привидением забывает, куда и зачем он шёл. В западнославянских, а также украинских прикарпатских верованиях есть несколько разновидностей таких привидений, которые «водят» человека, принуждая его часами блуждать по лесу или дороге. Есть и безобидные привидения, которые просто шутят: оборачиваясь животными или какой-то привлекательной вещью, они исчезают, как только человек берёт их в руки, не причиняя ему никакого вреда.

Считается, что увидеть привидение может не каждый, даже если идут несколько человек, его видит только тот, кому привидение явилось. Увидеть привидение — плохое предзнаменование и для того, кому оно явилось, и для всей его семьи. Привидение может преследовать человека, совершившего какое-то злодеяние.

Чтобы обезопасить себя от привидений, знахари советовали человеку не разговаривать с ними, оборачиваться или возвращаться назад, вывернуть свою одежду наизнанку или надеть задом наперёд головной убор, прикрыть им лицо, иметь при себе оберег. От привидений можно избавиться, ударив их наотмашь, окропив святой водой, перекрестившись (равносторонний крест — древний, существовавший задолго до христианства, символ огня, которого боится всякая нечисть), помолвившись Богам либо выругавшись матерно.

38. Блуждающие огни

По славянским народным верованиям, блуждающие, болотные и светящиеся на могилах огни суть души «заложных» покойников: удушенных, погибших от запоя и т. д. На Украине ходят рассказы о синих огнях, вспыхивающих на могилах и курганах: огни эти разводят русалки.

Блуждающие огоньки в лесах, на болотах, на кладбищах указывают на зарытые там клады. На месте, где лежит клад, можно увидеть свечку или золотого петуха. Тогда нужно сказать: «Чур, чур, чур, свято место! Чур, Божье да моё!» Если этого не сделать, то клад уйдёт в землю на

большую глубину.

39. Оврядовые похороны животных и предметов

Похороны животных, предметов и др. — волховское действо, воспроизводящее погребальный обряд. Имеет охранительный или «отгонный», реже — *продуцирующий* характер. Объектом таких похорон могут быть чучела Морены, Масленицы, Зимы, Смерти, Костромы, Ярилы (или Яруна) а в эпоху двоеверия — Кузьмы-Демьяна, святого Германа и др.; широко распространены похороны животных, птиц и насекомых — кукушки, соловушки, воробья; мух, пауков, тараканов, клопов, вшей; лягушки, рака, ужа и др.; символических предметов, например, стрелы и др.

В ритуалах этих похорон имитируются основные действия и элементы погребального обряда: смерть (убиение, умерщвление, в том числе сжигание, потопление и повешение кукол, чучел, птиц, насекомых, животных; разыгрывание смерти участником обряда, изображающим Масленицу, Кострому, Кузьму-Демьяна и т. п.); обряжение в смертную одежду; прощание с покойником, отпевание, оплакивание, голошение; похоронная процессия, рытьё могилы, собственно погребение (закальвание в землю), поминки. В них воспроизводятся также основные действующие лица и прочие составляющие погребального обряда: покойник (соломенная, тряпичная, глиняная и т. п. кукла, чучело; деревце, трава, веник, живой человек, исполняющий роль покойника; убитый зверёк, птица, насекомое; символический предмет — лента, шпилька, монета, букетик цветов); саван (рогожа, лоскут), гроб (корыто, ящик, коробка, носилки), могильная лопата (палка), могила (ямка), кладбище (огород, поле), поминальная еда.

В Полесье во время засухи, чтобы вызвать дождь, ловили и убивали лягушку, обряжали её, т. е. заворачивали в какой-нибудь лоскут, клали в спичечный коробок, голосили по ней, как по покойнику: «Ой, жабка наша померла, ой, ой!» Причём нужно было по-настоящему плакать, лить слёзы. На Ровенщине хоронили рака: ловили рака, выкапывали ямку — «могилу», ставили над ней крестик, плели веночки и голосили: «Наш раченьку, да наш батеньку, да наш соколеньку, да як мы тебе хоронимо...». С той же целью вызывания дождя убивали ужа, гадюку или насекомое (медведку) и подвешивали на забор или на ветку, иногда поливали водой и т. д.

В Калужской губернии «хоронили Масленицу»: делали из соломы большую куклу, надевали на неё рубаху и сарафан, на голову повязывали платок; женщины, одна из которых изображала попа с кадилом, вели её под руки по деревне, а затем сажали на носилки и накрывали пелёнкой. Пройдя до конца деревни, участники процессии раздевали куклу, разрывали её на части и разбрасывали солому; «поп» размахивал кадилом, кричал: «Аллилуйя!», а похоронная процессия пела песни.

40. «Отпускание» священных предметов

Старые, обветшалые Чуры, стоявшие на Капище, вышитые либо рисованные Свята и священную утварь принято не выбрасывать вместе с мусором, а хоронить — «отпускать» по воде или по огню, зарывать в землю, уносить в лес и т. д.

Старые Чуры, изображающие Светлых Богов- Сварожичей, обычно кладут на Краду и совершают над ними обряд огненного погребения, как над людьми. Изображения Богинь (как правило, это не гоеподобные^[70] Чуры, а вышитые Свята) обычно «отпускают» по воде или зарывают в землю.

- Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. — М., 2002.
- Агапкина Т.А.* Этнографические связи календарных песен. — М., 2000.
- Азадовский М.* Ленские причитания. — Чита, 1922.
- Афанасьев А.Н.* Заметки о загробной жизни по славянским преданиям // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 3. — М., 1861.
- Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу, — М., 1865. Т.1; 1868. Т.2; 1869. Т.3.
- Байбурин А.К., Левинтон Г.А.* Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. — М., 1990.
- ⁷⁰ Фаллоподобные.
- Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета: Этнографические очерки. — А., 1990.
- Балов А.* Сон и сновидения в народных верованиях. Из этнографических наблюдений, собранных в Ярославской губернии // Живая старина. Вып. 4, 1891.
- Белорусы // Народы и культуры.* — М., 1998.
- Бурдин Е.* Причитания по покойнику в Кунгурском уезде // Пермский сборник. Кн. 2. — М., 1860.
- Виноградова Л.Н.* Мифологический аспект полесской русальной традиции // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. — М., 1986.
- Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. — М., 2000.
- Виноградова Л.Н.* Чтобы покойник не ходил: комплекс мер в составе погребального обряда // Истоки русской культуры (Археология и лингвистика): Тезисы докладов конференции. — М., 1993.
- Власова М.* Русские суеверия. — С-Пб., 1998.
- Генерозов Я.* Русские народные представления о загробной жизни. — Саратов, 1883.
- Гнатюк В.М.* Останки передхристиянського релігійного свпчэгляду наших предгав // Украшцг. Нар од Ні в1рування, пов1р'я, демонолопя. — Кшв, 1991.
- Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. — М., 1997.
- Дерунов С.* Материалы для народного снотолкователя. III. Ярославской губернии // Этнографическое обозрение. — М., 1898. № 1.
- Елеонская Е.Н.* Представление «того света» в русской народной сказке Ц Этнографическое обозрение. — М., 1913. № 3–4.
- Живая старина.* — М., 2000. № 1.
- Живая старина.* — М., 2006. № 2.
- Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. — М., 1991.
- Зеленин Д.К.* Древнерусский языческий культ «заложных» покойников // Зеленин Д.К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1917–1934. — М., 1999.
- Зеленин Д.К.* К вопросу о русалках: Культ покойников, умерших неестественной смертью // Живая старина, 1912. Вып. 3–4.
- Зеленин Д.К.* Народный обычай «греть покойников» // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 18. — Харьков, 1909.
- Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки. — Пг., 1916.
- Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд.* — М.,

1990.

Круглый год // Сост. А. Ф. Некрылова. — М., 1989.

Ляцкий Е. Болезнь и смерть по представлениям белорусов // Этнографическое обозрение. — М., 1892. № 2–3.

Малаховская А. Наследие Бабы-Яги: Религиозные представления, отражённые в волшебной сказке, и их следы в русской литературе XIX–XX вв. — С-Пб., 2006.

Малиновский А. Похоронные причеты в Перской вол. Устюженского у. Новгородской губ. // Живая старина, 1909. Вып. 1.

Невская Л.Г. Балто-славянское причитание. — М., 1993.

Никитина А.В. Русская демонология. — С-Пб., 2006.

Пахаваннг Памшкг Галашэнш. — Мшск, 1986.

Плотникова А.А. Дух вон // Русская речь, № 4. — М., 1993.

Плотникова А.А. Предметный код погребальной обрядности (вещи в гробу усопшего) // Истоки русской культуры. — М., 1994.

Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. — М., 1872. Т.1; 1882. Т.2; 1885. Т.3 (Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Ч. 3, 4).

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л., 1986.

Романов Е. Опыт белорусского народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. — М., 1889. № 3.

Русские // Народы и культуры. — М., 1997.

Русские плачи Карелии // Подг. текстов и примеч. Михайлова М.М. Вступит, ст. Виноградова Г. С. и Михайлова М.М. — Петрозаводск, 1940.

Русские плачи (причитания) // Вступ. ст. Андреева Н.П. и Виноградова Г.С. Ред. текстов и примеч. Виноградова Г.С. — Д., 1937.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. — М., 1998.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. — М., 1981.

Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. / Авт. — сост. Морозов И.А., Слепцова И.С., Гилярова Н.Н., Чижииков а А.Н. // Рязанский этнографический вестник № 28. — Рязань, 2001.

Седакова О.А. Поминальные дни и статья Д.К. Зеленина «Древнерусский языческий культ заложных покойников» // Проблемы славянской этнографии. — Л., 1979.

Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. — М., 2004.

Село Суйсарь: история, быт, культура. — Петрозаводск, 1997.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь // Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1. — М., 1995.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь // Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. — М., 1999.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь // Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3. — М., 2004.

Смирнов В.И. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Второй этнографический сборник Костромского научного общества по изучению местного края. — Кострома, 1920.

Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи. — М., 2003.

Соболев А.Н. Загробный мир по древнерусским представлениям. — Сергиев Посад, 1913.

Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. — М., 1979.

Соколова В.К. Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности: Образ «свадьбы-смерти» в славянском фольклоре // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. — Л., 1977.

Суворовский А. Вопли Новгородской губернии Ц Этнографическое обозрение, 1907. № 3.

Терновская О. А. Бабочка в народной демонологии славян: «душа-предок» и «демон» // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран юго-восточной Европы. — М., 1989.

Толстая С.М. Полесский народный календарь: Материалы к этнодиалектному словарю (Деды) // Славянское и балканское языкознание: Проблемы диалектологии. — М., 1986.

Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. — М., 2003.

Толстой Н.И. Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. — М., 1990.

Толстые Н.И. и С.М. О жанре «обмирания» (посещения «того света») // Вторичные моделирующие системы. — Тарту, 1979.

Топоров В.Н. Заметки о похоронной обрядности // Балто-славянские исследования. 1985. — М., 1987.

Украинцы Ц Народы и культуры. — М., 2000.

Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. — М., 1982.

Шайжин Н. С. Похоронные причитания Олонецкого края (новая запись) // Памятная книжка Олонецкой губ. на 1910 год. — Петрозаводск, 1910.

Шайжин Н.С. Олонецкий фольклор. Похоронные причитания вопленицы Н.С. Богдановой //

Памятная книжка Олонецкой губ. на 1911 год. — Петрозаводск, 1911.

Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, легендах и т. п. — С Пб., 1900.

Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. — М., 1987.

Издания «Велесова Круга»:

Влх. Богумил. Книга оберегов. — Обнинск, 2006.

Влх. Богумил, влх. Велеслав. Мальй Велесов Сонник. Короб снов. — М., 2005.

Влх. Велеслав и др. Мара. — М., 2004.

Влх. Велеслав и др. Ярило. — М., 2004.

Влх. Велеслав. Вещий Словник. Славления Родных Богов. — М., 2005.

Влх. Велеслав. Книга Мудрости Вещего (Из «Белой Книги»). — Обнинск-Москва, 2006.

Влх. Велеслав. Кологод. — М., 2004.

Влх. Велеслав. Книга Велесовых Сказов. Русские Веды: Голубиная Книга. — М., 2005.

Влх. Велеслав. Обрядник. Кологод. — М., 2006.

Влх. Велеслав. Шуйный Путь: Книга Нави. — Обнинск-Москва, 2006.

Слава Роду!

«Аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и посемъ творяху краду велику, и възложашутъ и на краду мертвеца сожжашу, а посем собравши кости, вложашу въ судину малу и поставяху на столпе на путехъ, еже творять Вятичи и ныне».

(Несторова летопись)

1. Человек умирает — вроде Солнышко за облака закатается: с Земли не видать, а на Небесах — как было.

2. Не можно Мару-Смерть накормить ни пиром, ни миром, ни добрыми людьми.

3. Егда выйдет душа из стениящих уст, взлетит она на Древо Живое, воспорхнёт по ветвям его — не поймаешь, не догонишь, обратно не воротишь.

4. По древнему обычаю славянскому, везут хоронить покойника не на телеге, а на санях, даже если сие приходится на летнюю пору. Ибо сани — земное отображение Месяца ясного, Ладьи Велесовой, на коей плывут по хлябям синим души не живых, но мёртвых, а тако же ещё не рождённых. Колёса же телеги — знаки Солнца Трисветлого,

5. жизнь дающего, Явь освещающего, а в Нави меркнувшего, потому негоже их до Мары катить.

6. В доме усопшего, на окне, ставят посудину с чистой водой: «чтобы душа умершего обмылась».

7. Родные покойника не несут домовину на кладбище: «чтобы душа умершего не подумала, что они рады его смерти».

8. Негоже сородича на чужбине хоронить. О сём в народе говорят: «Кладбище — Родительское место. Хорошо лечь рядом с предками».

9. Справляют поминки в третины, в девятины, в полусороковины, в сороковины, в годовщину, а затем на Дедовы дни ежегодно. На поминки приносят Богам требы за покойного на Капище, совершают тризны на его могиле, поминают умершего за столом, с кутьёй, блинами и киселём (тримя непременно составляющими поминальной стравы). О поминках говорят: «Свято дело — помянуть трудника Родной Земли за общим столом».

10. Живых сородичей — уважай, а мёртвых — поминай.

11. От лона Живы до серпа Мары — и долог, и короток путь. Все по нему идут, а один другому не верит: всяк сам по себе его мерит.

12. Одного не знаю, другого не вижу, третьего не помню. О чём тут речь? О смерти, о возрасте и о рождении.

13. Кто делает — не для себя, кто покупает — тому не нужно, а кому нужно — тот не ведаёт. О чём тут речь? О домовине.

14. Стоит дуб без ветвия и без корения, и придёт к нему Некто без ног, и возьмёт его без рук, и зарежет его без ножа, и съест его без зубов. О чём тут речь? О человеке и Маре-Смерти.

15. На смерть, как и на Солнце, всеми глазами не взглянешь.

16. Речено: «Раньше срока смерть не зови, когда смерть придёт — её не гони, и никогда смерти не бойся».

17. Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

18. Страхов много, а смерть одна.

19. Живущий по Прави — смерти не устрашится.

Слава Роду!

[2004]

1. *Аще приснится, что выпал зуб — к смерти близкого человека. Аще зуб выпал с кровью — умрёт кровный родственник.* Это — одна из наиболее распространённых и наиболее живучих примет о смерти. Построена она на древнейших представлениях о связи зубов с членами семьи, а крови — с кровным родством. Подобная же примета связана и с приснившимся рассыпавшимся веником. Говорят, что обе приметы часто сбываются. Иногда объяснить это можно тем, что близкие знают и об этой примете, и о состоянии здоровья членов семьи. Подспудно готовя себя к кончине смертельно больного родственника, они и вызывают в сознании знакомый по рассказам образ.

2. *Аще приснится, что сор из избы метёшь — к покойнику в доме.* Как известно, сор, мусор (то есть всё отжившее) в народном сознании связывается с душами умерших. И ещё — с понятием своего целостного, домашнего мира, от которого при выметании отнимается какая-то часть. Особенно не желательно выметать мусор прямо на двор (на улицу) через порог. Другое дело — смести в кучку в избе, а потом сжечь. В то же время с мусором связаны и полностью противоположные приметы, запрещающие его сжигать. В любом случае мести мусор из избы через порог — запретное действие для хозяйки. Отсюда и переносный смысл: «Не выноси сор из избы», — то есть не болтай о том, что происходит в семье, не делай это достоянием всех.

3. *Аще привидится во сне бревно, из стены вынутое — к покойнику.* Корни приметы уходят в те времена, когда покойников выносили из дому не через дверь, а через окно или далее через специально прорубленное в стене отверстие, которое затем заделывали, чтобы душа умершего

спокойно уходила в иной мир, не привлекаясь дорогой назад (как и до сих пор поступают с *трудно умершими* колдунами). С тех пор и сохранился обычай выносить покойника из дому ногами вперёд — чтобы он знал, куда его несут, но не помнил, откуда. В то же время, вынуженное бревно, как и выпавший зуб, означает удаление кого-то одного из семьи.

4. *Свежевырытую землю или яму в земле и свежие доски во сне увидел — кого-то скоро будешь хоронить.* Эта примета основана на законе подобий: яма — могила, вырытая в земле, доски — гроб, сколоченный из свежих досок. Поскольку такое пояснение сна соответствует жизненным впечатлениям, оно и сохранилось до наших дней.

5. В старом доме новые окна рубить — к покойнику. *Пояснение этого поверья в точности такое же, как и с вынутым бревном: поскольку в старину гроб выносили через окно, то и рубить новое окно — значит готовиться к выносу гроба.* С бытовой же точки зрения в старом доме и в самом деле опасно рубить новое окно: можно сдвинуть несущие брёвна и вызвать обвал или перекося потолок.

6. *Оставить весною на поле незасеянную полосу — к покойнику.* Поскольку небогатые землепашцы старались использовать каждый клочок земли, ибо ртов в семье было много, то не засеять полосу — значило оставить один рот без хлеба, то есть обречь кого-то на голодную смерть. В бытовом смысле поверье требовало внимательнейшего отношения к земле под угрозой смерти кого-либо из близких.

7. *Если в день похорон хороший, светлый день — умерший был хорошим человеком.* Это поверье связано с древнейшим культом Солнца, Солнечного света. Мы — внуки Дажьбожии, потомки Солнцеликого Бога, и когда сородич наш уходит во срок свой в Ирийские Обители, дабы воссоединиться на закрадных Лугах Велесовых с родом небесным, Вышний Дед наш даёт нам знамения с небес, укрепляя так нашу веру в минуту расставания с отходящим сородичем.

8. *Увидеть падающую звезду — к скорой смерти своей или близкого человека.* Издревле в народе верили, что при рождении младенца на небе зажигается звезда и светит до тех пор, пока человек жив, а со смертью его — падает и гаснет.

9. *Влетит птица в дом — к смерти кого-то из домочадцев.* Согласно народным верованиям, птицы воплощают собой души умерших. Именно поэтому им скармливают крошки, приносят для них еду на могилы и т. д. С этим же связана и вера в залетевшую в дом птичку: душа прилетела предупредить семью о близкой смерти кого-то из домашних. В то же время существует и другое поверье: птица (иногда уточняют: голубь), влетевшая в светёлку девушки — к скорой свадьбе (ибо, выходя замуж, девушка умирает в своём роду, дабы затем возродиться женой в роду мужа).

10. *Мыши одежду грызут — к смерти владельца одежды.* Поверхностный смысл приметы таков: коль одежду изгрызли, то она уже не понадобится человеку; возможно, это знак: скоро умрёт. Но в этом поверье сокрыт и более глубокий смысл: как тело человека облекается в одежду, так его душа облекается в тело. Таким образом, одежда, порченная мышью (животным, которое народные верования связывают с Нижним миром — с Навью), образно означает плотское тело, сквозь прорехи в котором уже видна исходящая из него душа.

11. *Собака в землю воет — к покойнику, в небо — к пожару.* Собака — страж дома, и она чувствует приближение несчастья ещё до того, как оно произошло: будь то смерть кого-либо из домочадцев либо удар Перуновой молнии, сжигающей дом, в котором поселилась нечисть. Вообще, все животные в той или иной мере предчувствуют смерть заранее (по крайней мере, когда речь идёт о естественной, природной смерти, а не о насильственной, внезапной). Это связано с их способностью видеть и ощущать животоки природных сил, а также с их развитым обонянием. Человеческое тело за недолгое время до смерти по-иному ведёт себя: у него убывает жизненная сила, замедляется обмен веществ, изменяется запах и т. д. Многие врачи и те, кто по

долгу службы наблюдал за больными и умирающими людьми, сами научились почти безошибочно определять, будет человек жить или нет. Животные же способны на это от рождения. (Однажды мне самому довелось видеть, как пёс, поджав хвост, сторонился хозяина, к которому ранее радостно бросался. Это было ранним вечером, а утром его хозяин умер. Кстати, всю ночь пёс действительно подвывал и жалобно скулил...)

12. *Подушку на стол класть — к смерти близкого человека.* На стол во время похорон кладут обмытого покойника (лучше, конечно, класть мёртвое тело на лавку — как это делали и в древности). Под голову ему кладут подушку. Так что взаимосвязь в данном случае прямая, и поверье основывается на законе подобий. Бытовой же смысл заключается в том, что нельзя использовать стол не по назначению. Есть ещё и другое толкование: стол — ладонь Божия, подающая пищу жизни, в то время как подушка — принадлежность сна (Дрёмы — младшего брата Мары- Смерти). Таким образом, кладя подушку на стол, мы тем самым бесчинно смешиваем Явь и Навь до положенного срока, открывая так врата мира Живых миру Мёртвых.

13. *Гроб больше покойника — к другому покойнику.* Поскольку гроб — домовина — образно сравнивается с домом и считается таковым для умершего, то лишнее место в нём издревле наводило на мысль о его предназначении для другого человека.

14. *Если зеркало разбилось, надо его немедленно выбросить.* Разбитое зеркало, с волховской точки зрения — наиболее опасный предмет в доме: оно являет собой образ нарушенного пространства, открытую границу между Явью — миром Живых, в котором живут домашние, и Навью — миром Мёртвых, где обитают призраки и души умерших. В отличие от целого зеркала, которое и само по себе является волховским предметом, посредством которого можно *видеть* мир Иной, разбитое показывает «двойника» разбитым, надломленным, навлекая тем самым на отражающегося в нём человека сильнейшую порчу.

15. *Когда кто-либо в семье умирает, зеркала в доме завешивают, смотреть в них нельзя.* Как уже было сказано, зеркало — это своего рода граница между миром Живых и миром Мёртвых. Считается, что все, кто отражался в зеркале, продолжают там жить. Если не закрыть зеркало, то душа покойного может заблудиться в нём и потом всё время будет возвращаться в дом. А умерший из-за этого может стать вурдалаком.

16. *Прежде, чем гроб в могилу опустить, надо туда монетку бросить.* Это делается по старинному поверью: покойному на «том свете» надо себе «место выкупить», иначе будет бродить неприкаянным. Иногда с той же целью кладут деньги и в гроб. В данном случае мы видим явный отголосок древнейших обрядов, когда вместе с покойным на «тот свет» отправляли и вещи, которые могли бы ему пригодиться. (Несколько лет

назад я сам наблюдал, как старушка-вдова передавала на «тот свет» запасное бельё и очки. Не догадавшись положить всё это в гроб мужа, она дождалась ещё одних похорон на той же улице и исправила свою оплошность. Испрашивая разрешения у родных умершего, старушка объяснила, что попросил её об этом приснившийся покойный муж...)

17. *На похоронах незамужней девушки надо раздавать подарки.* В данном случае с похоронами совмещается и один из свадебных обрядов. По этой же причине нередко девушек хоронят в свадебном платье, поскольку они не успели выйти замуж на этом свете.

18. *Дятел избу долбит — кто-то в семье умрёт.* Раньше гроб (домовину) выдалбливали из цельного большого ствола, бревна. Отсюда, по чисто внешнему признаку, и примета: дятел выдалбливает домовину. Однако есть и другое толкование. Как известно, дятел долбит не живое дерево, но мёртвое, в котором завелись жуки-древоточцы. По славянским поверьям, дом — это живое существо; если же стену дома начинает долбить дятел, значит дом — «умер», а вслед за ним, возможно, умрёт и его хозяин (или кто-то из его семьи).

19. *Пока покойник в доме, на окне надо держать чашку с водой.* Считается, что душа

покойного вылетает через окно, и ей тоже, прежде чем отправиться на «тот свет», надо обмыться. Эту воду так и называют — «на обмывку души».

20. *Не переходи дорогу перед гробом.* По поверьям, перейти дорогу похоронному шествию — принять на себя ту болезнь, от которой умер покойный. Для запугивания детей (чтобы они не бегали в это время по дороге) часто говорят, что если дорогу гробу перейти, то горб вырастет (мрачная игра слов: «гроб» — «горб»). Вообще, к похоронному шествию и покойнику следует относиться уважительно: с одной стороны, не гневить понапрасну душу умершего, а с другой — не мешать людям достойно совершить обряд проводов покойного.

21. *Шесть седмиц после смерти прошло — пора «лесенки» из теста печь.* Считается, что до шести седмиц (а точнее, до сороковин, или сорока дней по смерти человека) душа умершего находится в пределах земных (на Кромке меж Явью и Навью, откуда всё ещё может наблюдать за жизнью живых), а по истечении этого срока отправляется на Велесовы Луга — в Навь (различают Тёмную Навь, или обитель неприкаянных душ, и Светлую — Ирий

Небесный, или обитель душ святых предков). Чтобы помочь душе умершего подняться выше — и выпекают «лесенки».

Слава Роду!

[2005]

1. Знамения в Яви

1. Свеча упала или огонь погас при прощании с покойным — скоро другой покойник будет.
2. Сор при покойнике из дому вымести — всех за порог вынести.
3. Если гроб не в меру велик — быть ещё покойнику в доме.
4. Покойник глядит одним глазом — высматривает другого.
5. Ворон у окна каркает — к покойнику.
6. Ночной собачий вой — к покойнику в доме.
7. Если собака не ест остатки пищи после больного — он скоро умрёт.
8. Чур либо Свято с Божницы упадёт — к покойнику.
9. Стук в доме неизвестно отчего — предвещает чью-то смерть.
10. Половицы скрипят, и побелка с печи сыплется — к покойнику в доме.
11. Печь в избе разрушается, из печной трубы кирпичи выпадают — к покойнику в доме.
12. Старые угли на полу в избе рассыпались — к смерти кого-либо из домашних.
13. Сад поздно зацветает — к смерти хозяина.
14. Петухи во всю ночь поют — не к добру.
15. Галки и вороны сидят у дома и кричат утром — к большому худу.
16. Нетопырь (летучая мышь) залетает в избу — к беде.
17. Ласточка влетает в окно — тоже пророчит близкую смерть в доме.
18. Мыши съели весь хлеб в доме или одежду прогрызли — к смерти.
19. Из погребальной Крады выскочил уголёк и обжёг кого-либо из присутствующих на

погребении — к болезни или смерти оного.

20. Наяву видишь умерших — скоро за ними вслед уйдёшь.

2. Знамения в Нави (во сне)^[71]

1. Видеть во сне баню — к худу, получишь весть о смерти знакомого. Видеть пляшущих людей в бане — к болезни, одержимости Трясовицами^[72].

2. Во сне бельё стирать — к болезни либо к смерти.

3. Срубить берёзу во сне — к смерти женщины.

4. Старуха видит во сне себя беременной — к смерти.

5. Ребёнку во сне бороду видеть — к безвременной смерти.

6. Бриться во сне — к худу, к смерти дальнего родственника. Брить кого-либо — к смерти оного.

7. Рвать во сне цветы васильки — к смерти близкого человека.

8. Велеса либо Мару во сне видеть — мудрому благо, иному смерть.

9. Венок во сне плести — к смерти близкого.

10. Во сне с вербы упасть — смерть.

11. В грязную, мутную воду во сне войти — к смерти. Купаться в мутной реке — к смерти кого-либо из родственников. Во сне в воду глядеть — к похоронам.

12. Чёрный ворон снится — к худу, к смерти. Каркает ворон во сне — к явлению умершего (либо ворон криком своим от умершего весть подаёт). Вороны раскричались во сне — к худым вестям. Много ворон во сне над домом кружит — к похоронам.

13. Во сне ворота горят — к смерти хозяина или кого-либо из домочадцев.

14. Женщине в годах снится, что выходит замуж за молодого — к болезни и смерти. Зрелому мужу жениться во сне на молодой — тако же.

5. Слепнуть или окриветь во сне — к болезни или смерти детей.

16. Сырая говядина снится — худые вести либо письмо о смерти родственника получишь.

17. Горшок разбить во сне — иногда оберег, к добру; иногда же к смерти.

18. Открытый гроб либо разрытую могилу во сне увидеть — к смерти.

19. Рвать с дерева и есть зелёные груши — к худу, к смерти.

20. Во сне гул с Небес слышать — то смерти неумолимой знак.

21. Гуси кричат во сне — возможно, к смерти.

22. Девочка снится — к убытку, к смерти в семье.

23. Сухое дерево больному снится — к смерти. Сухое дерево рядом с домом видеть во сне — к скорым похоронам у родни.

24. Больному во сне долг уплатить — к смерти тако же.

25. Дом родной снится — возможно, к смерти. Тако же: дом без окон и без дверей видеть, переехать в новый дом, в доме стены белить или обмазывать глиной — то сны, предвещающие смерть.

26. Дрова во сне видеть — к сухоте, к смерти.

27. Дуб во сне срубить — к смерти мужчины в семье. Коли молодой дуб — к смерти сына, коли старый — мужа или отца.

28. Во сне безумным сделаться — мудрому к мудрости, иному же к смерти.

29. Дым чёрный очи во сне застит — мудрому к прозрению, иному же к смерти.

30. Во сне вымести из избы жабу, заскочившую внутрь дома — к смерти кого-либо из домочадцев.

31. Жёлудь во сне сорвать с дуба либо подобрать упавший — к смерти, женщине же к скорой беременности.

32. Молчаливая женщина во всём белом либо во всём чёрном снится — к смерти.
33. Жертвенник во сне сокрушить — к скорой смерти.
34. Видеть во сне, как косари косят жито — то смерти верный знак.
35. Затмение Солнца во сне видеть — к убытку, смерти, болезни близкого человека. Для жены — к смерти мужа.
36. Затылок свой во сне увидеть — к смерти кого-то из родни.
37. Пылающую либо хвостатую звезду^[73] в небе во сне увидеть — к смерти друга.
38. Вечерний звон с колокольни во сне услышать — к худым вестям, к смерти.
39. Землю во сне нюхать — чуют приближение смерти. Кто землю во сне копает либо пашет — возможно, скоро умрёт. Землю аршином мерить — к скорым похоронам.
40. Зеркало во сне разбить — к смерти (особенно для болящего). Смотреться во сне в зеркало и не видеть своего отражения — мудрому к прозрению, иному (особенно болящему) к смерти.
41. Потерять золото во сне — к убытку, к смерти родного человека.
42. Если зуб во сне выпал сам — к смерти. Если часто такое снится — дети твои недолговечны. Если зубы твои во сне из воска — то скорую смерть твою предвещает (особенно для старика).
43. Имя своё во сне слышать — возможно, к смерти. Во сне умершие тебя по имени кличут — к себе зовут.
44. Во сне кабана (либо борова) гнать за ограду — к смерти.
45. О камень во сне споткнуться — неудача или смерть.
46. Капусту во сне видеть — к болезням, хлопотам из-за женщин, смерти.
47. Коровай во сне видеть — к скорой свадьбе (для девушки) либо к смерти.
48. Дежу (квашню) во сне пустую видеть — к потерям, к бедности. Рассохшуюся, лопнувшую, разбитую дежу видеть — к смерти.
49. По кладбищу либо по курганам во сне ходить — к вести от предков либо к смерти.
50. Ключ во сне потерять — к смерти кого-то из близких.
51. Видеть во сне, как белая кобыла ожеребилась — к смерти либо к одержимости навными духами.
52. Кольцо во сне потерять — убыток, расставание, смерть супруга. Иногда — супружеская измена.
53. Конопель (коноплю) во сне замачивать — к болезни и смерти.
54. Коня во сне чёрного либо белого видеть, либо скакать на нём по полю — к смерти. На сивом коне во сне по полю ехать — торить путь на Велесовы луга (на тот свет).
55. Женщине искать во сне потерянного коня — переживать горе после смерти мужа.
56. Корабль либо лодью во сне видеть — к смерти (особенно Велесову Лодью — для больного).
57. Корову во сне резать — к смерти, к рёву (оплакиванию умершего). Выгонять за ограду чёрную корову — тако же к смерти. Корова во сне со двора пошла — к покойнику в том дворе.
58. Коршуна во сне видеть, жертву терзающего — к смерти.
59. Косу во сне видеть либо самому траву косить — к смерти.
60. Кровь во сне видеть — возможно, к смерти. Если кровь ярко-красная, густая — к смерти близких родственников; если жидкая, как бы разбавленная слюной — то дальних.
61. Порухенную либо сорванную крышу во сне видеть — к смерти больного.
62. Крюк во сне видеть — неожиданная смерть.
63. Лапти худые во сне видеть — к долгой дороге либо к смерти.
64. Ласточку во сне убить — к смерти близкого человека.

65. Лёд во сне видеть — к опасности, возможно, к смерти.
66. Лес рубить — воину врагов одолеть, прочим же к смерти. Заблудиться во сне в лесу — к несчастью.
67. Летать во сне — больному к выздоровлению либо к смерти.
68. Опрокинутую лодку во сне видеть, либо самому из лодки в воду пасть — к смерти.
69. Лопату во сне видеть — к погребению, к смерти.
70. По скошенному лугу во сне идти — на Велесовы луга дорогу найти.
71. Лук во сне сломать — к неудаче, к смерти.
72. Мак с опавшим цветом во сне видеть — к смерти.
73. Мёд во сне видеть и есть его — возможно, к смерти. Пасеку во сне видеть — возможно, быть приглашённым вскоре на богатые похороны.
74. Встретиться во сне с медведем — мудрому благословение Велесово, иным же страх смертный.
75. Заход Месяца во сне видеть — к смерти. Если на небе во сне видится сразу и молодой, и старый Месяц — то к смерти.
76. Ветви можжевельника во сне видеть и нюхать их — к смерти.
77. Молиться во сне Богам, отбивая земные поклоны, а тако же по предкам тризну творить — возможно, к смерти.
78. Молоко во сне пролить — к смерти жены (для женатого) или кого-либо из детей.
79. По мосту во сне идти да не перейти никак — к смерти. Калинов мост во сне видеть — мудрым к прозрению, иным к смерти.
80. Муку житную во сне видеть — к смерти соседа.
81. Во сне мусор из избы выметать — к смерти, к расставанию с кем-то из близких, к разорению.
82. Мышь во сне добро точит (грызёт) — к болезни либо к смерти того, чьё добро.
83. Мясник с топором снится — опасность, смерть.
84. Мясо сырое во сне есть — больному смерть.
85. Навоз во сне со двора вывозить — покойника повезут. Слышать во сне, как другие навоз вывозят — получить скоро вести о похоронах у знакомых.
86. Расспрашивать немого во сне — то смерти знамение.
87. Нищий бродяга во сне в дом зашёл — к смерти кого-либо из домочадцев.
88. Вырванный ноготь снится — к смерти.
89. Носа во сне лишиться — к мужскому бесплодию либо к смерти.
90. Сломать оберег во сне — горе, смерть.
91. Окуривать во сне травами дом, деревню — к моровому поветрию.
92. Женщине во сне обувь потерять и не найти — к смерти мужа.
93. Во сне подошва у обуви отвалилась — смерть кого-то из родни.
94. Овраг, ров или яму глубокую во сне видеть — к смерти. Падать в яму во сне самому — тако же.
95. Овец стриженных во сне видеть — к разорению, возможно, к смерти. Овец со двора гнать — к смерти кого-либо из домочадцев.
96. Во сне в озеро упасть с обрыва — к смерти.
97. Лететь во сне на спине орла — мудрому к прозрению, иному к смерти.
98. Из острога, тюрьмы во сне выйти — к смерти.
99. Отрезанный палец во сне видеть — к смерти друга.
100. Пень во сне видеть — к смерти.
101. Печь разобранную во сне видеть — к смерти кого-нибудь из домочадцев, из старших

родственников, из близкой родни.

102. Женщине во сне чёрным либо белым платком голову накрывать — к смерти мужа.

103. Погреб во сне видеть — погребение, смерть. Упасть в него самому — тако же.

104. Снится пожар в доме — к разорению либо к смерти.

105. Покойников во сне видеть — к смерти, к перемене погоды, помянуть их надобно. Мёртвых видеть как живых — к долголетию. Дарить что-либо умершим — к потере. Умершую мать во сне видеть — к большому горю. Покойник за собой зовёт, за руку ведёт — скоро за ним пойдёшь.

106. Пол в избе мыть во сне или перестилать его заново — к болезни, к смерти.

107. Полотно во сне белить — к смерти.

108. Во сне постель твоя горит — к скорой смерти.

109. Потолочина во сне вывалилась либо матица в избе переломилась — к смерти в сём дому.

ПО. Похоронные песни петь во сне — к смерти кого-то из знакомых. Видеть во сне собственные похороны — к долголетию.

111. Пировать во сне — возможно, к скорым похоронам.

112. Рвать или резать пряжу во сне — к смерти.

113. Птица во сне на голову сядет — к смерти. Нагадит на голову же — к приобретению, а мудрым к прозрению.

114. Пуп свой во сне видеть — к смерти кого-то из родни.

115. Пчёлы во сне в доме летают — к смерти. Роятся — к свадьбе. Укусят — к беременности (для женщины). Оставляют свой улей — к отделению родственника или к его скорой смерти.

116. Пасть в придорожную пыль во сне — к болезни или к смерти.

117. Пьяным кого-либо видеть, вином его угощать — возможно, к смерти. Мудрому же — к прозрению.

118. Радугу во сне подле себя видеть, идти по ней как по мосту — предвестие скорой смерти.

119. Попасть во сне в руки разбойников — возможно, к смерти. Быть ограбленным разбойниками — наследства лишиться.

120. Варить рака во сне — к смерти.

121. Растения увядшие во сне видеть — к смерти.

122. Старухе во сне ребёнка грудью кормить — к её близкой смерти.

123. Рот во сне не открывается или онемел — к смерти.

124. Рушник белый во сне видеть — к смерти (особенно если мокрый).

125. Рыбу ловить в мутной воде либо самому за ней в реку нырять — к смерти.

126. Свадьбу во сне видеть — к похоронам. Женатому собственную свадьбу во сне видеть — к скорой смерти. Замужней женщине за своего мужа замуж выходить во сне — тако же.

127. Свечи во сне тушить — к болезни или смерти детей.

128. Белую свинью во сне видеть — к болезни или смерти. Свиное мясо во сне есть — к болезни.

129. Во сне сено свозить в овин — к покойнику.

130. Сердца во сне не иметь — к смерти.

131. Слепого во сне видеть либо самому слепу быть — к смерти.

132. Собственную смерть или похороны во сне увидеть — к долгой жизни.

133. Во сне уходить по снегу вдаль — к смерти уходящего.

134. Видеть во сне сено гнилое — к смерти.

135. Сову во сне видеть либо слушать её уханье — к смерти кого-либо из родственников.
136. Чёрное Солнце во сне увидеть — мудрому к прозрению, иному же к смерти.
137. Сороку во сне видеть — к смерти матери. Стрёкот сорочий во сне слышать — к скорбным вестям.
138. Сосну во сне срубить — к смерти знакомой женщины.
139. Во сне стена у дома разрушилась — к смерти кого-либо из живущих в доме.
140. Мужу сломанный стол во сне видеть — к смерти жены.
141. Сундук пустой или разбитый во сне видеть — к беде или к смерти. Копаться в нём — к покойнику.
142. Сыча во сне видеть — к смерти.
143. На телеге либо на возу ехать — к смерти. Разбитую телегу во сне видеть — к смерти друга. Телегу на себе тащить во сне — к смерти кого-то из родственников.
144. Тополь во сне срубить — к смерти женщины.
145. Во сне труба печная обвалилась либо в очаге угли остыли — к смерти кого-либо из домашних.
146. Во сне змея в лицо, в грудь либо в десницу укусит — смерть в роду, а для женщины — скорая беременность.
147. Храм христианский во сне видеть — к беде либо к смерти.
148. Осквернённое святилище видеть во сне — тяжёлая болезнь или смерть.
149. Хромого во сне видеть или хромать самому — к смерти.
150. Цыганку чёрную во сне видеть — к лихорадке либо к смерти.
151. Чертей во сне видеть — к расстройству ума либо к смерти.
152. Чеснок сажать во сне — к смерти.
153. Чёрную шубу во сне надевать — к горестям, к смерти. Мудрому же то — благословенье Велесово.
154. Яблоко есть во сне — возможно, к смерти. Для женщины же — к скорой беременности. Срубить яблоню во сне — к смерти знакомой женщины.
155. Яд во сне принимать — возможно, к смерти.
156. Куриные яйца во сне разбивать — к смерти родственников.
157. Бревно во сне вчетвером нести — к скорым похоронам.
158. Песок во сне видеть, пересыпать его — к маяте, горестям, возможно, к похоронам.
159. Чистить хлев во сне — к скорым похоронам у родственников или знакомых.
160. Черепки от горшка во сне видеть — скоро на похоронах быть.

Слава Роду!

[2005–2006]

Предисловие

Согласно народным представлениям, лишь весьма незначительное количество (не более пяти из ста) снов о смерти, покойниках и т. п. — являются вещими, то есть непосредственно предвещают смерть сновидцу или кому-то из его близких. Вещие сны о смерти, как правило, сбываются не позднее, чем через седмицу после того, как они были увидены.

Считается, что умерший может являться во снах живым (особенно, своим кровным родственникам) в течение сорока дней после смерти. Если он при этом зовёт сновидца за собой — это может предвещать последнему скорую смерть. Если снится человек, умерший уже давно, то, скорее всего, данный сон не является вещим и должен быть истолкован не буквально, а *символически*.

Наиболее устрашающие образы смерти, являющиеся человеку во сне (оживший скелет, фигура в капюшоне и с косой, гниющий труп, чёрный гроб, неясная чернота впереди, пугающие тени по сторонам и т. п.) — в большинстве случаев не предвещают действительной смерти, а указывают на грядущее внутреннее пресущствление, изменение, поиск нового Духовного опыта и сокрытой Мудрости внутри себя. Иногда образы смерти и чёрный цвет во снах означают соприкосновение с чем-то неизведанным или непостижимым — «тёмным» для разумения человека.

В преддверии же действительной смерти человек может видеть во сне образы, предвещающие обычные перемены в жизни (переправа через реку, отъезд в незнакомую страну, путешествие в другие миры, прощание на железнодорожной платформе и т. п.), которые в

большинстве случаев могут знаменовать собой грядущие изменения вполне благоприятного свойства. Поэтому считается, что толковать сны, раскрывая их истинное значение, могут лишь сведущие в сём деле волхвы и ведуны.

Сонник

1. Видеть во сне оживших покойников

Оживший покойник (в целом) — призыв к действию.

Ожившие умершие: родители, прародители — необходимость следовать их стезём, поиск поддержки, чувство незащищённости; **муж (жена)** — половые побуждения или отрицание прошлого опыта (если брак был неудачным); **брат, сестра** — возврат к неоконченным делам; **друзья** — ваше положение улучшится; **враги** — вас ждут скорые неприятности; **малознакомые лица** (сотрудники, соседи и т. п.) — вам предстоит открыть в себе новые способности, овладеть дополнительными навыками; **исторические личности** или **знаменитости: зловещие** — к ссоре, **благие** — к успеху.

Целоваться с умершим — сохранить секрет или тайну.

Умерший встаёт, говорит — ждите хорошего сообщения.

Что-то делать вместе с умершим —
будет удача.

Оживший покойник, снова умирает —
сорвётся какое-то намеченное дело.

Умерший зовёт к себе, манит за собой — к болезни или (если сон вещий) к смерти.

2. Видеть во сне смерть ныне живущих

Видеть умершим: самого себя — грядёт решительное изменение в вашей жизни; **родителей** — опасения, связанные с их смертью; освобождение от ограничений, накладываемых родителями; призыв к исполнению задуманного; перемены; **детей: маленьких** — чувство неуверенности, связанное с неопытностью родителей; **взрослеющих** — к перемене отношений с ними, ослабление душевных уз, какие-то неудачи в собственной эмоциональной жизни, разочарование; **мужа (жену)** — опасения, связанные со смертью; освобождение от ограничений, накладываемых супружеской жизнью; **знакомых, друзей, врагов** — к перемене отношений с ними.

Убийство (в целом) — избавление от нежелательных качеств.

Быть убитым самому — испытывать давление с чьей-то стороны, в том числе совершать насилие над своими чувствами.

Кого-то убить: знакомого человека —

испытывать к нему подспудную неприязнь, к разрыву отношений с ним; **незнакомого** — вы подавляете свою ненависть или любовь; **быть преследуемым убийцами** — оказаться в двусмысленном или неясном положении, испытывать страх взаимодействия с кем-то; **убить дикое животное** — к улучшению отношений с кем-то и успеху в делах.

3. Видеть во сне безымянные трупы

Видеть неподвижные трупы — потеря собственных качеств (молодости, любви, рассудка, умений и т. п.).

Лежать рядом с трупами — к болезни, бессилию.

Переносить трупы — неудачная попытка необычного предприятия.

Труп оживает — воскрешение «похороненных» возможностей; **голова, волосы трупа шевелятся** — старый план требует внимания; **глаза трупа открыты** — пересмотрите

сложившееся вокруг вас положение вещей заново; **привлекают к себе внимание уши трупа** — прислушайтесь к данным ранее советам; **рот трупа оскален** — полученные от кого-то сведения лживы; **обезглавленный труп** — жить только рассудком и тяготиться этим; **руки трупа дёргаются** — пришла пора «оживить» ваши старые умения; **ноги трупа дёргаются** — необходимо вернуться на покинутое место.

Труп переворачивается, подпрыгивает или летает — **вас ждёт успех.**

Труп, на котором кровоточат

раны^[74] — ваши планы наполнятся новой силой.

Труп удаляется (его уносят или увозят вдаль по дороге, он уплывает по реке и т. п.) — то, что мешало вам долгое время, тяготило вас, уйдёт из вашей жизни.

Похороны: свои похороны видеть —

завершается определённый этап вашей жизни, грядут перемены; похороны **родственника в ясный, солнечный день** — к счастливым изменениям в его жизни; **похороны кого-то в пасмурный, дождливый день** — вас ожидает болезнь и грустные перемены; **похороны врага** — вам необходимо найти путь к примирению с ним, чтобы спасти себя от эмоционального перенапряжения, он будет долго жить.

Кладбище: старое, заброшенное — вас

ожидает одиночество и печаль; чистое, ухоженное — скоро ваши беды закончатся, и жизнь переменится к лучшему.

Привидение — вы теряете жизненную силу.

Смерть (конкретный образ: фигура в капюшоне, старуха с косой и т. п.) — страх смерти, возникающий, когда жизнь делает поворот; потребность измениться самому.

Слава Роду!

[2006]

Если сон предвещает смерть

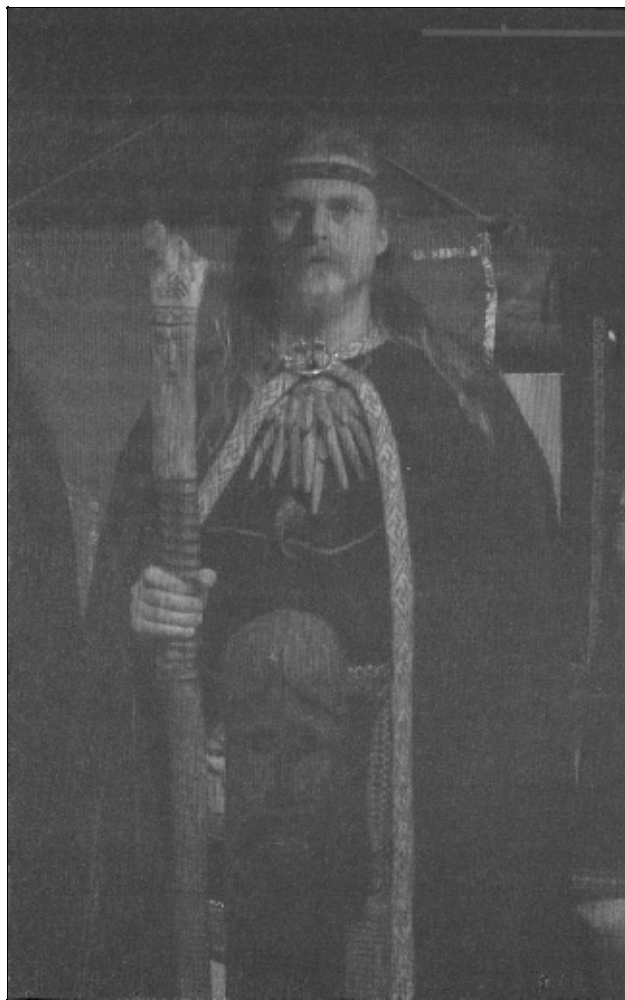
1. Если сон предвещает смерть^[75] тебе или кому-либо из твоих домашних — растопи печку, реки слова: «Куда дым, туда и сон!»
2. Если снится покойник, недавно умерший — посыпь маком пол в избе, а наутро вымети его и сожги.
3. Если снится покойник — трижды поминают его, идя до ветру, а обратно идут, не оглядываясь.
4. Если покойник снится — смотрят в пустую дежу, три раза тычут туда ножом — и снится не будет.
5. Если снится покойник, либо если сон предвещает смерть — зашивают в подушку мяту, чабрец, крапиву и можжевельник.
6. Если покойник во сне зовёт за собой — идут на его могилу, сыпят рожь, рекут слова: «Вот тебе, [имярек], рожь, меня не тревожь, к себе не зови и ко мне не ходи!»
7. Если во сне Домовой душит, спроси: «К добру или к худу?» Если скажет: «К худу!» или дохнёт холодом^[76] — значит, нужно ладить.
8. Если снится, что печь рушится — значит, нужно ладить, иначе помрёт кто-то из домашних.
9. Если снится, что птица влетает в окно, либо что конская голова распахивает ставни и показывает язык — это к покойнику.
10. Если во сне пчела кусает, или пчёлы летают по всей избе — это также к покойнику.
11. Если снится, что ты помираешь — значит, в твоей жизни предстоят перемены, реже —

смерть.

12. Если сон вещей, и ты знаешь, что пришло время помирать — умри достойно.

Слава Роду!

[2005]

...Тропою Велесовой до Удела Мары в духе восхитившись, спросил аз, *Велеслав*, Вещего Бога:

— Восславися, Велесе-Боже, днесе, а паче вовек! Дозволи спросить Тебя: что есть «3»?

И рёк Вещий:

— Уж ты гой еси, Велеславе, да будет ведомо тебе, что «3» есть три дня после разрыва *серебряной нити Макоши*^[77], когда душа человеческая пребывает возле своего тела, у головы. Жившие на Земле по Законам Прави — отходят с миром и ладом в Сердце и на протяжении всех трёх дней не сокрушаются о тленной плоти, ими оставленной. Иные же, не по Прави жившие, умирают в страхе и смятении и на протяжении трёх дней тщатся возвратиться обратно, горько скорбя об утраченном. Поистине, тако.

И вдругорядь спросил аз Вещего Бога:

— Восславися, Велесе-Боже, днесе, а паче вовек! Дозволи спросить Тебя: что есть «9»?

И рёк Вещий:

— Уж ты гой еси, Велеславе, да будет ведомо тебе, что «9» есть девять дней после разрыва *серебряной нити Макоши*, когда душа человеческая пребывает во своём доме и посещает родные места.

Жившие на Земле по Прави, прощаясь со своим домом и близкими, сохраняют в Сердце мир и лад. Иные же, не по Прави жившие, переживают глубокое уныние и жаждут вернуть утраченное, страдая и ожесточаясь Сердцем более прежнего. Поистине, тако.

И в третий раз спросил аз Вещего Бога:

— Восславися, Велесе-Боже, днесе, а паче вовек! Дозволи спросить Тебя: что есть «40»?

И рёк Вещий:

— Уж ты гой еси, Велеславе, да будет ведомо тебе, что «40» есть сорок дней после разрыва серебряной нити Макоши, когда душа человеческая странствует по Яви земной, прощаясь с уделом живых, будучи незримой для очей телесных. Жившие на Земле по Прави — сохраняют и укрепляют в Сердце мир и лад, прощаясь со всем, что им было дорого при жизни во плоти. Иные же, не по Прави жившие, на протяжении всего этого срока страдают от жажды, голода и неутолённых желаний, будучи связаны узами неочищенных страстей [своих] с предметами своих вожделений. Души живших по Прави — легко перейдут по Калинову мосту, что тоньше радуги, восходя по нему до самых Ирийских Врат. Иные же души, отягощённые со- творённой ими Кривдой, не удержатся на мосту, ибо тяжесть их душ — словно каменьё, лежащее

на сердце — увлечёт их вниз, в огненные струи реки Смородины, в самое Пекло. И пребывать им там — покуда не источится неправда их... Поистине, тако.

И возблагодарил аз Премудрого Белеса за науку Его, и восславил Его во слове вещем:

Славися, Велесе-Боже, во Яви а Нави хоже!

Славися во Закрадье, во Светлом Ирии-Граде!

Славися на заречных на Лугах Велиих вечных!

Мост Калинов стороже, право суди ны, Боже, Вразуми

Стезю прозрети, во все мы суть Твои дети,

Чертогов Божских взыскуем, по Родну Дому тоскуем,

Веди же ны от тьмы к Свету, бо смерти николиже нету,

Во Яви а Нави хоже, славися, Велесе-Боже! Той!

Слава Роду!

[2004]

(1 — 210)

1. Река Смородина

Как во слове вещем сказано,
Как изведано то мудрыми:
По краю-то самому мира нашего
Протекает река — река огненна.
5. От востока текёт река до запада,
От мира нашего до мира закрадного.
Как по праву-то руку идут души праведны,
Души праведны, души чистые.
Уж как праведны идут — веселятся,
10. Всё поют-то песни звонкие,
Песни звонкие — возрады Боговы,
За отцев да матерей славы поют!
Как по леву руку идут души чёрные,
Уж как чёрные идут — слезно плачут-то,
15. Пред собой они пути никак не ведают,
Отцев, матерей своих проклинаят:
«Уж лучше бы отец не засеял,
Уж и лучше бы меня мать не родила,
Сорока б недель в утробе не носила,
20. На родимом месте бы порастоптала,
На белой бы свет не попустила!»
Как подходят чисты души к огненной реке,
Ко огненной реке да ко Смородине,
Уж как говорят чисты души:
25. «Уж Ты гой еси, Велес Вещий Бог!
Переведи Ты нас чрез реку огненну,
Чрез реку огненну да ту Смородину!»
А речёт им в ответ Белес Вещий Бог:
«Уж вы души, вы души чистые!
30. Проведу Я вас на ту сторону!
Вы Богов Родных на Земле чтили,
Вы предков своих прославляли,
Вы Мать Землю Сыру любили,
Вы Веру Праотцев своих сберегали,
35. Вы верви родов своих продлевали!»
Слышат души праведны слова Вещего Бога,
На Калинов мост они идти спешат.
Мост под ними, чистыми, крепится,
Путь даёт в Ирийский Свет.
40. Как подходят чёрны души к огненной реке,
Ко огненной реке да ко Смородине,

Уж как вопиют чёрные души:
«Уж Ты гой еси, Белее Вещий Бог!
Переведи Ты нас чрез реку огненну,
45. Чрез реку огненну да ту Смородину!»
А речёт им в ответ Белес Вещий Бог:
«Уж вы души, вы души чёрные!
Как вас проведу на ту сторону?
Вы Богов Родных на Земле не чтили,
50. Вы предков своих хулой хулили,
Вы Мать Землю Сыру поносили,
Вы Веру Праотцев своих позабыли,
Вы из роду своего себя изродили!»
В страхе слушают души чёрные Вещего Бога,
55. На Калинов мост они идти спешат.
Мост под ними, чёрными, зыбится,
Не крепится, а подламывается.
Тако падают они в Пекельный Огнь.
А гореть им там, чёрным, в пламени,
60. Пока не сойдёт с них окалина,
Пока в свет не возмогут вернуться...

2. Ладья Велесова

Как по морюшку по синему по Хвальнскому
Проплывала-пробегала ладья Велесова.
Как на той ли на ладье Велесовой
Сидят сорок добрых молодцов — корабельщиков.
5. Как выходили им навстречь старцы старые,
Старцы вещице — белые волхвы.
Стали они корабельщиков спрашивать:
«Уж вы гой еси, добры молодцы, корабельщичики!
Вы скажите нам, поведайте:
10. Где вы хаживали, где гуливали?
Что вы слыхивали, что видывали?»
Отвечали добры молодцы — корабельщичики,
Отвечали белым волхвам таковы слова:
«Уж вы гой еси, белые волхвы!
15. Хаживали мы по свету по белому,
Много слыхивали, много видывали:
Как душа с белым телом расставалася.
Расставшись, душа сама прочь пошла,
Со своим белым телом пораспрощалася:
20. «Ты прости-прощай, тело моё белое,
Прости мне Кривду-неправду мою!
Ты пойдёшь, тело, во сыру землю,
Червям пойдёшь, тело, на истечение,
Вы, кости, земле на предание,
25. А я, душа, пойду на Суд Велесов!»

Как восходила душа на чёрен Калинов мост,
Как выходил навстречь ей Сам Белее Вещий Бог,
Вопрошал Он душу о делах её.

Вспоминала душа всю-то жизнь свою,

30. Говорила душа таковы слова:

«Жила я, душа, на вольном на свету,

Богам Родным не веруя,

Предков своих не почитая,

Сородичам своим не помогая.

35. Во полюшке я, душа, много хаживала,

Не по-праведну землю деливала:

Я межу через межу перекладывала,

С чужой нивы земли украдывала.

Не по-праведну я, душа, покосы деливала:

40. Вешку за вешку позаставливала,

Чужую полосу позакашивала.

Ещё я, душа, неправду творила:

В соломах я заломы заламывала,

Со хлеба спорыш поотнимывала.

45. Ещё я, душа, неправду творила:

Из коровушек молоко я выкликивала,

С белого плата повыдаивала,

Соседей своих, добрых людей, оголаживала^[78].

Ещё я, душа, неправду творила:

50. Мужа с женой я поразваживала,

Златы венцы их поразлучивала.

Ещё я, душа, неправду творила:

По подоконью много слушивала,

Чего не слышала, говорила — слышала;

55. Чего не видела, говорила — видела;

Ссоры меж людьми, душа, сеяла.

Ещё я, душа, неправду творила:

По свадьбам я много хаживала,

Свадьбы зверями лютыми оборачивала.

60. Ну а самая большая неправда моя:

Я Богам Родным николиже не каялась,

Я предкам своим николиже не кланялась,

Я у Матери Сырой Земли прощения не просила

За все за неправды мои за блудные.

65. И когда отошла я, душа, без покаяния,

Не удостоилася я огненного погребения,

А пошло тело моё во сыру землю,

А мне идти теперь в самое Пекло!»

Тут мост Калинов под душою поразверзался,

70. Душа неправедна во Пекло самое ввергалася.

И мучиться ей там до нового рождения,

Во свой род земной до возвращения!»

3. Добры молодцы — корабельщики

Как по морю, морю синему,
Да по морю, морю житейскому,
Плывёт-выплывает большой корабль
О белых парусах — всё во славу Велеса!

5. Как на том корабле добры молодцы,
Добры молодцы — корабельщики.
Как спрашивал их Сам Белее Вещий Бог:

«Уж вы гой еси, добры молодцы,
Добры молодцы — корабельщики!

10. А где вы, молодцы, бывали?
А что вы, корабельщики, видали?»

Отвечали Велесу добры молодцы,
Добры молодцы — корабельщики,
Говорили Ему всё таковы слова:

15. «Уж Ты гой еси, Белес Вещий Бог,
Грозный Судия, Ты наш Батюшка!

А бывали мы на Светлой Руси,
А видали мы душу живую:

Как жива душа с плотью брэнною

20. Расставалася да прощалася,
Как говорила душа телу таковы слова:

«Тебе, тело, гореть на погребальном костре,
Тебе, брэнно, лежать прахом во сырой земле,

А мне, душе, быть на Закрадном Суде,

25. На грозном Суде на Велесовом!»»

4. Вороны мерные

Прилетели к нам да два ворона,
Прилетели к нам да два чёрныя.

Они садились на окошечко,
На окошечко да на ставнечку:

5. «Мы не вороны, мы не чёрныя,
Мы — Велесовы да посланнички.
Посылал Велес нас на белый свет!»

Со небес на землю спускалися.
«Что на белом свете-то деется?» —

10. «Изродна душа с телом рассталася,
Говорила душа телу таковы слова:

«Ты прости, прощай, моё тело,
Было время, тело, ты пило и ело,
Теперь же, тело, тебе в сырой земле лежать,

15. Мне же, душе, за тебя ответ держать!»

И лежать телу вовек во сырой земле,
А душе ответ держать пред Белесом на Суде!»

5. Серая утица (1)

Что й по морюшку, что й по синему,
Ирий душеньке, во Небеси — Свет!
Там плыла, плыла серая утица.
А навстречу ей — да и Сам Велес:
5. «Ты где была, серая утица?» —
«Я была, была на расстанице,
На расстанице да на погребнице!» —
«Что ж ты там видела, а что слышала?» —
«А я й видела, а я слышала,
10. Как душа с телом расставалася,
Расставалася, распрощалася:
«Ты прощай, прощай, тело белое,
Тебе, телу, во земле лежать,
Во земле лежать, во желтом песку,
15. А мне, душеньке, пред Дедами стать,
Пред Дедами стать на Суд Велесов.
На тоем Суде — всю правду сказать,
Всю правду сказать, за дела отвечать!»»

6. Серая утица (2)

Ай ты, утица, ай ты, серая,
Ирий душеньке, во Небеси — Свет!
Не летать тебе на синё моря,
Ах ты, [имярек почившей], моя душечка!
5. Да не жить тебе на белом свете,
Ах ты, [имярек почившей], моя душечка!
Не топтать тебе утренню росу,
Ах ты, [имярек почившей], моя душечка!
А лежать тебе во сырой земле,
10. Ах ты, [имярек почившей], моя душечка!
Во сырой земле, во жёлтом песке,
Ах ты, [имярек почившей], моя душечка!

7. У дороженьки стоит бела березонька

У дороженьки стоит бела берёзонька,
У дороженьки стоит бела, кудрявая.
Берёзонька к земле клонится,
С листочков слёзы ронются.
5. Под берёзонькой тела хоронятся,
Тела хоронятся убитых на войне,
На войне неправой, несправедной.
По дороженьке широкой идут,
Широкой идут, Богам не молятся,
10. Богам не молятся,
Дедам не клонятся...

8. Разговор души неправедной с Велесом

Взалкала, возопила душа неправедна:

«Велесе, Велесе! Покажи день кончины живота моего!»

Отвечал Белее душе алчущей, вопиющей:

«Гой еси ты, душа изродная!

5. Как взойдёшь ты на гору высокую,

Поглядишь ты во тьму глубокую —

Увидишь ты там с прахом гробы,

Плоти бренной подземельные домы.

Сколь в мире сём плоть ни ликует,

10. А всё ж гроба она не минует.

Придёт срок ей с душой расставаться,

В путь-дорогу неблизкую собираться.

И будут камени белыя — соседи ея,

Пески сыпучия — постели ея,

15. Черви могильныя — все друзья ея,

Мать Сыра-Земля поглотит ея.

Гой еси ты, душа изродная!

На Земле ты неправдой жила,

Не Правду, но Кривду творила,

20. Во маяте мирской свои лета длила,

За то не видать тебе Света Ирийского,

А ступать тебе во тьму кромешную.

И быть там, пока Коло Великое не поворотится,

Пока срок тебе не придёт вновь возродиться!»

9. Плач неправедной души о смертном часе

Ах, увы, беда! Приходит череда,

На ведаем, когда Отсель возьмут куда!

5. Боюсь Велесова Суда,

И где явлюся я тогда?

Плоть-то моя немощна,

А душа вельми страстна;

Ты же, Морена-Смерте,

10. Безобразна и страшна!

Образом Своим страшишь,

Скоро Ты ко мне спешишь,

Во рог Велесов трубишь,

Косой железною косишь;

15. Ходишь Ты всюду нага и боса,

Ожидаешь Ты Своего часа!

О, Смерте! Нет от Тя обороны —

И у царей да князей отъемлешь Ты короны,

Со священниками да вельможами не медлишь,

20. Даров и посулов не приемлешь;

Скоро и мою Ты хочешь душу взять

И на Велесов Суд ея отдати.

О, люто в тот час и горько возопию,
Когда воззрю на Грозного Судию!

10. Душа Родова

На бел-свете человек яко дервь растёт,
Честь, слава его яко цвет цветёт.
Поутру цветёт, к вечеру опадает.
Вечор человек в беседе сидит,
5. Поутру человек в гробу лежит.
Прижимает свои белыя рученьки к ретивому сердцу,
Откладывает все попеченья о житье своём.
А ты, тело белое, от земли взято и в землю пойдёшь,
А я, душа Родова, от Рода взята и к Роду пойду.
10. Взыйду я, душа Родова, на крутую гору,
Воскричу я, душа Родова, громким голосом:
Гой еси вы, Деды Навии!
Вы возьмите меня, отведите меня
Ко Родителям, Шурам-Пращурам!
15. А вознесите вы меня, Деды Навии,
Из рода земного во род небесной,
А сотворите мне по делам моим! Гой!

11. Разговор Мары-Смерти с Живой душой

Налетела скорая смертушка Скоромётною птицынькой,
Залетела в хоромное строеньице,
Скрыто садилась на крутоскладно на завьице
И впотай ведь взяла душу с белых грудей,
Ворон чёрный, голубь сизый!..
Как во полюшке да во чистом,
Во раздольице да во широком,
Повстречалась Жива душа с Марою.
А и было обличив Марино-то зело страшно,
5. Как зверь лютый, по полю рыскающий.
Увидала Жива душа зверя того лютого,
Как увидала — сильно устрашилася,
Говорила душа зверю таковы слова:
«Кто ты еси, зверь лютый, рыскающий?
10. Почто ты, зверь, во полюшке рыщешь,
Кого ты, зверь, во раздольице ищешь?»
Отвечала Мара-Смерть таковы слова:
«Ай же ты еси, ты Жива душа!
Я тебя, душа, во полюшке ищу,
15. Я тебя, душа, к Себе взять хочу!
Я сама-то, Смерть, коцна да худа,
А живых и дородных к Себе забираю;
Я Сама-то, Смерть, ни хороша, ни пригожа,
А хороших и пригожих за Собой увожу.

20. Я Себе откупного-то не беру,
Земных богатств не коплю,
Нарядных платьев не ношу,
Славы мирской Себе не ищу!»
Говорила Жива душа Маре таковы слова:
25. «Госпожа Ты моя, Мара-Смерть!
Будь благосклонна ко мне во срок сей,
Когда нить жизни моей пресечёшь,
Ибо чую я: близок конец мой,
И Солнце моё уж зашло!»
30. Говорила Мара-Смерть душе таковы слова:
«Ай же ты еси, ты Жива душа!
Не печалься ты, не кручинься,
Я есть сон твой перед пробуждением,
Я есть Врата твоего нова рождения!»
35. И со словами этими, проречёнными,
Исторгла Мара-Смерть душу из тела бренного,
И вылетела Жива душа,
Как птица вещая из гнезда,
Марой-Смертью влекома,
40. Светом Самосиянным ведома...

12. Разговор души умирающего с Марой-Смертью

1. «Ты, Марушка-Смерть, не стой под окном,
Ты не стой под окном, не страши меня!
3. Ох, Марушка-Смерть, Ты чего здесь стоишь?
Ох, Марушка-Смерть, не режь Ты косой,
5. Ох, Марушка-Смерть, не секи Ты серпом!» —
«Не Сама Я пришла — Сам Белес Меня послал,
7. Сам Белес Меня послал за твоей душой,
За твоей душой, за твоим телом!»

13. Душа расстаётся с телом

Не хотелось душе умирать,
Тело бренное своё оставлять.
А смерть пришла — умирать надо.
Умиравши, она приказывала:
5. «Уж вы, деточки мои родные!
Вы срубите-ка мне новый теремок,
Прорубите в нём три окошечка.
Как одно окно — на восход Солнца,
А другое — к синему морюшку,
10. А третье — к святому Капищу.
Я рано встану, на Солнце погляжу,
К синю морюшку пойду — умоюся,
На святом Капище Богам помолюся,
Матери Сырой Земле низко поклонюся,

15. Своей долюшке навек покорюся!»

14. Брат переводит сестру по Калинову мосту

Через тёмный лес брат с сестрою шли,
Через тёмный лес брат с сестрою шли.
Они шли и шли, вышли [на] край леса,
Вышли [на] край леса к быстрой речушке,
5. К быстрой речушке, к морю синему.
Через речушку лежит мосток Калиновый,
По тому мосточку брат сестру переводил.
Братец-то перешёл, а сестра утонула.

Вышел брат на бережок, горько плакал.
10. Подошёл к нему Сам Белес, Вещий Бог:

«Ты чего, юноша, горько плачешь?» —

«А и как не плакать мне, Боже Велесе!

Я сам перешёл, а сестра утонула!» —

«Ты не плачь, юноша, по своей сестре.

15. А твоя сестра не по Правде жила —

Семерых детей она загубила!»

А сестра брату с моря говорила:

«Не коси, братец, шелкову траву,

Не пей, братец, моревую воду,

20. Не лови, братец, белорыбицу!

Белорыбица — это тело моё,

Моревая вода — это кровь моя,

Шелковая трава — моя руса коса!»

15. А с-под лесуку, лесу тёмного

А с-под лесуку, лесу тёмного,

А с-под лесуку, лесу тёмного —

Там течёт река, река быстрая.

А по бережку шли да брат с сестрой.

5. Через речку лежит тонка досочка.

А брат перешёл — сестра утонула.

«Не ходи, братец мой, по крутому берегу,

Не топчи, братец мой, шелкову траву,

Не лови, братец мой, белу рыбицу,

10. Ты не пей, братец мой, светлую водицу!

А крутой бережок — это грудь моя,

Шелкова трава — то коса моя,

Бела рыбица — это тело моё,

Светлая вода — это слёзы мои.

15. Ты сходи, братец мой, на свято Капище,

Ты зажги, братец мой, свечу ярую,

Помяни, братец мой, добром душу мою,

Добром душу мою, душу [имярек]!»

16. Разлилась, разлилась речка быстрая
Разлилась, разлилась речка быстрая,
Разлилась, разлилась речка быстрая.
Там и шли-пошли три сестриченьки,
Они шли-пошли, становились,
5. Становились, разговорились:
«А кому ж из нас наперёд идти?»
Старшей сестре наперёд идти.
Старшая сестра наперёд пошла,
Перекладинка обломилась —
10. Старшая сестра утопилась.
Там и шёл-пошёл её брат родной.
«Не ходи, братец мой, по крутому берегу,
Не топчи, братец мой, шелковую траву,
Не сбивай, братец мой, белы камушки,
15. Не лови, братец мой, белу рыбицу,
Не мути, братец мой, ты речную воду,
Ты не пей, братец мой, ключевую воду!
А крутой бережок — это грудь моя,
Шелкова трава — это волос мой,
20. Белы камушки — это глазки мои,
Бела рыбица — это тело моё,
А речная вода — это слёзки мои,
Ключевая вода — это кровь моя!»

17. Мамка сыночку все приказывала

Мамка сыночку всё приказывала,
Мамка сыночку всё приказывала:
«Не ходи, сыночек, по крутому берегу,
Не топчи, сыночек, шелковую траву,
5. Не сбивай, сыночек, белы камушки,
Не мути, сыночек, ты речную воду,
Не лови, сыночек, белу рыбицу!
Шелковая трава — это волосы мои,
А крутой бережок — это груди мои,
Белы камушки — мои глазоньки,
А речная вода — мои слёзыньки,
Бела рыбица — это плоть моя,
Ключева вода — это кровь моя!»

18. Суд Велесов

То не калики перехожие
В путь-дороженьку собирались,
То душа — искра Сварожия
От плоти бранные отделялась.
5. Яко листовье с дровья отрывалась,
От всех забот мирских отвращалась.

Как подхватывали ея буйныя ветра,
Уносили ея прочь с отчего двора,
Гудьмя гудели, споро летели
10. За леса густыя, за поля пустыя,
За горы высокия, за дали далёкия,
За реки быстрыя, за воды чистыя.
Ставили ея у Калинова моста,
У Калинова моста — пред очи Самого Велеса.

15. Говорил Белес душе таковы слова:
«Уж ты гой еси, изродна душа!
Каково ж ты, душа, на Земле жила?
По Правде али по Кривде, душа, ходила?
В Божской простоте али в мирской маяте,
20. Ты, душа, живот свой длила?»

Отвечала Велесу душа тако:
«Я, душа, по совести на Земле жила,
Я, душа, по Правде Сварожьей ходила,
В Божской простоте живот свой длила!»
25. Говорил тогда Белес душе тако:
«Коли правду ты, душа, Мне сказывала,
То пройдёшь ты по мосту по Калинову,
Не преткнувшись, прямиком во Свет Ирийский,
Яко пёрышко, легка да чиста еси,
30. Во роду небесном с предками соединишься.
Ну а коли неправду ты Мне сказывала,
То прогнётся под тяжестию Кривды твоей,
Преломится под тобою мост Калинов,
Восплещутся волны реки огненной,
35. И вверзнешься ты, душа окаянная,
Прямиком во Огнь Пекельный!»

19. Ирию мой прекрасный

Ирию мой прекрасный,
Тебе Сам Сварог изволил.
Ирию мой пресветлый,
Тебя Сама Лада садила.
5. Ирию мой предивный,
Тебя Сам Даждьбог рассветил!
В тебе дрeвеса зело прекрасны
Возрастают и процветают,
Птицы в тебе зело красны
10. Пение пречудно воспевают,
Пестротою светло сияют
И веселием провещают.
В тебе, Ирию, реки дивные
Мёдом и млеком текут-истекают,
15. Сады вся наполняют,

Предков святых улаждают.
О, пресветлый мой Ирию!
Прекрасный чертог еси ты
Всего рода небесного!

20. Красота твоя вся пресветла,
Чистота твоя вся пречиста,
Благоухание в тебе предивно,
Сладко зело и пречудно.
В тебе Немерцаемый Свет

25. Непрестанно вся просвещает.
Доброта в тебе несказанна
И радость неизреченна
Непрестанно в тебе день и ночь
И вовеки веков пребудет.

30. В тебе светлый восток есть —
Дневный свет нам являет,
Солнце из тебе восходит,
Земли вся концы просвещает,
Живот всяк веселием исполняет

35. И радость велию сотворяет.
Месяц и звёзды из тебе исходят,
Нощную тьму просвещают.
Тебе, Ирию, предки наши возлюбиха,
Трудами многими себе изнуриша,

40. За Русь вовеки страдаша.
В тебе, Ирию, хоромы предивны
От злата чиста сотворены.
В тебе, Ирию, дворы пресветлы
Светом несказанным сияют.

45. В тебе, Ирию, чуда пречудны
Светлостью свет озаряют.
В тебе глас чист празднующих,
Глас несказанна утешения,
Глас радости и веселия,

50. Глас пения неизреченного.
Несть в тебе ни беды, ни печали,
Ни горести, ни озлобления.
В тебе несть скорби, ни болезни,
Ни горести, ни въздыхания.

55. Несть в тебе старости, ни смерти,
Ни будущих ожидания.
О, Граде Небесный, предивный,
Граде чудный, прекрасный!
Врата твои пресветло сияют,

60. Камением самоцветным преукрашены.
Одры в тебе зело изрядны,
И постели мяхцы и предивны.

Сады в тебе зело пречудны,
Пестротою сияют различно.
65. О Граде Небесном, пресветлом,
Сердцем всем возрадеем!
О, сподоби нас, Сварог Великий,
Со предками сесть получитьи —
В бесконечном веселии
70. И в бесконечной радости! Гой!

20. Ирий Светлой

Уж ты Ирий мой, Ирий Светлой!
Что далёко от меня отодвинулся?
Потому ли, что полна чаша моя,
Чаша моя золотая,
5. Той ли неправдою, злым неможеством?
Потому ли, что пить мне сию чашу,
Чашу мою золотую,
Нынче срок пришёл?
Потому ли, что черпать мне сию чашу,
10. Чашу мою золотую,
Да не исчерпати,
Мерить, да не измерите,
Кривды моей не источите,
Пока лишь Правдою Вышнею
15. Не возмогну ея наполните?

21. Врата Ирийские

Уж вы, Врата честны Ирийски,
Златом-серебром блещете предивно,
Жемчугами, самоцветами украшены,
А паче того — Правдою Божией,
5. Крепостью да лепостью Сварожией!
Вами, честными Вратами Ирийскими,
Предки наши святые хаживали,
Правде следовали, а Кривду отваживали,
И нам, потомкам своим,
10. Тако же деять вовек заповедовали!

22. Круг Велесов

Гой ты, душа, моя душенька,
Како ходишь ты, колобродишь
По Кругу Велесову —
От рожденья до смерти,
5. От смерти к рождению,
Торишь пути ты от Яви до Нави,
А от Нави до Яви внове.
И несть тебе, душенька, роздыху,

Несть пристанища в мире сём.

10. А есть тебе, душенька,
Во роду земном претворение,
Во роду небесном отдохновение,
А во Родовом Чертоге Незримом
С Самим Родом Всевышним воссоединение.

15. А коли со Всевышним тако воссоединишься,
То николиже на Круг Велесов не возвратишься!

23. Земное Возрождение

Войдёшь в Моренины ворота^[79] — не воротишься,

Уйдёшь по Велесову пути — не оглянешься;

Мать Сыра-Земля по тебе восплачется,

Буйны ветрушки разрыдаются.

5. Но будет и твоему пути продолжение —

Во роду небесном возрождение,

От дел земных отдохновение.

А настанет пора — и воротами Живы^[80]

Во род земной придёт срок возвращения.

10. Се — Кола Великого Коловращения,

Иже есть вечное Возрождение! Гой!

24. Воспамятуйте, други, о смерти!

Воззрите вы, други, на дубовы Крады,

На бытия Иного враты!

О, житиё наше маловременное!

О, богатство мирское суетное!

5. И слёзы убожества, и гордость завистная —

На сём вольном свете всё минёт,

Лишь Правда Божия николиже не прейдёт!

Боги нам дают вельми много, а нам-то всё мало,

Не можем мы, други, ничем ся наполнити.

10. А возляжем мы во срок свой на погребальны Крады,

Прижмём руки к сердцу,

Души наши пойдут по делам своим,

По дорогам иным —

На Суд Велесов, во род небесный;

15. Телеса наши пойдут в огонь на сгоранье,

Кости наши пойдут земле на преданье,

А богатство мирское суетное, гордость

завистная,

Кривда, Богам ненавистная — куда пойдут?

Покинем же, други, всякую Кривду,

20. Возлюбим же, други, Божию Правду! Гой!

25. О маяте мирской и о смерти

Маята мирская — лишь морок и сон,

Злато-серебро мира — лишь тлен и прах,
Коли померк в Сердце твоём
Рода Вечного Самосиянный Свет,
5. Коли не ведаешь ты ничего,
Кроме лежащего в твоей руке.
Но когда придёт срок,
И воскличет до тебя Мара,
Возмахнёт Своим серебряным серпом
10. И пресечёт нить жизни твоей земной,
Тогда разожмётся рука твоя,
Как была она до того,
Как явился ты на бел свет;
И тогда возопиет душа твоя,
15. Представ пред грозны очи Того,
Кто поведёт её на Закрадный Суд.
Мир сей — радость для ведающего Богов
И печаль — для уловленного маятой;
И когда предстанешь ты пред Вещим Судией,
20. Да будет тебе по мере твоей да по милости Его!
Гой!

26. О жизни, смерти и Возрождении

1. От Самого Рода Всеvyšнего — стала Собь (Дух),
2. От рода небесного — стала душа,
От рода земного — стала плоть.
Нить Велесова^[81] связала сии три в одно,
Нити судеб, сплетённые Макошью,
Связали человека с Тремирьем.
Сварог Отец Небесный — изволил,
Перун Громовитый — дал Силу,
Велес Вещий — дал Мудрость,
Лада-Матушка — одарила Любовью,
А Макошь Прародительница — дала тело.
Рекут тако же: Отец Сварог — сковал^[82],
Перун Громовитый — разделил^[83],
Велес Премудрый — воссоединяет^[84].
3. Рекут тако же:
Отец Сварог — дал Прави Закон,
Перун Громовитый — Явь боронит,
Велес Вещий — во Навь уводит.
4. Рекут тако же:
Отец Сварог — вложил в человека воление,
Ярило Велесич — возжёт огонь хотения,
Велес Вещий — в Сердце к Богам стремление.
И живёт человек на земле,
Следуя Долгу Родовому:
Перед родом земным,

5. Перед родом небесным
И перед Родом Всевышним Самим.
Пред родом земным Долг — детей родить,
Вервь рода земного своего продлить;
Перед родом небесным Долг — предков чтить,
Искон Родовой в жизни свято хранить;
Перед Родом Всевышним Долг — Собь раскрыть,
Себя познать, в Сердце Дух постичь.

6. А когда срок животу настаёт Из Яви в Навь уходить,
Как Самим Родом Всевышним положено,
Как Макошью Пряхой Небесной от века повязано,
Тогда возвращается тело к земле,
Душа — в род небесный,
А Собь — к Самому Роду восходит.
Когда протрубит Вещий в Свой рог,
Душу на Суд к Себе призывая,
Тогда прах тела бренного возвратится к земле,
И соки все растекутся водою,
И внутренний жар затухнет, как угли костра,
И силы все развеются ветром.
Душа же, пройдя по Калинову мосту,
Пред Судиёю Вещим предстанет,
Узрит всю Правду и Кривду,
Что в жизни своей творила,
И будет ей по заслугам:
Свет Ирийский — за благое,
Кромешная Тьма — за худое.
Затем, когда срок настанет,
И Коло Великое оборотится,
Душа в Яви вновь воспрянет,
В роду земном воплотится.
Так было, так есть и так будет,
Пока Тремирье пребудет! Гой!

27. О душах ещё не рождённых детей

Говорят, что души ещё не рождённых детей
Пребывают до появления на свет
У корней мирового Дуба.
Рождаясь в Яви, они становятся
Листьями на его ветвях,
А уходя по смерти в Навь,
Ниспадают обратно к его корням,
Туда, где прошлое встречается с будущим,
И где они пребывают до нового рождения.
Стрибог — воплощение Дыхания Рода,
Неумолимого Дыхания Вечности,
Срывает листья с дерева во срок их.

Однажды, взойдя на вершину мирового Дуба,
Ты больше уже не вернёшься в дольний мир,
Но вознесёшься на птичьих крылах
До Незримых Чертогов Родовых,
Навсегда выйдя за пределы
Велесова Круга рождений и смертей.

28. Олово вещее, рекомое нлд усопшим

Род — все Боги. Род — весь мир.
Род — все Небеса и Сыра-Земля.
Богам Родным — слава!
5. Отцу-Небу и Матери-Земле — слава!
Роду — слава!
Мир Всемирью!
Глаз мой — Солнце,
Дух мой — ветер,
10. Плоть — земля,
Руда-кровь — воды солонны.
Оком вглядываюсь я в воды,
Дива дивные око зрит!
По водам плывёт ладья малая,
15. Ладья малая — серебряная.
Вещий Кормчий ход её правит,
Часты звёзды путь указуют.
Всем Богам Родным — почитание!
Их оружию — почитание!
20. Знанию вещему Их — почитание!
По Древу Живому вверх восхожу.
Древо сие — Сам Род.
Боги все — Сам Род.
Собь моя — Сам Род.
25. Всё из-Родно — возродится,
А иного несть!
Роду — слава! Гой!

29. Наставления почившему

Посмотри на это Чёрное Солнце Нави
И узри в нём Самосиянный Свет!
Посмотри на эти озёра крови
И узри в них Самосиянный Свет!
5. Посмотри на духов-навий, окружающих тебя,
И узри в них Самосиянный Свет!
Взирай на окружающий мир без страха,
Узри в нём Самосиянный Свет!
Вещий Бог проведёт тебя, внук Даждьбожий [*имярек почившего*],
10. Из Тёмной Нави к Свету Сварожьей Кузни,
Там Отец Сварог перекуёт твою душу со старой на нову,

И Матерь Лада облечёт тебя в одежды из света,
И будет тебе даждено по мере твоей —
По Вышней справедливости! Гой!

30. Погребальная ладья

Огненной стрелой — в небо синее,
Из полымени — в Светлый Ирий-Сад,
По просторам воздушным,
По Стрибожьим кручам,
5. Со волны на волну,
От тьмы белого света
Ко Свету Самосиянному Света Иного
Плывёт ясен Месяц — ладья Велесова.
Звёздный прибой о борта её бьётся,
10. Дивные птицы на мачтах поют, путь указуя.
Вещий Кормчий вдаль глядит, Иного взыскуя.
Впереди той ладьи — звёзды частые,
Что жемчуга скатные;
Позади — вдовый плач,
15. Багряные раны закатные.
Корабельщики — добры молодцы —
Волос к волосу, голос к голосу,
Числом в сорок человек;
Лица спокойные, бескровные,
20. Очи зоркие, уста безмолвные.
По земле они бродили,
То волками серыми —
Зверьями рысучими оборотясь,
То птицами быстрокрылыми —
25. Орлами сизыми оперясь.
Где малым горностаюшкой проскользнут,
Где птицей летучей со небес падут —
Когтями острыми душу маягнуую из плоти вынут.
По-над жальниками да погостами
30. Бродят они порой ночью дозорами,
Где Карна плачет-карится,
Где Желя льёт слёзы водицей,
Где вологов древних почивают кости,
Откуда в Явь выходят кощные гости.
35. Карну да Желю они словом вещим покоят,
Кости вологов спящих прахом укроют,
Гостей кощных, кои из Нави без спросу вышли,
Обратно взашей прогонят.
А с рассветной звездой —
40. Сами из глаз пропадут, будто и не было их
Сорок вещих птиц — чёрных воронов
Летят за ними следом,

Сорок вещей дев — чёрных мар

Идут за плечом слева.

45. В руке у каждой — Велесовы вилы зубьями
вниз,

Волосы угольно-смоляные по ветру

Чёрным пламенем развились.

Змеями волосы мар змеятся,

Грают вороны — веселятся.

50. У воронов — лапы медны, а клювы железны,

Перья как ножи востры,

Грозны очи по все ночи ясны.

Солетит ворон с поднебесья,

Клюнет иного в темя — у того и душа вон.

55. Мара вилами Велесовыми его плоть прободает,

Душу маятную крюком ухватит, петлёй спеленает,

Да и вниз потянет — в самое Пекло.

Ибо всем душам уготован Огонь,

Что в Сердце их взрощен был:

60. Одним — Свет Самосветлый Ирийский,

Другим — Огонь Чёрный Пекельный.

Прогорят в Пекельном пламени слепые страсти —

Возвернётся душа в Явь,

Новое полотно жизни Макошь соткёт.

65. Узрит душа в себе Свет Вышний —

В Свет и уйдёт, в Нём растворится,

В Вышнем обожествится.

Не одна и не две жизни в Яви пройдут,

Пока сие возможно случиться

70. Пока же — плывёт по небу в ночи вещей

Сам сударь ясен Месяц — ладья Велесова,

Плывёт по просторам воздушным,

По Стрибожьим кручам,

Плывёт от тьмы невежества мира сего

75. До Света Несказанного — Света Самосиянного —

Света Мира Того.

Из огня-полямени святых Крад —

К порогу Золотых Ирийских Врат.

Огненной стрелой — в дальнюю даль,

80. Куда не долетит птица-печаль —

В просторы неведомые,

По Пути Велесову — по Зову Вещему...

Слава Велесу!

31. Разрешающий ^[85] заговор (1)

Гой еси вы, Навьи Деда и Прадеды,

Старшие во роду нашем,

Щуры и Пращуры рода!

Поспешите, посланцы Вещего Бога,
5. Встретить душу почившего внука Даждьбожьего [имярек]
И возвести его во Свет Ирийский,
На Велесовы Луга / в Полк Перунов^[86],
На сречу с родом небесным,
И поведите его ко благому перерождению в роду земном,
10. И сотворите ему по делам его вечную память! Гой!

32. Разрешающий заговор (2)

1. Велесе, Отец Всеблагой!
Прими душу внука Даждьбожьего [имярек],
3. Суди её Судом праведным,
От стара к нову веди! Гой!

33. Отпускающий [душу] заговор

Уж ты гой еси, родный [имярек почившего]!
/ Ай же ты еси, родная [имярек почившей]!
Пришла пора тебе восходить тропею Велесовой
До самих наших Белых Прародителей,
До предков наших честных, кои суть во роду небесном!
5. Идти тебе — не оглянуться да не преткнуться,
А коли будет на то Свята Воля Рода,
То и во срок свой в роду нашем внове родиться!
Да не оскорбит никто честной Крады твоей,
Да не оскорбит тебя чужак — не воссядет на кургане твоём,
10. Да не оскорбят тебя словом дурным живущие,
Да не оскорбят тебя родичи забвением в дни поминальные,
Да не оскорбят тебя близкие долгими плачами по тебе,
Да не оскорбят тебя потомки нерадивою тризною,
Да не оскорбят тебя изгои, разрывающие курганы,
15. Да не оскорбят тебя ни с умыслом, ни без умысла,
Ни под Солнцем красным, ни под Месяцем ясным,
Ни под звёздами частыми — очами небесными,
Ни на заре утренней, ни на заре вечерней,
Ни странники перехожие, ни близь живущие,
20. Ни сородичи честные, ни иные люди лихие!
Да сохранит-сбережёт Белес Вещий покой твой! Гой!

34. Обращение к Велесу — Судие Закрадному (1)

Гой Ты еси, Велесе, Судия Вещий!
Владыче в Ино Закрадном,
Где луги Твои иной жизнью исполнены,
Веди нас от стара к нову,
5. Бо живы вечно наши души из-Родны!
Не дажди свернуть с пути истога,
Не дажди забыть сродства Божского,
Но Ладом Вышним нас лади,

Правью Божской нас прави,
10. В роду небесном возроди,
Где, ратуя други за други,
Ста Боги за люди, а люди за Боги! Гой!

35. Обращение к Велесу — Судие Закрадному (2)

1. Велесе, Судия Вещий!
Да буди на душу почившего
3. Внука Даждьбожьего [имярек] воля Твоя!
Суди её не по зарокам людским,
5. А по милосердию Твоему
Да по справедливости Родовой! Гой!

36. Обращение к Велесу — Судие Закрадному (3)

1. Велесе, Судия Вещий!
Суди нас не по ошибкам нашим,
3. А по милосердию Твоему
Да по справедливости Родовой! Гой!

37. Обращение к Велесу — Судие Закрадному (4)

1. Гой еси, Велесе!
Судия Вещий, во Ино сущий!
3. Прими душу почившего
Внука Даждьбожьего [имярек] на луги Твои,
5. Да не покинь николиже впредь! Гой!

38. Слово на Марине хождение

Мати Морена, Матушка Гневна,
За реку ходила, душу [имярек] водила,
Брала во Ино Своею силой,
Землю всё рыла, воду мертвила,
5. Огонь тушила, воздух сушила,
Живот прободала, нить оборвала,
Серпом косила, Белеса просила
За руку взять, Стезю указать
От рода земного до небесного,
10. От Яви до Нави ходити по Прави,
До жизни внове, по Божеской воле,
По своей доле, в Ладу преболе,
Бо коловертит Коло Велико,
Ты, Мати Морена, темяна ликом!
15. Гой, Черна Мати! Гой-Ма!

39. Марин заговор на обновление силы в Нави

Мара-Ма, Черна Мати!
Что скончалось — Тебе забрати,
В землю схоронить, в Навь отпустить,

Срок сороков сроков боронить,
5. А как придет срок — обернёшься Живой,
Да во чистом поле станет Яра сила!
Велико Коло воротится, коловертится:
Что схоронено в Нави — возродится в Яви,
Отживёт, отгоится — к Маре ведой истой воротится!
10. Той, Черна Мати! Гой-Ма!

40. На омовение тела почившего

1. Великая Мать!
Омой тело бренное внука Даждьбожьего [*имярек почившего*],
3. Чтобы чистым он мог возойти
Во чертоги Твои, во Свет Ирийский! Гой-Ма!

41. На отпусkanie погребальной ладьи

1. Како плавала ладья — тело бренное
По волнам Окиян-моря житейского,
3. Тако ныне пришёл её срок
По иным волнам плыггы,
5. К иному берегу путь торить.
Да хранит её в пути Велес Вещий Бог,
7. Да хранят её честные Деды и Прадеды! Гой!

42. На прощание с почившим (1)

1. Уж ты гой еси, внук Даждьбожий [*имярек почившего*]
\ У тебя свой путь, своя дорога, а у нас своя:
3. Тебе на луга Велесовы стезю торить,
А нам Землю Родную шагами мерить.
5. Тебе — Свет Ирийский, Во роду небесном покой;
7. А нам — на Земле Родной Доброе здравие! Гой!

43. На прощание с почившим (2)

Как черчу я черту поперёк дороги —
То река Смородина, река огненна:
Нет тебе, [*имярек почившего*], пути-дороги назад!
Как кладу я камень на пути —
5. То Белун-гора пред тобой стала:
Нет тебе, [*имярек почившего*], пути-дороги назад!
Как бросаю я гребень частый мой заплечь —
То лес высок посреди чиста поля:
Нет тебе, [*имярек почившего*], пути-дороги назад!
10. Как лью я воду из чары забвения —
То Забыть-река тебе путь обратный забыть велит:
Нет тебе, [*имярек почившего*], пути-дороги назад!
У тебя своя дорога, а у нас своя:
Тебе в Сердцах наших — светлая память,
15. А нам на земле — жизнь счастливая! Гой!

44. Тризны творение

Уж вы гой еси, вы люди добрые!
Приготовьте вы место красное
Для отхода *[имярек почившего]*
К Белым Прародителям!
Приготовьте и обрядите
Сородича вашего *[имярек почившего]*
Для отхода к Белым Прародителям
Во светел удел Их! Не тоской-кручинушкой,
А славной славушкой Да ярой силушкой
Проводите *[имярек почившего]* Во Свет Ирия!
Да взойдёт честной *[имярек почившего]*
С красного места во Свет Ирия,
К Белым Прародителям! Гой!

1. Огонь-пламень, Яр наш Батюшка, Свет-Сварожич!
Боже Огнекудрый, Пресветлый, Премудрый, Прелепый, Преплагой,
Боже наш честной!
Пламя разгори,
Краду всполыми,
Пламя вознеси До Богов Родных,
До предков святых, До рода небесна,
До Ирия честна! Гой еси Сва^[87]! Слава!

2. Уж ты Сва еси, ты свято Крадо, Чисто Лоно, честны Врата!
Вы откройтесь, вы отверзните Во Закрадень-Свет стези ладити,
Огнем рядити, силой спрядити,
Чистым — во чисто, Светлым — во светло! Гой еси Сва! Слава!

3. Уж ты Сва еси, ты свято Крадо,
Огня-пламеня светозаренье!
Дивьей Лодией вознесися ты,
С земли в Ирий-Свет поднимися ты,
Белым светом ты, яко морюшком,
Буйным ветром ты, яко перышком,
Возгори-восстань, вознеси-возгрянь! Гой еси Сва! Слава!

4. Мати Желя, Богиня скорби! Сойди Ты до ны днесе,
Слёз не жалеи, дождями пролей,
Поплачь-порыдай, покой телу дай,
Душу отпусти, в роду воскреси Ея в небесном, во Свете во том! Гой-Ма!

5. Велесе по-за мрое ходяше,
Навии по Кромье водяше,
Велии луга охраняше,
Во Ино ны проводяше,

Будь проводником для [имярек почившего]!
Веди душу его по Калинову мосту
Да за реку ту Смородину,
Суди его судом праведным
И не предай безвинно Кошному Богу —
Во Марину тьму кромешную,
А путь во Свет Ирийский укажи! Гой!

6. Гой ты Велесе,
Судия Вещий, во Нави сущий!
Води душу почившего [имярек] на Луги Твоя —
Во Свет Ирийский,
Во род небесный,
Бо жива Собь ея,
Коя от Рода несмертна Суть! Гой!

7. Зрите, сородичи:
Ветры буйные — внуци Стрибожии реют во небе!
Слава!
Ладья Дивия над Землёю летит,
Птицы Ирийски ей путь указуют! Слава!
Зрят очи предков святых
Пламень Сердец наших! Слава!
Зрит род небесный — Родные Боги и предки наши —
Честных потомков своих! Слава, слава, слава!

8. Роду Всебогу Вседержителю Всесущему — слава!
Роду небесному и предкам святым — слава!
Роду земному и всем сородичам честным,
По Прави живущим — слава!
Дедам и прадедам, Щурам и Пращурам рода,
Старшим во роду нашем,
Во Свет Ирийский ушедшим — Светлая память! Гой!

45. Плач о почившем (1)

Сама я знаю, сама я ведаю,
Что у [имярек почившего/-ей],
Брата родимого / сестры родимой,
Есте платьница не цветная,
5. А есте платьница всё белья.
Он/она собирается-снаряжается
Во Закрадень — во Свет Ирийский,
А прах его/её с Крады честной
Да примет в лоно своё
10. Мать Сыра-Земля Родная!

46. Плач о почившем (2)

Ноне времечко-то коротается,
К одному концу свивается.
У меня ноне горюшечко,
Потеряла я свой белый свет!
5. Как в избе, в моей светёлочке,
Во углу пустым-пустёшенько,
Как в другом — да холоднёшенько,
Уж как в третьем — снежки белые,
Как в четвёртом — печь нетоплена,
10. Печь нетоплена, холодная.
У меня ноне горюшечко,
Потеряла я родного [имярек почившего]!

47. Плач дочери по умершему отцу (1)

Ой, схоже красное Солнышко,
Да мой кормилец ты батюшко,
Да приходят нам расстаньюшки —
Да скорые да тяжёлые;
5. Да с тобой-то, наш батюшко,
Боле век не видатися
Да голоску не услыхати!
Да мой кормилец, мой батюшко,
Да мне домой идти непочто,
10. Да мне дома делать нечего,
Я с тоской стосковалася,
Ох-ти, мне-то тошнёшенько!
Мой кормилец, мой батюшко,
Опустел наш высок терем,
15. От ветру-то он шатается,
Да горюном-то горюется,
Да опустели наши горенки,
Да забусели наши окошечки,
Да чисто все изуплакались!
20. Мой кормилец, мой батюшко!
Да я ещё поконаюся
Да клубарем покатаюся
Да у твоих резвых ноженек!
Да ты возьми-ко, мой батюшко,
25. Нас с собой во попутчики!
Да что же ты, батюшко,
Ты молчишь и не говоришь,
Мне ответа-то не даёшь?
Ты на что же рассердился,
30. Да на меня испрогневался?
Как ведь раньше до этого
Да никогда этого не было!

48. Плач дочери по умершему отцу (2)

Мой родимый ты дядюшко,
Не спеши да не торопи
Ты кормилица батюшка!
Веди лошадку тихошенько
5. И сам ступай-ка мельчешенько:
Приходят к нам расстаньюшки
Со кормилицем батюшкой!
Ты кормилец, ты батюшко,
Ты прости-прощай, батюшко,
10. Со новым домом-городом,
Со деревней-то славною,
Ты с полями-припольками,
С лугами, с пригородками!
Засыпайтесь, следочки,
15. Жёлтыми-то песочками,
Серыми каменёчками;
Зарастай, путь-дороженька,
Ельничком да березничком,
Уж как мелким осинничком!
20. Едем мы, поспешаючи,
Близко мы подвигаемся
Ко пению упокойному,
Ко звону колокольному,
Ко святой Краде дубовой —
25. Не несут резвы ноженьки!
Мы не Богам молитися —
С кормилицем расставатися,
Класть кормилица батюшка
Во святую могиленку!

49. Плач девицы по усопшему батюшке

Выхожу я, сиротиночка,
На широкую на улочку,
На проезду путь-дороженьку.
Распуцу голос, как волос,
5. Как по лесу да по тёмному,
Я по полюшку широкому,
Я по морюшку глубокому,
По раздолью поднебесному,
За болота за зыбучие,
10. За леса да за дремучие,
За оградушку высокую,
Ко тебе, да родный батюшка,
Буду звать да дозывать,
Буду плакать-доплакаться!

50. Причитлние невесты-сироты, когдл онл отдлёт «волю»

И ты лети-тко, воля вольняя,
И ты лети-тко, самовольняя,
И через три поля широкия,
И через три луга зелён्या,
5. Через тихо-малое озёрышко
И на раскат-гору широкую,
И на могилушку на похоронную.
И разыщи-тко, воля вольняя,
И волюшка да самовольняя,
Моего родителя да тятеньку.
Ты сядь на правое на плеченько,
Может, он схватится да сдогадается
И мой родителёк да тятенька.
А как не схватится, не сдогадается,
И пересядь на левое на плеченько,
И может, схватится да сдогадается,
И меня, девушку, вспоминается.
И да не схватится, не сдогадается,
Пересядь на ретивое сердечушко,
20. И может, схватится да сдогадается
И мой родителёк да тятенька,
И моё, девушки, желаньице:
И улетела воля вольняя,
И улетела самовольняя.
25. Не пробудился да не прохватился
И мой родителёк да тятенька,
И рассердился на меня, многопечальную,
И на головушку мою многокручинную.
Ещё родимая родитель-маменька,
30. И ты погляди-тко на меня, на красну девушку,
Что я, девушка, да прирастрёпана,
Что я, девушка, да не приубрана.
И отлетали мои любушки любимые,
Мои подруженьки да потаённые.
35. И вот приотправила я волю вольною,
Я волю самовольною,
И ко родителю да тятеньке.
Ещё родимая родитель-маменька,
Мне-ко, охти, мне-ко тошнёхонько
40. И прирасстаться тяжелёхонько
И со любимой красной волюшкой,
Своей девичьей покрасушкой!

51. Плач девицы-невесты на могиле отца (1)^[88]

По чём познати,
Ти по весёлейку,

Что сиротская свадьба?

Пиво не пьяно,

5. Мёд не солодок,

Скрипочка не звонка.

Знать же, у [имярек],

Знать же, у молодой

Не родный же батька.

10. Мы кого наймём,

Мы кого пошлём

Да за родным же батькой?

Мы наймём-пошлём

Соловеюшку

15. Да за родным же батькой.

Соловеюшка

Не долётает.

Родный батюшка знает.

«Рад бы я встати

20. К своему дитяти,

Не могу я подняться:

Гробовы доски

Стиснули ножки,

Не могу я пройтиться.

25. Рад бы взглянути

На своё дитяти,

Не могу я проглянуть:

Жёлтые пески

Засыпали глазки

30. Что светушка не вижу!»

52. Плач девицы-невесты на могиле отца (2)

Со восточной со сторонушки

Подымались да ветры буйные

С громами да со гремучими,

С молоньями со жгучими.

5. Пала стрела Громовая — молонья

На батюшкину на могилушку.

Уж ты гой еси,

Громова стрела,

Пади ты, стрела, с поднебесья,

Расшиби ты Мать Сыру-Землю!

10. Развалися ты, Мать Сыра-Земля,

Что на все на четыре стороны!

Отверзнися ты, гробова доска,

Распахнитесь, белы саваны!

Разведитесь вы, ручки белые,

15. От ретивого от сердечушка!

Разожмитесь вы, уста сахарныя,

Подымись, родимый мой батюшка!
Ты открой свои очи ясные,
Обернись перелётным соколом.
20. Ты слетай на море на синее,
Море синее, да Хвальнское.
Ты обмой, родимый мой батюшка,
Со бела лица всю-то ржавщину.
Прилети ко мне, ты мой батюшка,
25. К своему высокому терему,
Сядь на кутное на окошечко.
Ты послушай, родимый мой батюшка,
Горе горькое моих песенок!..

53. Плач девицы-невесты на могиле отца (3)

Со восточной со сторонушки
Подымалися да ветры буйные
Со громами да со гремучими,
С молоньями да со палючими;
5. Пала, пала с небеси звезда
Всё на батюшкину на могилушку
Расшиби-ка ты, Громова стрела,
Ещё матушку — да Мать Сыру-Землю!
Развались-ко ся, ты, Мать-Земля,
10. Что на все четыре стороны!
Скройся-ко, да гробова доска,
Распахнитесь, да белы саваны!
Отвалитесь, да ручки белья,
От ретива от сердечушка!
15. Разожмитесь, да уста сахарныя!
Обернись-ко ся, да мой родимый батюшка,
Перелётным ты да ясным соколом,
Ты слетай-ко ся да на сине море,
На сине море да Хвальнское,
20. Ты обмой-ко, родной мой батюшко,
Со бела лица ржавщину;
Прилети-ко ты, мой батюшко,
На свой-то да на высок терем,
Всё под кутное да под окошечко,
25. Ты послушай-ко, родимый батюшко,
Горе горькое наших песенок...

54. Плач девицы-невесты на могиле отца (4)

Ой, вы завейте, ветры буйные,
И разнесите снежки белые,
И раскатитесь, камушки катучие,
И расколись-ко, гробова доска,
5. И покажись, личико белое

Моего родителя да тятеньки.
И только дай-ко, Боже Велесе,
Моему родителю да тятеньке
И Ты во ноженьки вставаньице,
10. И в резвы рученьки маханьице,
И в ясны оченьки виданьице
И во уста да говореньице!
И ты сповыстань, мой родитель да тятенька,
И ты на резвые на ноженьки,
15. И ты приди-тко ко мне, девушке,
И ты на последнее прощеньице,
На вековое благословленьице
И благословить же меня, девушку,
И бедну, родну сиротиночку!
20. Ещё, родителёк мой тятенька,
И не сердись-ко ты, не гневайся,
И что не позвала я, красна девушка,
И я на крепку, тайну думушку.
И я сама да думу сдумала,
25. И сама мыслки я смыслила,
Я не пеняю, красна девушка,
Я ни на сродцев, ни на сродничков,
Ни на родимую родитель-маменьку,
Ой, я пеняю, красна девушка,
30. И на себя, многопечальную головушку!

55. Плач девицы-невесты на могиле матери (1)

Вы устройгесь-ко да успокойтесь-ко,
Вы мои любушки любимые,
Мои подруженьки премилые!
И вы пришли ведь со мной, с девушкой,
5. Вы на родительску могилушку,
И вы к родимой моей маменьке.
И призовите ветры буйные,
Приразнесите пески жёлтые,
И развались-ко, Мать Сыра-Земля,
10. И расколись-ко, гробова доска,
И запахнись-ко, полотно бело,
И покажись-ко, тело белое!
И уж как дай-ко, Боже Велесе,
И в резвы ноженьки вставание,
15. И в белы рученьки махание,
И в ясны оченьки глажение,
В уста сахарны говорение!
Моя родимая родитель-маменька,
И пришла ведь к тебе, девушка,
20. Позвать тебя я на обидную

Да на кручинную да свадебку.
И ты приди-тко ко мне, девушке,
И ты ко столичкам-то дубовым,
Ко скатёрочкам да шитобраным,
25. И ты ко питыцам сахарным,
И ты ко истицам медвяным!
И попрошу я, красна девушка,
И не сердись-ко, да и не гневайся
Ты на меня, на красну девушку,
30. Что я не спросила, красна девушка,
Что я не сказала тебе, родимая родитель-маменька,
Что выхожу я замуж, горемчная!

56. Плач девицы-невесты на могиле матери (2)

Подымалася да мать-непогодушка,
Что со всех четырёх сторонушек:
Что с восточной да с полуденной^[89],
Что с полуночной^[90] да со западной.
5. Сдуй-ка ты, мать-непогодушка,
Сдуй-разнеси да пески жёлтые!
Расступися ты, Мать Сыра-Земля,
Расколися ты, гробова доска,
Ох, распахнитесь вы, да белы саваны!
10. Вы откройтеса, да очи ясные,
Разожмитеса, уста сахарные,
Отойдите-ка вы, ручки белые,
От сердечика, да от ретивого,
От желаньица, да от великого!
15. Уж ты встань-ка, родимая маменька,
На свои-то резвые ноженьки!
Погляди-ка, родимая маменька,
На все четыре сторонушки:
Которая тебе сторонушка да всех милее,
20. Которая тебе дороженька да всех торнее?
Ко своему да тёплому гнёздышку,
Ко своему да высокому терему,
Ко своему да детищу милому?
Полети-ка ты, родимая маменька,
25. На сине море да на бел-горюч камень.
Ещё сядь-ка, родимая маменька,
На горюч-белый камушек.
Ещё сдуй-ка, родимая маменька,
С лица ржавщину да залежавщину.
30. Обернись-ка, родимая маменька,
Птичкой-ласточкой, сизой касаточкой.
Сядь-ка ты, родимая маменька,
На переднее да на окошечко,

На переднюю да на причелинку.
35. Да послушай-ка, родимая маменька,
Что моих да горьких песенок —
От своего да детища милого!..

57. Плач по усопшей матушке (1)

Попрошу я, сиротинушка,
Как тебя, родима матушка:
Заломи-ка ты заломочку
Не во чистом не во полюшке,
5. На пути да на дороженьке!
Уж как я-то, сиротинушка,
Уж как я порастоскуюся,
Как приду-то на заломочку,
Расскажу про своё горюшко,
10. Помяну родиму матушку!

58. Плач по усопшей матушке (2)

Как сегодня, сего денёчка Божьего,
Что во светлой-то во светлячке,
Во столовой новой горенке,
Сидят гостюшки всё званые,
5. Гости званые, всё жданные.
А то не свадебка тут собирается,
Тут кручинушка великая справляется,
Горе горькое здесь изживается:
Схоронили мы родиму нашу матушку,
10. Сего дома именитую хозяйку!..

59. Плач дочери по умершей матери (1)

Посмотрю я да погляжу
В суточки да под окошечко
Да по бабьей-то лавочке:
Моя родимая матушка —
5. Она лежит да не говорит,
А мне ответу-то не даёт;
Уж ты промолви со мной
Да хоть одно-то словечушко,
Да развесели ты сердечушко!
10. Ты умылась белёхонько,
Нарядилась добрехонько,
Да отошла-то ведь, мамушка!
Да спорхнуть да и вылететь
Из дому, нова города,
15. Из высокого терема,
От своих малых деточек
Тебе не пора и не времечко —

В сыру земельку ложиться,
Надо жить, веселиться!
20. Без тебя, моя мамушка,
Налызнёт да наскучает!
Уж кукушки мы серенькие,
Сиротинки-то бедненькие —
У нас нет, не осталось,
25. Нет родимой маменьки!

60. Плач дочери по умершей матери (2)

Я сегодня, горюшица,
Да я вставала ранёшенько,
Слёзками да умывалася,
Я горюшком утиралася
5. Да в гости я собиралася —
Я на родиму-то сторону,
Я к родимой ко мамушке
На широкую улицу
Да на красное крылечико,
10. Я на мосты на калиновы!
Отворю я, горюшица,
Да я во светлую светлицу,
Во столовую горницу
Я широко двери, на пяду,
15. Да захожу я, горюшица,
Я во светлую светлицу,
Я во столовую горницу:
Ой, в суточках, под окошечком,
Да по брусовой вдоль лавочке
20. Лежит родимая мамушка,
Она сряжена, да наряжена,
Да бело умылася,
Да баско нарядилася:
Да в платице-то не во цветное,
25. Да во платице умиральное!
Как у меня, у горюшицы,
Как в ту пору, в то времечко
Да ноженьки подломилися,
Да рученьки опустилися,
30. Да глазоньки помутилися,
Да слёзоньки покатилися
Да по моей по головушке;
Ой, что моя ли головушка
С плеч у меня покатилася!
35. Как до того, в прежни годы,
Как приду к родимой-то мамушке,
Она встречала-то с радостью,

Да все у меня-то выпрашивала
Да про житьё да про здоровьице,
40. Она мне-то рассказывала
Про свои она боли тяжёлые!
Да как-от ноне да теперича
Ой, моя родимая-то мамушка
Так на меня осердилася —
45. Да ничего-то не говорит,
Да мне ответу-то не даёт!

61. Плач матери на могиле дочери (1)

Уж ты слышишь ли, моё милое дитятко,
Моя белая лебёдушка?
Уж ты видишь ли из могилушки
Свою родную-то матушку?
5. Дождалась ты меня, горемычную!
Собралась я к тебе в гости скорёшенько,
Не на конях я к тебе приехала,
Прибежала на своих на резвых ноженьках.
Мои скорые ноженьки стомилися,
10. Белы рученьки мои не вздымаются,
Очи ясные не глядят да на белый свет!
И нету мне ласкового словечушка,
И нету мне тёплого заветерья!
Не ясен день без красного Солнышка,
15. Не весело жить без милой доченьки!
Что склонилась моя головушка,
Что склонилась, сокрушилася?
С кем раздумать мне думу тяжкую,
С кем размыкать мне горе горькое,
20. От кого услышать слово ласковое?
Оттого склонилась моя головушка,
Склонилася да сокрушилася,
Что шатаюсь я на свете, горемычная,
Средь добрых людей как травинушка,
25. Как травинушка-сиротинушка.
Что же спишь ты, моя белая лебёдушка?
Что же спишь ты, не просыпаешься?
Скрепила ты своё сердечушко Крепче камня горячего,
30. И никогда-то я тебя на белом свете не увижу,
Голосочка твоего звонкого не услышу!..

62. Плач матери на могиле дочери (2)

Ах, завейте, завейте-ка, ветры буйные,
Вы развеите, развеите-ка желты пески,
Что на новой, на свежей на могилушке!
Расколите, разымите гробову доску,

5. Распахните, разверните золоту парчу,
Распахните, разверните бел тонкой саван!
Размахни ты, моя голубонька, ручки белые,
Разомкни ты, моя ластушка, очи звездистые,
Распечатай, моя лебёдушка, уста сахарные,
10. Посмотри на меня, на горюшу горемычную,
Ты промолви-ка мне хоть едино словечушко!
Я надеялась на тебя крепкой надеждушкой:
Растила до хорошего до возрасту,
Научала уму-разуму и всякому рукодельицу.
15. Не судили мне Боги с тобой пожить,
Не повязала мне Макошь добрую долюшку,
Покидала ты меня, горюшу, раным-ранёшенько,
Миновала жизнь моя хорошая,
Наступило горькое, слезовое времечко!..

63. Плач матери по умершей дочери

На полёте летит белая лебёдушка,
На быстром несётся касатушка-ластушка.
Ты куда, куда летишь, лебедь белая,
Ты куда несёшься, моя касатушка?
5. Не утай, скажи, дитя моё родное!
Ты в какой же путь снарядилася,
В которую путь-дороженьку,
В какие гости незнакомые,
Незнакомые, нежеланные?
10. Собралася ты, снарядилася
На иное житиё, на нездешнее.
Что не Солнышко за облачком потерялося,
Не светел Месяц за тучку закатался,
Не ясна звезда со небушка скатилася —
15. Отлетела моя доченька родная
За горушки она да за высокие,
За те ли за леса да за дремучие,
За те ли облака да за ходячие,
Ко красному Солнышку на беседашку,
20. Ко светлomu Месяцу на супрядки,
Ко частым звёздушкам в хоровод играть!..

64. Причитание матери по умершему ребенку

Отлетел ты, маленькая пташечка,
Ты от батюшки, от матушки,
Ты на чужедальнюю сторонушку,
Ты на веки-то вековечные!
5. Прилети ты, маленькая пташечка,
Посреди-то летичка тёплого,
Когда распухнет наш зелёный сад

И расцветут всякие цветики!
Прилети ты серой пташечкой,
10. Сядь на яблоньку на сахарную,
Запой хорошеньким ты соловушком,
Чтобы батюшка с матушкой догадались,
Во зелёный сад направлялись;
Как поймали бы эту пташечку,
15. Эту птичку во белы руки,
И сказали бы этой пташечке:
«Ты скажи нам, пташечка,
Ты какого же роду-племени,
Какого ты поколеньица?
20. Ты не нашего ль роду-племени?
Ты не нашего ль поколеньица?»
Мы узнаем маленькую пташечку
По белым волосам, по белому личику,
По хорошему наряженьицу;
25. Унимали мы маленькую пташечку:
«Останься ты, маленька пташечка,
На родной-то на сторонушке!»
Нам отвечает родима пташечка:
«Да ты скажи, кормилец тятенька,
30. Что не останусь я, батюшка с матушкой,
Я на вашей-то сторонушке,
Там ведь жизнь-то моя хорошая,
Там и хлеба-то хлебородные,
Там и люди-то доброродные!»

65. Причитание матери по умершим детям

Милые мои детушки!
Дождались вы меня, сиротинушку;
Я спешила к вам скорым-скорёшенько:
Я не на коне к вам ехала,
5. Я спешила на своих скорых ноженьках!
Мои скоры ноженьки натянутся,
Мои белые ручушки не вздымаются,
Мои очи ясные не глядят на белый свет!
Вы завейте, ветры буйные,
10. Вы развейте-ко желты пески!
Вы расколите-тко гробову доску,
Размахните-тко тонко бело полотно!
Мои милые детушки!
Размахните свои белы ручушки,
15. Распечатайте вы свои уста сахарные,
Разомкните вы свои очи ясные,
Промолвите мне хоть единое словечушко!
Вы спросите у меня, горькой сиротинушки:

Что, как я живу, сокрушаюсь?

20. А мне нету скорой посылочки,

А мне нету ласкового словечушка,

А мне нету тёплого заветерья!

Как не ясен день без красного Солнышка —

Мне невесело жить без вас, мои милые детушки!

25. Что сумнилась моя буйная головушка,

Что сумнилась, сокрушалась:

Что к кому я приклоню свою буйную головушку,

Кто же сложит без вас мои белые ручушки?

Мне, сиротинушке, нет крепкой надеждушки!

30. Я живу, сиротинушка, со чужими людьми,

Со чужими людьми, с неродными детьми!

Чужи детушки нежалостны,

Чужи люди недогадливы!

Как я теперь при старости,

35. Что при старости да при хворости,

Мне не с кем подумать крепкой думушки!

Я шатаюсь промеж добрых людей, как травинушка,

Я подумаю своим глупым разумом:

Есть ли на свете такие люди несчастные?

40. Зародила меня матушка на горе,

Наделила меня частью горькою!

Ах, милые вы мои детушки сердечные!

Я жила с молодых лет в одиночестве,

Я надеялась на вас своей крепкой надеждушкой,

45. Я думала, вы будете мне посылочки и поговорочки,

А я думала: вы будете мне поильцы, кормильцы,

Ростила я вас до хорошего до возраста,

Сокрушалась я о вас с молодых лет,

Научала я вас уму-разуму;

50. Не повязала мне Судьба с вами пожить!

Вы оставили меня, сиротинушку, скорым-скорёшенько,

Вы обрадовали меня, да ненадолго:

Миновалась вся жизнь моя хорошая,

А теперь навижусь я всякой всячины!

66. Причитание сестры по умершей сестре

Со восточной со сторонушки

Подымалися да ветры буйные

Со громами да со гремучими,

С молоньями да со палючими;

5. Пала-пала с небеси звезда

Всё на сестрицыну на могилушку!

Расшиби-ко ты, Громова стрела,

Ещё матушку да Мать Сыру-Землю!

Развались-кося ты, Мать-Земля,

10. Что на все четыре стороны!
Сокройся-ко, да гробова доска,
Распахнитесь, да белы саваны!
Отвалитесь да ручки белые
От ретивого от сердечушка,

15. Разожмитесь да уста сахарные!
Ты промолви-ко, мила сестрица,
Слово-то со мной ласково,
Слово-то со мной приветливо!
Ещё я-то, мила сестрица,

20. Во тоске живу, во кручинушке,
Без своего-то мила ладушки,
Со своими-то с малыми детками;
Была-то у меня мила сестрица —
Дума крепкая, слово ласково,

25. Была-то у меня мила сестрица —
Была ласкова, была приветлива;
Нанести-то на нас есть кому,
А пристать-то за нас некому!

Как была бы у меня мила сестрица,
30. Постояла бы за меня горой высокою,
Постояла бы стеной да белокаменной!
Во сне-то мне ты не привидишься,
Наяву-то мне да не покажешься!

Прилети-ко, мила сестрица,
35. Ко мне да горе-горькою,
Уж ты сядь-ко, мила сестрица,
На окутѣице да на окошечко,
Ты послушай-ко, мила сестрица,
Горе-горьких-то моих песенок:

40. Я живу-то, горе-горькая,
Без батюшка без родимого,
Без родимой родной матушки,
Без своего милого ладушки!

67- Поминальное причитание вдовы

От сухого-то деревца
Не растут отрастеньица,
Да не выходят-то выходцы
С того света до белого
5. Да не выносят-то весточек!

Да прилетите, серые гуси,
Да из-за лесу-то тёмного,
Да из-за моря-то синего,
Да разгребите-распорхайте

10. Жёлтые песочки,
Серые камешочки;

Прилети-ка, ясен сокол,
Да на святую могилушку!
Да схоронили молодую милушку —
15. За лес да замки повесили,
Да золотыми-то ключиками заперли!
Да золотые-то ключики
Унёс ясен соколик
Да под правьем крыльшком,
20. Летел мимо синего морюшка
Да уронил золотые-то ключики,
Нам ключиков не достати,
А ладушки не отпирати!

68. Поминальная песня по девушке, молодой женщине

Там плыла, там плыла, сера утица,
Сера утица с утятками^[91],
Там и шла-прошла да *[имя почившей]*,
Там и шла-прошла *[отчество почившей]*.
5. А навстречу к ней да и Сам Белее:
«Ай, куда ж ты идёшь, да *[имя почившей]*,
Ай, куда брёдешь, *[отчество почившей]*?» —
«Я иду, иду к своему батюшке,
Своему батюшке, к своей матушке
10. На беседушку зазывальную,
На беседушку поминальную.
У моего батюшки да и у матушки,
У них беседушка зазывальная,
У них беседушка поминальная,
15. На беседунпсе у них порядочек,
У них порядочек да хорошенький:
Светла горенка вся убранная,
Горячие яства приготовленные,
Родны гостеньки позазыванные,
20. Ближни соседи приглашённые,
Зеленым вином напоённые.
Сидят гостеньки, поминаючи,
[Имя почившей] душу вспоминаючи!»
Мы помянем днесе *[имя почившей]* душу,
25. Мы помянем днесе *[отчество почившей]* душу,
Её душеньке — память вечная,
Память вечная, Светлый Ирий-Сад!

69. Поминальная песня по мужчине

Как в нашей же во деревне,
Во деревне, в светлой горенке,
Приготовлен стол на помин души,
И всего-всего наготовлено,

5. И тут вся родня за столом сидит,
Только нет одного гостя милого.
Гостя милого, да [имярек почившего].
А в красном углу — Сам Велес-Государь.
Сам Белее у *[имярек почившего]* спрашивает:
10. «А и всё ж тебе тут понравилось,
Как твоя душа поминается?» —
«А и всё тут мне да понравилось,
Только лишь одно мне не нравится,
Что жена моя слёзено плачет,
15. Вот и это мне не нравится,
Что в слезах моя душа заливается!»^[92]

70. Плач старухи по старику

На кого ты, милый мой, обнадеялся?
И на кого ты оположился?
Оставляешь ты меня, горе-горькую,
Без теплова свово гнёздышка!..
5. Ни от кого-то мне, горе-горькой,
Нету мне слова ласкова,
Нет-то мне слова приветлива.
Нет-то у меня, горе-горькой,
Ни роду-то, ни племени,
10. Ни поильца мне, ни кормильца...
Остаюсь-то я, горе-горькая,
Старым-то я старёшенька,
Одна да одинёшенька.
Работать мне — изможенья нет.
15. Нет-то у меня роду-племени;
Не с кем мне думу думати,
Не с кем мне слово молвити:
Нет у меня милова ладушки...

71. Погребальное причитаие («будить» покойника)

И мне подсестн было, кручинной,
И мне, головушке многообидной,
И мне-ко стать да привоскликивать,
И мне-ко стать да привозбуживать
5. Свою законную семеюшку.
И только дай-ко, Боже Велесе,
И в очи ясные виданьице,
И в резвы ноженьки вставаньице!
И ты, законная семеюшка,
10. И ты чего же принаделася
Пойти на Навскую на жирушку?
Ты на кого меня да приоставил-то,
Ты на кого меня да принабросил-то?

И ты на многих добрых людюшек,
15. На моих родных и соседушек.
И я думушкой не думала,
И я мыселками не мыслила,
Что это станется да сдеется
И в нашем тёплом витом гнёздышке!
20. И всё, законная семеюшка,
И попрошу-то я, кручинная головушка,
И не сердись-ко ты, не гневайся
Ты на меня, многокручинную,
И на головушку многообидную!
25. И в инну пору, в инно времечко,
И может, дельшком я приогрузила,
Может, словечушком я приогрубила.
И моё горюшко было пригоревавшись,
И моё сердечушко было наприотосковавшись!
30. Ещё, законная семеюшка,
И как придёт весна-красна разливная,
И пойдут многие добры людюшки
И на широкие да полюшки,
Они по трудным, тяжёлым работушкам,
35. А уж как я, многообидная головушка,
И будто угушкой пристрелена,
И будто пташечкой я буду поймана.
И мои годики ведь не молодые,
И мои годики да престарелые.

72. Мать покойника встречает родственников умершего

Вы мои белые лебёдушки,
И тихо едете да долго ладитесь,
В пути-дороженьке да прохлаждаетесь.
И приубрался ваш родителек да тятенька,
5. Он не дождался с вами поговорить, любимые, ласкового словечушка.
И хотелось ему прирасказать-то вам свою обидушку,
Свою обидушку-кручинушку,
Велику большую досадушку.
Ещё, белые лебёдушки,
10. Попрошу я, бедная головушка,
Я, горюша горе-горькая,
И не бросьте-ко, а не покиньте-ко
И вы меня-то, бедную головушку!
И вы сами знаете, да сами ведаете,
15. Что приосталась моя бедная головушка
В мире одним да одинёшенька
И на холодную, студёную да зимушку.
И я думушкой-то не думала,
И я мыселками-то не помысливала,

20. Что придёт-то эта скорая да смертушка
И вашему родителю да тятеньке.
И принашла-то туча тёмная,
Она над наше-то на тепловито гнёздышко,
И принашла она и прирассыпалась
25. Снежками белыми, частыми льдинками,
Она приотняла у меня законную семеюшку.
И попрошу-то я, многообидная головушка:
Не призращивайте-ко пути да вы дороженьки
Ходить во то во тепловито наше гнёздышко —
30. И вы каменками да катучими,
И вы частыми да льдинками,
Ведь вы сами знаете, сами ведаете,
Что мне тут жить-то будет тяжёлёшенько!

73. Причитание на вынос тела покойного из дома

И ты куда да снаряжаешься,
И ты куда же отправляешься,
И на тот-светнюю да жирушку,
На похоронную могилушку,
5. Моя законная семеюшка?
И вы несите-тко да не трясите-тко
И на пороженьке установите-тко
Мою законную семеюшку.
И ты простишь-ко, моя законная семеюшка,
10. И с тепловитым нашим гнёздышком,
Ещё, законная семеюшка,
И ты простишь-ко с широкой-зелёной уличкой,
И ты со многими добрыми людюшками,
И с порядовными соседушками,
15. Ведь почасгёшеньку с тобой да привоссиживали.
И сам ты знаешь, сам ты ведаешь,
И что один ты будешь одинёшенек
И на тот-светной да жирушке.
Ты приразыщи-тко своих родимых родителей,
20. Ты передай от нас, бедных головушек,
И ты им низкие поклонники,
Порасскажи про нашу жирушку-живлённице,
Про наше горюшко да горе-горькое,
И как я буду жить, бедна головушка,
25. Я, горюша горе-горькая!

74. Причитание жены по умершему мужу: на вынос гроба (1)

Благослови, Велесе, Боже наш,
Да и Ты, Макоша-Матушка,
Чтобы проводить мне ладу милую
Из дому-то из благодатного

5. Во местечко-то вековечное,
Что во Матушку-то во Сыру-Землю!
Посижу-то я, млада-младёшенька,
Во местечке-то во печальном,
Во слезливом во сиротском,
10. Побужу-ко я, горе-горькая,
Моего-то ясна сокола,
Ладу милую-то молчаливую:
«Ты восстань-ко да проснися,
Мой соколик, лада милая,
15. От просонья-то от крепкого,
От сна-то вековечного!
Ты скажи-ко, вымолви словечушко,
Ты скажи слово по-прежнему,
Чтобы сердце моё прыгало
20. От радинья и от радости!»
Ты лежишь-то без словечушка,
Ты не смотришь очьми ясными!
Верно, мне, горюше горькоей,
Встать-то помолитися,
25. Поклонитися-то Богу нашему
Да заступнице сиротческой
Пресвятой Макоше-Матушке,
Да сложить-то тебе твои ручушки
На белой груди к сердечушку,
30. Призакрыть-то очи ясные
От радинья ретива сердца!
Ты скажи-ко, лада милая,
В кою сторону сподобился,
Снарядившись хорошехоньку,
35. В какую путь-сторонушку,
В чью сторонушку-то чужедальную,
И надолго ль отлучаешься?
Ты поведай, лада милая,
В кое время оборотишься,
40. Ты один иль с гостем явишься?
Стану я тебя, сердешного,
Ждать да дожидатися
Поутру-то раным-ранёшенько,
Ко полудню в обед, на ужин,
45. Вечером, в потёмки тёмные,
В полночь при ясном Месяце!
Как завижу я сердешного,
Выйду встретить середь улицы,
Устелю весь двор широкий я
50. Новиною тонко спряденной,
Хитро в клетки вязью вытканной,

На насту весной белёною!
Приведу я тебя, лада милая,
Во новый дом за белы руки,
55. Посажу за стол со яствами
Да со питьями медвяными,
Поклонюсь тебе низёхонько,
Ниже пояса к сырой земле,
Я скажу тебе, сердешный друг:
60. «Ты покушай яства сытого
И отведай питья сладкого!»

75. Причитание жены по умершему мужу: на вынос гроба (2)

Отвалилася стена каменна
От моего тепла гнёздышка!
Отпало право крыльшко
От меня, горькой сироточки!
5. Полетел ты, друг милой,
По дороженьке по широкою
Не по-старому, не по-прежнему,
Не на своих-то резвых ножках!
Понесли-то друга милого,
10. Понесли на белых рученьках!
Восходит-то друг мой милой,
Он на перепутьице на великое,
Он на матушку святу Краду;
Он со матушки святой Крады
15. Да во матушку во Сыру-Землю.
Наглядися, друг мой милой,
На все четыре стороны,
Наглядитесь, очи ясные,
На моего друга милого!

76. Причитание дочери по умершему отцу: на вынос гроба

Схоже красное Солнышко,
Мой родимый ты батюшко,
Ты приростил же крыльица,
Навил сизые перьяца,
5. Осталось тебе, батюшко,
Спорхнуть да и улететь
От нашей светлой светлицы,
Из столовой горницы!
Полетел ты, наш батюшко,
10. На мост на Калинов,
Со моста-то Калинова
На красное крылечико,
Со красного крылечика
На широкою улочку;

15. Как подгонял-то наш дядюшко
Он коня сторублёвого
На широкую улочку
Под кормилица батюшка!
Ты прощайся-ко, батюшко,
20. Со новым домом-городом,
Со высоким-то теремом,
Боле не бывать да не хаживать
Тебе на родимой-то стороне:
Что повёз-то дядюшко
25. Тебя на погост да на буюву —
К святой Краде пречистой,

77. Причитание дочери по умершей матери: на вынос гроба

Моя сердешная матушка,
Моя жалость великая!
Уж можно знать
Да можно ведать,
5. Что недалёко спроводим,
Да глубоко опустим!
Уж тут ни пути
Да ни дороженьки,
Нет ни выходу, ни выезду,
10. Ни скорописныя грамотки!
Моя сердешная матушка,
Мое красное Солнышко!
Нонече да и теперече
Закатилось уж
15. На все веки долгие,
На всё житьё вековечное —
Оно за леса да тёмные,
За горы да за высокие...

78. Плач жены по умершему мужу по дороге нл кладбище

Путь-дорожка скороталась,
Свята Крада показалаь;
Как не радуйся, пожалуйста,
Свята Крада, честна матушка,
5. Как не воз идёт с товарами,
Не другой да со покупками,
Везут телушко-то мёртвое,
Его личушко-то блёклое,
Вослед идут, шатаются,
10. Сироты да малы детушки!

79. Причитание на могиле на девятины [\[93\]](#)

Вы завейте, ветры буйные,

И донесите, ножки резвые,
И до Раскат-горы широкой
И до могилушки до похоронной!
5. И мне подсесть было, кручинной,
И мне, головушке многообидной,
Мне на Раскат-горе широкой
И на могилушке на похоронной!
И вы завейте, ветры буйные,
10. И разнесите снежки белые,
И покажись-ко, гробова доска,
И покажись-ко, лицо белое,
И только дай-ко, Боже Велесе,
Моей законной Ты семеюшке
15. И дай во грудюшки дыханьице,
И в очи ясные виданьице,
И в белы рученьки маханьице,
И в резвы ноженьки вставаньице!
И ты, законная семеюшка,
20. Порасскажи-ко мне, бедной головушке:
И как встретили ли, приметили
Тебя родимые родители
И на тот-светней да жирушке?
И не сердись-ко ты, не гневайся,
25. И ты на нас, бедных головушек,
И на горюшу горе-горькую.
И нам-то жаль-тошнёхонько,
И нам-то жаль тебя да обиднёшенько,
Что не во порушку да не во времечко
30. И это сталося да сотворилося,
И всё разочком потерялося.
И рассердилась, распрогневалась
Моя законная семеюшка —
И не промолвит нам ласкового словечушка...

80. Поминальная песня

Ай, ту-ту, ту-ту, ту-ту,
Не вари кутью круту,
Вари жиденькую,
Вари сладенькую —
5. Куму поминать.
А где кума? З
а ворота ушла.
А где ворота?
Вода унесла.
10. А где вода?
За горы ушла.
А где гора?

Черви выгочили.
А где черви?
15. Гуси выклевали.
А где гуси?
Во тростник ушли.
А где тростник?
Девки выломали.
20. А где девки?
За мужья ушли.
А где мужья?
На войну ушли.
А где война?
25. Война выгорела.
А где пепелок?
Унёс ветерок.
А где ветерок?
Улетел на восток.
30. А где восток?
Там, где Солнышко встаёт!

81. Дороженька неторёная

Дороженька неторёная,
Дороженька неидёная!
Как по той, по той да по дороженьке
Тамо шла-пошла душа, душа изродная.
5. А навстречу ей — Сам Белес, Вещий Бог:
«Ты куда идёшь, душа, душа изродная?» —
«Я иду, душа, ко своему двору;
Как у моего двора стоит дерево,
Стоит дерево-то стоеросово,
10. А листочки-то на нём — чиста золота,
На макушечке его сидят пташечки,
Поют песенки они всё Ирийския!
Во моём дому — поминания:
Стоят столики в дому всё тесовыя,
15. Лежат скатерти на них всё шелковыя,
А за столиках сидят гости званья,
Поминают гости душу изродную!»

82. Шёл парень по полюшку

Шёл парень по полюшку,
Шёл парень по широкому.
Пришёл он к своему двору,
А все двери-то — позакрытые!
5. Пошёл парень под окошечко:
«Подружка моя, красна девица,
Открой же мне хоть окошечко,

А я с вами побеседую,
На куте посижу, на вас погляжу!
10. Тут все родные пособралися,
Не забыли и соседей позвать.
А вам же нас за столом поминать,
А нашим телам в сырой земле лежать!»

83. Все люди собралися

Все люди собралися,
Ах, Боже мой, собралися.
Только нету одной душеньки.
А та душенька под окном стоит,
5. Под окном стоит, в окно глядит,
В окно глядит, детей просит:
«Ах вы, деточки мои родные,
Соберите вы всю родню мою,
Всю родню мою да подруг моих,
10. Подруг моих да соседушек,
Помяните вы меня, чем Бог послал!»
А Бог послал хлеба-солюшки,
Хлеба-солюшки, доволюшки!

84. На поминки (1)

Отчего море начинается?
Ирий душеньке, во Небеси — Свет!
Начинается, разливается
Свет — от ярой свечи,
5. Море — от Божьей росы.
А по тому морю, морю синему,
Там и шла-пошла Лада-Матушка,
Лада-Матушка, Пресвятая Богородица.
Она шла по морю, как и посуху,
10. А навстречу Ей — Велес, Вещий Бог.
«А и где Ты была, Лада-Матушка,
Лада-Матушка, Пресвятая Богородица?» —
«А была Я у [имярек почившей] во дворе!» —
«А что Ты там видела, что слышала?» —
15. «А Я там видела, Я там слышала,
Как душа с телом расставалася,
Она со всем родом распрощалася.
Говорила душа таковы слова:
«Ты прости-прощай, моё тело бренное,
20. Вы простите-прощайте, все мои родные,
Вы простите-прощайте, вы мои душечки,
Вы простите-прощайте, мои соседушки,
Вы простите-прощайте, мои подруженьки!
Тебе, тело, во сырой земле лежать,

25. А мне, душе, на Суд Велесов предстать,
Пред Дедами стать, всю правду сказать!»»
А и [имя почившей], свет [отчество почившей]!
Отходилися твои ноженьки,
Отробилися^[94] твои рученьки,
30. Отгляделися твои глазоньки,
Отжалела ты своих родненьких!
А и [имя почившей], свет [отчество почившей]\
Не ходит тебе по сырой земле,
Не сбивать тебе утренню росу,
35. Зарастут твои все-то стёженьки,
Все-то стёженьки, все дороженьки,
Зарастут травой-муравой всё зелёнькой,
Частым ельничком, белым березничком!
Света Ирийска — душам праведным,
40. Света Ирийска — павшим воинам,
Света Ирийска — честным родителям,
Света Ирийска — [имярек почившей]! Гой!

85. На поминки (2)

Как по морюшку, морю синему,
Ирий душеньке, во Небеси — Свет!
Там плывёт, плывёт ладья новенька,
Ладья новенька, вся тесовенька.
5. Правят той ладьёй Деды Навии,
Деды Навии — старцы святые.
А навстречу им — да Сам Вещий Бог:
«Уж вы гой еси, Деды Навии,
Уж вы гой еси, старцы святые!
10. Где бывали вы, что видали вы,
Что видали вы, что слышали вы?» —
«Мы бывали, Деды Навии,
Деды Навии, старцы святые,
На погребнице да на [имярек почившего].
15. Мы видали там, деды Навии,
Деды Навии, старцы святые,
Как душа [имярек почившего] с телом расгавалася.
Говорила душа телу таковы слова:
«Ты прости-прощай, тело белое,
20. Тело белое моё бренное!
Из земли взято, тебе в земле быть,
Мне ж, душе, лететь с ветром к небушку!»»
Уж ты гой еси, [имярек почившего]\
Не ходит тебе да по сырой земле,
25. Не топтать тебе стёжки-дорожки,
Не пивать тебе ключевой воды,
Не сбивать тебе росы ранние!

Зарастут твои стѣжки-дорожки
Да всё травушкой да муравушкой,
30. Да всё ельничком да березничком,
Всё кусточками ракизовыми,
Всё цветочками васильковыми.
Тебе, [имярек почившего] — Свету Ирийска,
А нам, родным твоим — добра здоровья! Гой!

86. На поминки (3)

1. Мы не пить пришли, не гулять пришли,
А мы душу [имярек] проводить пришли.
3. Тело бренное [имярек] в Сыру-Землю пойдёт,
А душа [имярек] к Дедам возойдёт,
5. К Дедам возойдёт, упокой обретёт!
А мы пели, пели, восплакаючи,
7. Душу [имярек] провожаячи,
Во роду земном её поминаючи,
9. Во роду небесном прославляючи! Гой!

87. На поминки (4)

Поглядите-ка вы в окошечко,
Поглядите-ка вы в слюдяное!
Изродна душа идёт, она гостей ведёт:
Первый гость идёт — родной батюшка,
5. Второй гость идёт — родна матушка,
Третьи гости идут — всё родня её.
Привела гостей, за стол посадила,
А сама душа у порога стоит,
У порога стоит — родных благодарит:
10. «Благодарствую вам, мои родные,
Не забыли про меня, помянули меня!»

88. На поминки (5)

А и родная душа у порога стоит,
[Имярек почившего] душа у порога стоит,
У порога стоит, Богам молится,
Богам молится, низко клонится,
5. Низко клонится, к столам просится.
А и родная душа у столов стоит,
У столов стоит, на детей глядит,
На детей глядит, их благодарит:
«Благодарствую же вам, мои детушки,
10. Что собрали вы всю родню мою,
Не забыли позвать добрых соседушек.
Поминайте меня хорошенечко!
А и детушки, вы мои родные,
Сходите вы в тёмный лес,

15. Выкопайте калину с малиной,
Посадите их на мою могилу,
Чтобы пташки ко мне прилетали,
Калину с малиной клевали,
Меня, душеньку, поминали!
20. А мне, душе, вечная память,
Вечная память, с Дедами упокой!»

89. На поминки (6)

1. А и [имярек] душа по двору ходит,
По двору ходит, своих деток просит:
3. «Уж вы, детки мои, детки родные!
Вы сходите-ка во зелёный сад,
5. А вы выройте калину-малину,
Посадите-ка на мою могилу.
7. Весной пташечки прилетать будут,
Сладку ягоду малину всё клевать будут,
9. Мою душу, [имярек], поминать будут!»

90. На поминки (7)

За порогом душа стоит,
Душа стоит, душа родная,
Богам молится, в хату простися:
«Вы пустите меня на один часок,
5. Я хочу поглядеть, какой помин у меня есть.
А тут собрались все родные мои,
Все родные мои, мои детушки.
Благодарствую, мои родные,
Благодарствую, мои детушки,
10. Сготовили помин на двенадцать блюд:
А первые блюда — тем, кто мыл-наряжал,
А вторые блюда — кто меня в путь провожал,
А третьи блюда — для малых детей,
А остальные блюда — для всех добрых людей!
15. Помяните вы меня хорошенечко,
Помяните вы меня полной чаркою,
А теперь я к вам боле не приду —
Зарастут мои все стёжки-дорожки,
По которым ходили мои ножки!»

91. На поминки (8)

На горушке на крутой,
На горушке на красной,
А там стоит домик новенький,
А там птички метаются,
5. Они помину дожидаются.
А там столики порасставлены,

Порасставлены, застланы,
На столах всё поразложено.
У столов ходит Велес-Батюшка,
10. У столов ходит, вокруг Себя смотрит,
А за Ним идут Деды-Прадеды,
За руку ведут душу [имярек усопшего].
Деды-Прадеды его спрашивают:
«Как тебе, [имярек усопшего], тут нравится,
15. Как твоя душа поминается?» —
«А мне, [имярек усопшего], всё тут нравится,
Как моя душа поминается,
А только одно мне не нравится,
Что мои родные слезами обливаются!»

92. На поминки (9)

А в сегодняшнюю ночь, коло этого двора,
А в сегодняшнюю ночь, коло этого двора,
Коло этого двора птичка малая летала,
То [имярек усопшего] душа сюда прилетала,
5. Прилетала душенька в дом свой родной,
Говорила она своим детушкам:
«Ой вы, детушки мои родные,
А сегодняшний день станьте раненько,
А наряжайте вы столы тесовые,
10. Собирайте вы всех родненьких,
Не забудьте вы и про соседусшек,
Помяните меня, чем Даждьбог послал!
Мне не надо теперь злата-серебра,
Только надо мне поминания!»

93. Из-под лесику Солнце катится,

Из-под лесику Солнце катится,
Из-под лесику красно катится.
А душа [имярек] Велесу молится.
Велесу молится, домой просится:
5. «Отпусти, Боже мой Велесе, Ты меня домой
Мои родные пособралися,
Меня, [имярек], домой дожидаются.
А у меня в доме сегодня пеня,
Сегодня пеня, всё поминания!» —
10. «Не отпущу, душа, Я тебя домой,
Мы пойдём за быструю реку,
За быструю реку, за сильную волну,
За тёмны лесочки во зелёны садочки —
Там сады растут, там цветы цветут.
15. Там с тобою будем заниматься,
Про домовку про свою будешь забываться!»

94. Как в нашей же во деревеньке (1)

Как в нашей же во деревеньке,
Как в нашей же во деревеньке,
Во деревеньке, в светлой горенке
Приготовлен стол на помин души.

5. И всего-то там наготовлено,
И вся родня за столом сидит,
Только нет одного гостя милого,
Гостя милого да [имярек поминаемого].

А в Красном куту — то Сам Вещий Бог.

10. Вещий Бог у *[имярек поминаемого]* спрашивает:
«А и всё ж тебе, *[имярек поминаемого]*, тут нравится,
Как твоя душа поминается?» —

«А и всё ж мне тут, Велесе, нравится,
Как моя душа поминается.

15. Одного мне только здесь не нравится:
Что родня моя слёзно плачет,
Вот это мне тут и не нравится,
Что в слезах моя родня заливаётся!»

Мы кому поём, припеваючи,

20. *Душу [имярек поминаемого] поминаючи!*

95. Как в нашей же во деревеньке (2)

Как в нашей же во деревеньке,
Как в нашей же во деревеньке,
Во деревеньке, в светлой горенке —
Там лежит тело, тело белое,

5. *Тело белое [имярек поминаемого].*

Прилетели к нему да три ласточки:

Перва ласточка во ногах села,
Втора ласточка на грудях села,
Третья ласточка во главах села.

10. Перва ласточка — то дочушка его,

Друга ласточка — то жена его,

Третья ласточка — то сестра его.

Мы кому поём, подпеваючи,

Мы [имярек поминаемого] душу поминаючи!

15. Помяни его, Велесе, на Лугах Своих,
Да сотвори ему, Велесе, вечную память!

96. А за шумным столом я с вами не сижу

А за шумным столом я с вами не сижу,

А за шумным столом я с вами не сижу,

Я с вами не сижу, я в могиле лежу.

И присох мой язык, и замолкли уста —

5. Ох, как хочется мне речи промолвити!
Но пришёл мой час, далеко ж я от вас.
Ох, вы родные и соседи мои,
За столом сидя, помяните ж меня,
Помяните ж меня за упокой души!
10. Помяни, Велесе, душу [имярек] днесе,
Уведи её, Велесе, во святые веси,
А дай ей, Велесе, Света светлого,
Света светлого — Ирия заветного!

97. По родному двору, по широкому

По родному двору, по широкому,
Боже мой, по широкому, [Имярек почившего] ходит,
Свою родну матушку просит:
5. Матушка моя, да ты родная!
Послушай меня, а что я тебе,
А что я тебе буду говорить,
Буду говорить, я тебя просить:
А поставь-ка ты мне хоть один столоч,
10. А спеки-ка ты мне хоть один блиноч,
Навари-ка ты мне да кутеечки,
Позови-ка моих да всех родненьких,
А всех родненьких, всех соседушек,
Помяните меня, мою душеньку!
15. Благодарствую тебе, моя матушка,
Благодарствую тебе, моя родная,
А й за твой помин, за твой богатый,
За твой порядок, за твой хороший! Гой!

98. Как пошла дочка свою мамку искать

Как пошла дочка свою мамку искать,
Как пошла дочка свою мамку искать,
Прошла поле, прошла и другое,
На третьем поле остановилася.
5. Подошёл к ней Сам Белес, Вещий Бог:
«Ты куда идёшь и кого ищешь?» —
«А я иду, ищу свою маменьку,
А я иду, ищу свою родную!» —
«Ты иди-ка туда, за дороженьку,
10. За дороженькой за той кладбище,
А на кладбище там могилочка,
На могилочке твоя мать стоит,
Твоя мать стоит — слезно молится,
Слезно молится — домой просится:
15. «Вещий Боже мой, отпусти домой,
Отпусти домой ко семье родной,
Я б пришла домой, села б на скамеечку,

Поглядела бы на всех, на свою семейку!»»

99. На Дедовом на кладбище (1)

На Дедовом на кладбище,
На Дедовом на кладбище —
Там горят свечи, свечи ярые,
Свечи ярые, неугасимые.
5. А там душенька Богу молится,
Богу молится, домой просится:
«Уж Ты, Боже мой, отпусти домой,
Во моём дому — поминания.
Поминают мя, плачут обо мне!» —
10. «Есть у Меня два ворона,
Есть у Меня два чёрныя,
Пуцу Я их да на кладбище,
На Красную да на Горочку,
На твою, [имярек], на могилочку!»

100. На Дедовом на кладбище (2)

На Дедовом на кладбище,
На Дедовом на кладбище —
Там тело лежит, тело [имярек].
А там [имярек] Богам молится,
5. Богам молится, домой просится.
«Уж вы, любимые мои детушки,
Вы срубите-ка мне каморочку,
А в каморочке — да три оконца:
Первое оконце — на восход Солнца,
10. Другое оконце — на свято Капище,
Третье оконце — на быстру реченьку.
Как я встану, на восход гляну,
К речке пойду — помоюся,
На Капище взойду — Богам помолюся.
15. На Капище три девы ходят:
Первая дева — свечи зажигает,
Вторая дева — помин расставляет,
Третья дева — Богов прославляет,
Богов прославляет, предков поминает!»

101. Живу я свой век не так, как человек

Живу я свой век не так, как человек,
Живу я свой век не так, как человек.
Живу я в горе, как рыба в море,
Живу я в тоске, как рыба в песке.
5. Поставлю хатку я с тремя окнами:
Первое оконце — на сине море,
Другое оконце — на свято Капище,

Третье оконце — на зелёный садик.
Раненько встану, беленько умоюсь,
10. На Капище пойду, Богам помолюсь,
Как в зелёном саду Ирийски птички поют,
Ирийски птички поют, душу в Ирий несут!

102. Жила душа в горе, как рыба в море

Жила душа в горе, как рыба в море,
Жила душа в тоске, как рыба в песке.
Душа слезно плакала,
Велеса просила: «Сострой мне, Боже Велесе, новую хатку,
5. Хатку новую с тремя оконцами.
Как перво оконце — против красного Солнца,
Как другое оконце — на свято Капище Божие,
Как третье оконце — на синее море.
Я раненько встану, на Солнышко гляну,
10. На Капище пойду, Богам помолюсь,
Богам помолюсь, к синему морю оборочусь.
На синем море — тамо покойнички,
Они чистенько умываются,
Они сухонько вытираются,
15. На помин души собираются!»
Помяни, Боже Велесе, душу [имярек]\

103. Доля моя доля, доля горькая

Доля моя доля, доля горькая,
Доля моя доля, доля горькая.
Живу я в горе, как рыба в море,
Живу я в тоске, как рыба в песке,
5. Как волны бьются, так слёзы льются.
Пойду я с горя на сине море,
А в синем море утоплюсь с горя.
Мои кости сложат, в гробок положат.
Лежите, кощи, лежите, мощи,
10. Лежите вы тут, а душа — на Суд,
На Суд Велесов, на Суд Праведен! Помяни,
Боже Велесе, душу [гшырек]\

104. Уснула матушка, она крепким сном

Уснула матушка, она крепким сном,
Уснула родимая, она крепким сном,
Она крепким сном — непробудным сном.
Она крепко спала и всё слышала,
5. А всё слышала да всё видела,
Как её детушки обыскались,
Обыскались, обголосились:
«А и где наша матушка подевалася,

А хотя б она отозвалась,
10. Отозвалась, нам откликнулась!»
Отозвалась матушка из тёмной темницы,
Отозвалась родимая из глубокой гробницы:
«А я теперь, детки, за тремя замками,
Как первой мой замочек — земелька-дерночек,
15. Другой мой замочек — жёлтенький песочек,
Третий мой замочек — сосновый гробочек!»

105. Ай, вороны, ай, черный

Ай, вороны, ай, чёрные,
Ай, вороны, ай, чёрные!
На жальнички они прилётали,
Садились на зелёную ель.
5. «Дочушка моя, дочка любимая!
Ты выйди-ка да из могилушки,
Восстань-ка ты на резвы ноженьки,
Открой-ка ты ясные оченьки!» —
«Ты, маменька, не гукай ты мене,
10. Ты, родная, до себя не кличь —
Гробовые доски стиснули ножки,
Жёлтые пески засыпали глазки,
Не могу я встать, головы поднять!»

106. Меж полей на лужку

Меж полей на лужку — там колодезь стоит,
Меж полей на лужку — там колодезь стоит.
Как у того что ли колодезя,
Там лежит, лежит тело белое,
5. Тело белое [*имярек поминаемого*].
Прилетели туда да три ластовочки:
Перва ластовочка во главах села,
Друга ластовочка на груди села,
Третья ластовочка да в ногах села.
10. Перва ластовочка — то дочушка его,
Друга ластовочка — то сестрица его,
Третья ластовочка — то невестушка.
Где дочушка плачет — там колодезь стоит,
Где сестрица плачет — там речушка бежит,
15. Где невестушка плачет — роса выпала.
В тот колодези выбора нетути,
А в той речушке стоку нетути,
Солнце красное росу высушит...

107. Ласточки-касаточки

1. Прилетели к нам весной ласточки,
Прилетели к нам весной касаточки.

3. Эти ласточки — детки малые,
Дочушка моя да сыночек мой.
5. Посмотри-ка ты да в окошечко —
Твоя мать стоит, Богу молится,
7. Богу молится, домой просится:
«Ой, Ты, Боже мой, отпусти меня домой,
9. Поминают меня, вспоминают меня!»

108. Пташечка-жаворонушка

- А кто у нас средь курганов ходит,
А кто у нас средь дедовых ходит?
Средь курганов ходит, Велесу молится,
Велесу молится, домой просится:
5. «Пусти, Боже мой, Ты меня домой,
На мой денёк, на один часок!» —
«Одного не пуцу, посланца пошлю,
Пошлю пташечку — жаворонушку!»
Жаворонушка прилетит,
10. Прилетит — в окно поглядит,
Как у моих родных порядок хорош:
Стоят столы всё тесовья,
А скатерти всё застланья,
Сидят гостюшки званья —
15. Меня поминают, меня величают!

109. Прилетела в сад малая пташечка

1. Прилетела в сад малая пташечка,
Прилетела в сад серая кукушечка.
3. Прилетела она, на яблоньку села,
На яблоньку села, села, да и кукует.
5. А хозяйюшка кукушечку не чует,
С поминок кукушечку прогоняет:
7. «А идите, дети, спугните кукушку!» —
«А и мамочка, это ж не кукушка,
9. Это не кукушка, а тётина душка!»

110. Пчелы ярые (1)

- Уж вы пчёлушки мои, пчёлы ярые,
Уж вы пчёлушки мои, пчёлы ярые!
А и что ж вы сидите на угольчиках?
Вы летите-ка на красной лужок,
5. Собирайте-ка воску ярого,
Воску ярого да на свечечки,
Вы несите-ка на свято Капище,
Ладе-Матушке поклонитесь —
Лада-Матушка зажигать будет,
10. Душу [имярек] поминать будет!

А душа [имярек] меж столов стоит,
Меж столов стоит, низко кланяется,
Низко кланяется, Богам молится,
Богам молится, родным благодарствует:
15. «Благодарствую вам, мои родные,
Вы собрали на помин всю родню мою,
Всю родню мою, всех подружечек,
Помянули меня из двенадцати блюд.
Первые блюда — Отцу Сварогу,
20. Вторые блюда — Ладе-Матушке,
Третьи блюда — предкам святым,
А остальные блюда — моим родным,
Моим родным, всем добрым людям!»

111. Пчелы ярые (2)

1. Ой вы, пчёлы мои, пчёлы ярые,
Ой вы, пчёлы мои, пчёлы ярые!
3. А и где ж вы, пчёлы, были, куда лётывал
А мы, пчёлы, лётывали в зелены сады,
5. В зелены сады, на белы цветы,
На белы цветы — собирать меды,
7. Собирать меды — сладить кутью,
Сладить кутью — поминать душу,
9. Поминать душу, душу [имярек]

112. На жальнике

На жальнике, на жальнике
На дедовом, на жальнике
Горят свечи, свечи ярые,
Свечи ярые, неугасимые.
5. Там душа Велесу молится,
Велесу молится, к земле клонится:
«Ты, Велесе, пусти домой,
Слетаю я под окошечка,
Загляну я в окошечка,
10. Там застланы мне столики,
Там есть помин на столиках!»
Слетала я под окошечка,
Заглянула я в окошечка —
Позастланы там мне столики,
15. И есть помин там на столиках:
«Вы, детки мои, поминайте меня,
Поминайте меня добрым словом!
Не буду я к вам хаживати,
Не увидите вы моего следа,
20. Не услышите моего голоса
До самой до Красной Горушки,

До самого светлого праздничка!»

113. Как на той ай на Красной на Горушке

Как на той ли на Красной на Горушке,
Как на той ли на Красной на Горушке,
Как на светлом на Дедовом праздничке
Стояла во лесу ель, ель зеленая.

5. Садилась на ту ли да на зелену ель

Птички-пташечки перелётныя,

Птички-пташечки перелётныя —

Души Дедовы, возвратившись.

Садилась они на високу, на зелену ель,

10. Говорили они всё таковы слова:

«Уж ты, зелена ель, наша матушка!

Ты дозволи нам да на твоих ветвях,

На твоих ветвях, на вечно зеленых,

Отдохнуть с пути-дороженьки дальнея!»

15. Отвечала им зеленая ель,

Отвечала им ель высокая:

«Уж вы гой еси, вы птички-пташечки,

Уж вы гой еси, вы перелётныя!

Вы садитесь, пташечки, да на моих ветвях,

20. На моих ветвях, на вечно зеленых,

Отдохнуть с пути-дороженьки дальнея!»

Как на той ли на Красной на Горушке,

Как на той ли на Красной на Горушке,

Как на светлом на Дедовом праздничке

25. Стояла во лесу ель, ель зеленая...

114. Вешние деды (1)

Уж ты ель моя, ель высокая,

Как стоишь ты вечно зелёная,

От Имени Велесова наречённая,

Ронишь хвою свою на Мать Землю Сырую,

5. Хранишь воду Мёртвую да воду Живую.

Как летят по весне из Ирия Светлого

Птицы певчие, сладкогласые,

Летят души предков наших

На птичьих крылах на быстрых.

10. Как садятся они на ветвях твоих

Отдохнуть с дороги — пути неблизкого,

На потомков своих, кто по Правде живот свой длит,

Всё глядят — любятя,

А Родной Земле-Матушке низко кланяются!

15. Уж вы гой еси, Деды Навии,

Расточите вы тлен, нетленны, зорями Ирия!

Разгоните хмарь, ярые крыла!

Соберёмся мы на Горку на Красную,
Справим по вам, Деда, тризну честную,
20. Запалим для вас мы Крады огненные,
Вознесём вам, Деда, требы обильные!
Славны будьте вовек, Деда-Прадеды,
Во роду небесном, во Свете Ирийском,
Во полку Перуновом, на лугах Велесовых,
25. А от нас буди вам, Деда, добрая память! Гой!

115. Вешние деда (2)

Славны будьте, честны отцы да матери!
Славны будьте, честны деда да прадеды,
Вы прежде нас на белом свете жили,
Вы по Родной Земле пред нами ходили,
5. Вы прежде нас сию чару пили,
А ныне иную чару пьёте [со Белесом]
Во стороне да не во здешней,
Во краях во лазоревых,
Там, где Небо со Землёю да сходится,
10. И ни времени, ни сроку не ведаете.
А во един во сей день
Мать Сыра-Земля да растворяется,
Заоблачны Врата да отверзаются,
Честны деда вновь на белый свет идут,
15. Нас, живых, сей день ведут,
Наш подсолнечный мир блюдут.
На сём отцам да матерям почёт воздаём,
А честным дедам да прадедам славу поём,
Славу поём да к себе зовём,
20. Среди нас ныне быти
Да чару с нами пити!
Как честны деда наши прежде деяли,
Так и нам деять заповедали,
Како прежде нас было,
25. Так и вовеки да не прейдёт! Гой!

116. Призывание души предков на дедовы поминки

Уж вы предки мои честные,
Сородичи мои старшие^[95]!
Вам добро принять пожаловать
Чарочку да пива пьяного,
5. Чарочку всё зелена вина
От меня, от внука Даждьбожьего [имярек]]
С моего ли пива пьяного
Не болит буйна головушка,
Не щемит да ретиво сердце;
10. Весело да напиватися,

И легко да просыпаться.
Вы пожалуйста, деды-прадеды,
Щуры да Пращуры рода,
Хлеба-соли наших покушати:
15. Дубовы столы порасставлены,
Яства сахарные — на почестей пир! Гой!

117. «Окликание» родителей на Красную Горку (1)

Со восточной со сторонушки
Налетали ветры буйные,
Расходились тучи чёрные.
А на тех ли на тучах чёрных —
5. Гром гремучий со молоньями,
Со молоньями да с палючими.
Ты ударь, гром гремучий,
Распались огнем-польмем!
Расшиби ты, Громова стрела,
10. Ещё матушку — Мать Сыру-Землю!
А ты, матушка — Мать Сыра-Земля,
Расступись на четыре сторонушки!
Ты раскройся, гробова доска,
Распахнитесь вы, белы саваны,
15. Разойдитесь вы, руки белые,
От ретивого от сердечушка!
Государь ты наш, родный батюшка!
Государыня, родна матушка!
Пробудитесь от сна крепкого,
20. От сна крепкого, вековечного!
Мы пришли на Горку на Красную,
Мы раскинули скатерти браные,
Мы поставили яства сахарные,
Принесли ковши пива сладкого.
25. Государь ты наш, родный батюшка!
Государыня, родна матушка!
Иы придите на Красну на Горушку,
Уж мы сядем на ней да супротив вас,
Мы не можем на вас наглядеться,
40. Мы не можем с вами набаяться^[96]!..

118. «Окликание» родителей на Красную Горку (2)

Родненькие наши батюшки!
Не надсаждайте своего сердца ретивого,
Не рудите своего лица белого,
Не смежите очей горячей слезой!
5. Али вам, родненьким,
Не стало хлеба-соли,
Недостало цветна платья?

Али вам, родненьким,
Встосковалось по отцу с матерью,
10. По милым детушкам,
По ласковым невестушкам?
И вы, наши родненькие,
Встаньте, пробудитесь,
Поглядите на нас, на своих детушек,
15. Как мы горе мычем на сём белом свете!
Без вас-то, наши родненькие,
Опустел высок терем,
Заглох широк двор;
Без вас-то, родимые,
20. Не цветно цветут
В широком поле цветы лазоревы,
Не красно растут дубы в дубровушках.
Уж вы, наши родненькие,
Выгляньте на нас, сирот, из своих домков
25. Да потешьте словом ласковым! Гой!

119. «Окликание» родителей на Красную Горку (3)

Родимые наши батюшки и матушки!
Чем-то мы вас, родимых, прогневали,
Что нет от вас ни привету, ни радости,
Ни тоя прилуки родительской?
5. Уж ты, Солнце, Солнце красное!
Ты взойди, взойди с полуночи,
Ты освети светом радостным все могилушки,
Чтобы нашим покойничкам не во тьме сидеть,
Не с бедой горевать, не с тоской вековать!
10. Уж ты, Месяц, Месяц ясный!
Ты взойди, взойди с вечера,
Ты освети светом радостным все могилушки,
Чтобы нашим покойничкам
Не крушить во тьме своего сердца ретивого,
15. Не скорбеть во тьме по свету белому,
Не проливать во тьме горючих слёз по милым детушкам!
Уж ты, ветер, ветер буйный!
Ты возвей, возвей со полуночи,
Ты принеси весть радостну нашим покойничкам,
20. Что по ним ли все родные в тоске сокрушились,
Что по ним ли все детушки изныли во кручинушке,
Что по ним ли все невестушки с гореваньица надсадились! Гой!

120. «Окликание» родителей на Красную Горку (4)

Ой же вы, наши честны деды да прадеды,
Все наши батюшки да матушки!
Возвеселитесь вы, возрадуйтесь, родимые,

Глядя на то, как мы здесь живём!
5. Мы, честны дети да внуки ваши,
Силушкой богатырскою сильны,
Мудростью прадедовою мудры,
Славою Земли Русской славны!
Ой же вы, наши честны деды да прадеды,
10. Все наши батюшки да матушки!
Возвеселитесь вы, возрадуйтесь, родимые,
Глядя на нас из Светлого Ирия!
Мы, честны дети да внуки ваши,
Силушкой Перуновой сильны,
15. Мудростью Велесовой мудры,
Славою Свароговой славны! Гой!

121. До Дедов

I. Ты, огонь-соколог,
Серенький дымок,
3. Несись на небо,
Поклонись Дедам,
5. Расскажи им,
Как мы здесь живём! Гой!

122. На Дедову сречу (1)^[97]

1. Святы-честны Деды!
Щуры да Пращуры рода!
3. Кличем-зовём вас —
Ходите до нас!
5. Врата Ирийски распахните,
На потомков своих поглядите,
7. Силу свою даруйте,
С нами, честны, пребудьте! Гой!

123. На Дедову сречу (2)

I. Навьи Деды!
Расточите тлен, нетленны,
3. Крылами Вырея!
Восстаньте во роду с нами,
5. Из-Родны от веку!
Славьтесь-величайтесь! Гой!

124. На Дедову Сречу (3)

Навьи Деды,
Ходите до ны!
Расточите тлен
Крылами Вырея!
5. Пребудьте с нами,
Потомками вашими,

В помыслах чистых,
В радениях истых,
В словах правых,
10. В делах славных!
В роду небесном Восславитесь! Гой!

125. На Дедову Сречу (4)

1. Святы Деды!
Кличем-зовём вас,
3. Летите до нас,
До потомков своих,
5. Во сей час! Гой!

126. На Дедову Сречу (5)

1- Деду, Деду,
Иди до обеда!
3. Ты еси и нам даси!
Жертву сию —
5. Под Свято прими! Гой!

127. Моление Земле, Воде и предкам^[98]

Здравы будьте, люди добрые!
(.Земной поклон.)
Слушайте слово, люди добрые!
Слушайте слово, Боги Светлые!
Услышьте слово, предки честные,
Услышь, Отец^[99] — Небо синее,
Услышь, наш Дед^[100] — Солнце красное,
Сей день у нас радость великая,
Радуется Сама Мать Сыра-Земля,
Мать Земля ныне — именинница!
[Земной поклон.]

1. Уж ты, Матушка Земля Сырая,
Мати нам еси родная,
Всех нас еси породила,
Всех еси вскормила,
Ты нас на себе носила,
А пора придёт —
И мы Тебя на себе понесём.
Мать Сыра-Земля!
Ты прими в Себя семя ярое,
Прими зерно доброе,
Возрасти его спелым житом,
Возроди частым колосом,
Возврати его хлебом по осени!
[Земной поклон.]

2. Услышь, река, унеси, река!
Услышь, река, унеси, река!
Ты услышь, река, слово вещее,
Ты возьми, река, слово верное,
Понеси его во сторону ту дальнюю,
Не в полуденну, не в полунощну,
Не в закатную страну да не в восточную,
А во ту во сторону нездешнюю,
Во края во медвяны, лазоревы,
Где живут ныне рахманы честные,
Предки достойные, наши Белые Прародители.
Да услышат рахманы слово вещее,
Да услышат предки, да возрадуются,
Что Сама Мать Земля ныне — именинница!
[Земной поклон.]
Слава!

128. Осенние деды (1)

Из-за леса, леса тёмного,
Из-за моря, моря синего,
Выходила туча грозная,
Всё дождлива^[101], непогодлива.
5. А по утру раным-раненько
Выпадала бел-порошенька.
Как по той ли по порошеньке
Выходили люди вещие,
Люди вещие — честны волхвы.
10. Среди лесу становилися,
Велесу они молилися,
Дедам-перадедам корилися.
На полуночь^[102] обращалися,
Врана вещего^[103] окликивали,
15. Врану вещему челом били,
Говорили таковы слова:
«Ты лети, лети со вестушкой
В чужедальнюю сторонушку,
Нашим батюшкам да матушкам
20. Передай от нас земной поклон!»

129. Осенние деды (2)

Из-за леса, леса тёмного,
Из-за моря, моря синего,
Выходила туча грозная,
Недождлива, непогодлива.
По утру раным-ранёшенько
Выпадала бел-порошенька.

Как по той ли по порошеньке
Выходили люди вещице.
Середь лесу становилися
Да Богам они молилися.
Да кукушечке говаривали,
Да кукушечке наказывали:
«Ты лети, лети, кукушечка,
В чужедальнюю сторонушку,
Ты скажи, скажи, кукушечка,
Нашим батюшкам земной поклон!»

Из-за леса, леса тёмного,
Из-за моря, моря синего,
Выходила туча грозная,
Недождлива, непогодлива.
По утру раным-ранёшенько
Выпадала бел-порошенька.
Как по той ли по порошеньке
Выходили люди вещице.
Середь лесу становилися
Да Богам они молилися.
Да кукушечке говаривали,
Да кукушечке наказывали:
«Ты лети, лети, кукушечка,
В чужедальнюю сторонушку,
Ты скажи, скажи, кукушечка,
Нашим матушкам земной поклон!»

Из-за леса, леса тёмного,
Из-за моря, моря синего,
Выходила туча грозная,
Недождлива, непогодлива.
По утру раным-ранёшенько
Выпадала бел-порошенька.
Как по той ли по порошеньке
Выходили люди вещице.
Середь лесу становилися
Да Богам они молилися.
Да кукушечке говаривали,
Да кукушечке наказывали:
«Ты лети, лети, кукушечка,
В чужедальнюю сторонушку,
Ты скажи, скажи, кукушечка,
Роду нашему земной поклон!»

130. На проводы Дедов [\[104\]](#)

1. Святы Деды!

Вы сюда прилетели,
3. Пили и ели,
Летите же теперь в свой удел! Гой!

131. Моление предкам

Гой еси вы, предки святые,
Во роду нашем старшие!
Вы, мудрые, честные,
Ныне безвестные,
5. Забытые по именам,
Простите нам!
Вы, которые здесь,
Которые были и есть,
Породители, охранители,
10. Корень и сок,
Пришёл срок!
Ваша живая кровь,
Ваша живая новь
Поклоняется вам,
15. Обращается к вам,
Милости просит,
Мудрости просит,
Знания прошлых дней,
Веданья силы своей,
20. Лада зачатым вами,
Взращённым вами,
Хранимым вами! Гой!

132. Заговор вдовы от тоски по усопшему

На море на Окияне есть остров Буян,
На том острове есть камень Алатырь,
У того камня есть баня огненная,
А как во той бане — три доски,
5. А в печи — тридцать три тоски,
Тридцать три тоски по *[имярекусопшего]*.
Пусть горят тоски как те три доски!
Пусть уйдут тоски с внучки Даждьбожьей *[имярек]*:
С ретивого сердца, с думного чела,
10. С ясных очей, с соболиных бровей!
Как на те три доски напускаю тоски,
Тоски тоскучие, тоски плакучие,
Чтобы не мучили внучку Даждьбожью *[имярек]* \\\
Как сгорят три доски,
15. Так уйдут тридцать три тоски!
Слово моё твёрдо, как Алатырь-камень! Гой!

133. Вдовый заговор против Огненного Змея^[105]

Как мертвецу из земли не вставать,
Так и тебе, Огненный Змей,
Ко мне, молодой вдове [имярек], не летать,
Утробы моей не распалати,
5. А сердцу моему не тосковати!
Заговором крепким я заговариваюсь,
Железным замком запираюсь,
Дубовым тыном ограждаюсь,
Водою ключевою омываюсь,
10. Словом Велесовым оберегаюсь!
Слово моё твёрдо,
Матерью-Землёю хранимо,
Огнями не опалимо,
Водами не размовимо,
15. Ветрами не иссушимо,
Никем не преодолимо! Гой!

134. Заговор от преждевременной смерти

Ходила безнога,
Клевала безноса,
Летала бескрыла
Смерть-Мара — черна птица постыла;
5. Как у камня нет плода,
Так Смерти-Маре нет лёта, нет хода
До внука Дажьбожьего [имярек],
По Прави живущего,
Богам Родным славы поющего,
10. А предков своих свято чтущего!
Отныне — до срока, до его века!
Слово моё твёрдо,
Как Алатырь-камень! Гой!

135. Моление Велесу за упокой души

За каким днём ночь не следует?
Кто из живых смерти не ведаёт?
Сладость какая в жизни сей
Пребывает с печалью не смешана?
5. Слава какая стоит на Земле
Нерушима в веках и незыблема?
Но в свете Света Иного,
Во срече с родом небесным,
Во светлых лугах лазоревых,
10. В Иррийских чертогах чудесных
Восстави, Велесе, внука Дажьбожьего
[имярек почившего],
Благому — блага дажди,
Усопшего упокой

Да сотвори ему вечную память! Гой!

136. Поминальная молитва (1)

1. Восславися, внук Даждьбожий [*имярек почившего*],
Во роду небесном! Гой!
3. Помянут будь, внук Даждьбожий [*имярек почившего*],
На лугах Велесовых! Гой!
5. Славен будь, внук Даждьбожий [*имярек почившего*],
Во полку Перуновом! Гой!
7. Блажен будь, внук Даждьбожий [*имярек почившего*],
Во Свете Ирийском! Гой!

137. Поминальная молитва (2)

1. Светлой памяти
Внука Даждьбожьего [*имярек почившего*]
3. С миром еси упокойся прахом,
С родом небесным срещайся Духом,
5. Бело убелися во Свете Ирийском,
В Круге Велесовом от стара к нову
7. Стезёю предков славных идя! Во славу Рода! Гой!

138. Поминальная молитва (3)

1. Во честном успении
Новопреставленному [*имярек*] —
3. Да воссияет Ирийский Свет,
Во роду небесном покой.
5. Будь его праху Ты пухом, Мать Сыра-Земля!
Проводи душу его Ты, Велесе, на Луги Своя!
7. Да сотворите Вы, Родные Боги,
Ему вечную память! Гой!

139. Поминальная молитва (4)

1. Помяни, Велесе, на Лугах Своих
Всех предков моих, честных родичей,
3. От стара до млада, всякого поколения.
Проводи их, Велесе, во Свет Ирийский
3. Да сотвори им вечную память! Гой!

140. Поминальная молитва (5)

1. Помяни, Велесе, на Лугах Твоих
Души предков моих, родителей моих,
3. Внуков Даждьбожьих [*имярек*],
И всех сродников по плоти, вовек ушедших,
5. И всех сродников по Вере, вовек почивших,
И даруй им благости Ирийски,
7. И сотвори им вечную память! Гой!

141. Молитва отходящего к Дедам (1)

Велесе Вещий, Пастырь Небеси!

Прими душу мою, Боже Благ еси! Гой!

142. Молитва отходящего к Дедам (2)

1. Велесе, Вещий Пастырь всех душ!

Прими душу мою, Благий Господи,

3. Со Дедами мя упокой! Гой!

143. На возвращение к жизни умершего (1)

Зачем ты, внук Даждьбожий [имярек],

Перешёл за горы высокие,

Куда тебе переходить не должно?

Зачем ты, внук Даждьбожий [имярек],

5. Переплыл за реки глубокие,

Куда тебе переплывать не должно?

Зачем ты, внук Даждьбожий [имярек],

Вкусил страву мёртвых,

Кою тебе вкушать не должно?

10. Зачем ты, внук Даждьбожий [имярек],

Надел одежду мёртвых,

Кою тебе надевать не должно?

Вы, горы высокие, поворотитесь!

Вы, реки глубокие, расступитесь!

15. Ты, трава мёртвых, хвоей еловою оборотися!

Ты, одежда мёртвых, напылы разойдися!

Ты, внук Даждьбожий [имярек],

Назад к живым, в Явь возвратися!

Слово моё твёрдо, как Алатырь-камень,

20. Волею Велеса, всякую силу осилит!

Да будет так! Гой!

144. На возвращение к жизни умершего (2)

[Имярек]\ [Имярек]\

Оборотись! Оборотись!

С дороги мёртвых вернись!

С дороги мёртвых вернись!

5. К жизни возвратись!

К жизни возвратись!

В Явь возвернись!

В Явь возвернись!

Тебе Велес велит!

10. Тебе Велес велит!

[Имярек]! [Имярек]\

145. На возвращение к жизни умершего (3)

1. Матушка Мара,

Держала — отпускаяй!
3. Жива, прибывай!
[Имярек], оживай! Гой!

146. Заговор на покойника (1)

Из избы покойника понесут, насупротив Солнца крутят его со словами:
Солнышко никогда в другу сторону не воротится,
И ты уж не воротишься! Гой!

147. Заговор на покойника (2)

Тело в яме — душа с нами,
Мы до дому — душа в гору! Гой!

148. Заговор от страха и тоски по покойнику

Чтобы не иметь страха и тоски по покойнику, надо выйти к реке, умыться и сказать:

1. Горе да беда,
Пльви с водой!
3. Радость да веселье,
Пойдём со мной! Гой!

149. Моление Велесу о «неспокойном» покойнике

1. Велесе, Навий Дед,
Оберег ны от бед!
3. Води душу *[имярек почившего]* во Ино,
А от ны отрини! Гой!

150. Заговор на «неспокойного» покойника (1)

1. Вот тебе, *[имярек почившего]*,
Хлеб да соль —
3. У стола не стой,
В окно не гляди,
5. Домой / к живым не ходи! Гой!

151. Заговор на «неспокойного» покойника (2)

1. Вот тебе, *[имярек почившего]*, хлеб-соль,
А из дому нашего никого не тронь!
3. Именем Велесовым заклинаю! Гой!

152. Заговор на «неспокойного» покойника (3)

1. Ты — за рекой,
Мы — за другой;
3. Мы к тебе будем ходить,
А ты к нам — ни ногой! Гой!

153. Заговор на «неспокойного» покойника (4)

1. На тебе грош,
На тебе нож,

3. На тебе рожь^[106],
А нас не трожь! Гой!

154. Заговор на «неспокойного» покойника (5)

1. Сею, сею рожь^[107],
Ты нас не тревожь!
3. Мы к тебе ходить будем,
А ты к нам не ходи! Гой!

155. Заговор на «неспокойного» покойника (5)

1. Вот тебе, [имярек почившего],
Хлеба край,
3. А нас не замай! Гой!

156. Заговор на кладбищенскую землю (1)

При выходе с кладбища отрясают землю с ног, рекут слова:
Живая земля — живым,
А мёртвая — мёртвым! Гой!

157. Заговор на кладбищенскую землю (2)

При выходе с кладбища отрясают землю с ног, рекут слова:
Спади с ног, прах, А с души — страх! Гой!

158. Подблюдная песня-гадание на смерть (1)

Идёт Смерть по улице —
Слава!
Несёт блин на блюде —
Слава!
5. Да кому-то мы поём —
Слава!
Да тому и выпоем —
Слава!
Кому вынется —
скоро сбудется,
10. Тому сбудется —
не минуется!

159. Подблюдная песня-гадание на смерть (2)

1. Идёт Смерть по улице,
Несёт блины на блюде.
3. Кому вынется — тому сбудется,
Тому сбудется — не минуется!

160. Подблюдная песня-гадание на смерть (3)

1. Взял старик стар вострый топор,
Пошёл старик стар во широкий двор,
3. Начал старик стар доски тесать,

Сколотил колоду он — дубовый гроб.

5. Кому вынется — тому сбудется,

Тому сбудется — не минуется!

161. Подблюдная песня-гадание на смерть (4)

1. Обулся не так, оделся не так,

Заехал в ухаб — не выедет никак!

3. Кому вынется — тому сбудется,

Тому сбудется — не минуется!

162. Подблюдная песня-гадание на смерть (5)

1. Везут бревно на семи лошадях,

Если семь не повезут — восьмую подпрягут,

3. Далеко увезут и назад не привезут!

Это сбудется да не минуется

163. Подблюдная песня-гадание на смерть (6)

1. За гумном стоят коники всё запряженные,

Чёрным сукном позастланные.

3. Кому вынется — тому сбудется,

Тому сбудется — не минуется!

164. Подблюдная песня-гадание на смерть (7)

1. Ах ты, зайнышка-ковыляинька,

Ковылял, ковылял, да и на погост попал!

3. Кому вынется — тому сбудется,

Тому сбудется — не минуется!

165. Подблюдная песня-гадание на смерть (8)

1. Ой, висит хомут на воротиках,

Перекину дугу я к тому хомуту.

3. Кому вынется — тому сбудется,

Тому сбудется — не минуется

166. Подблюдная песня-гадание на смерть (9)

1. Сидит петух на воротиках,

Хвосты до земли, голос до небы.

3. Кому вынется — тому сбудется,

Тому сбудется — не минуется!

167. Подблюдная песня-гадание на смерть (10)

1. Стоит корыто — диво, диво!

Желудей намыто — диво, диво!

3. Кому вынется — тому сбудется,

Тому сбудется — не минуется!

168. Подблюдная песня-гадание на смерть (11)

1. Стоит корыто — полотном накрыто.
Кому вынется — тому сбудется,
3. Тому сбудется — не минуется!

169. Подблюдная песня-гадание на смерть (12)

1. Стоит корыто — вторым покрыто.
Кому вынется — тому сбудется,
3. Тому сбудется — не минуется!

170. Подблюдная песня-гадание на смерть (13)

1. Сидит старичок — обувается,
Обувается, на тот свет собирается.
3. Кому вынется — тому сбудется,
Тому сбудется — не минуется!

171. Подблюдная песня-гадание на смерть (14)

1. Обуй лапотки, иди в ельничек.
Кому вынется — тому сбудется,
3. Тому сбудется — не минуется!

172. Подблюдная песня-гадание на смерть (15)

1. Едут бояре из города,
Торчат ноги из короба.
3. Кому вынется — тому сбудется,
Тому сбудется — не минуется!

173. Подблюдная песня-гадание на смерть (16)

1. Идут мужики гробатые,
Гребут землю лопатами.
3. Кому вынется — тому сбудется,
Тому сбудется — не минуется!

174. Подблюдная песня-гадание на смерть (17)

- Старым людям — к смерти, а незамужним — к свадьбе:
1. За речкой мужики богатые
Гребут золото лопатою.
 3. Кому вынется — тому сбудется,
Тому сбудется — не минуется!
 5. [Молодому — к венцу,
А старому — к концу!]

175. Подблюдная песня-гадание на смерть (18)

- Старым людям — к смерти, а незамужним — к свадьбе:
1. Сидит девка на сарае,
Сидит в синем сарафане.
 3. Кому вынется — тому сбудется,
Тому сбудется — не минуется!

5. [Молодому — к венцу, А старому — к концу!]

176. Подблюдная песня-гадание на смерть (19)

Старым людям — к смерти, а незамужним — к свадьбе:

1. Сидит воробей на перегороде,

Глядит воробей на чужу сторону.

3. Кому вынется — тому сбудется,

Тому сбудется — не минуется!

5. [Молодому — к венцу, А старому — к концу!]

177. Подблюдная песня-гадание на смерть (20)

Старым людям — к смерти, а незамужним — к свадьбе:

1. Сидит сироточка на загнуточке,

Печёт перепечечки.

3. Кому вынется — тому сбудется,

Тому сбудется — не минуется!

5. [Молодому — к венцу, А старому — к концу!]

178. Подблюдная песня-гадание на смерть (21)

Старым людям — к смерти, а незамужним — к свадьбе:

1. Молодец с девицей венчаются,

Золотым кольцом обручаются.

3. Кому вынется — тому сбудется,

Тому сбудется — не минуется!

5. [Молодому — к венцу, А старому — к концу!]

179. Подблюдная песня-гадание на смерть (22)

Старым людям — к смерти, а незамужним — к свадьбе:

1. Ходит молодец по бережку,

Глядит молодец на чужу сторону.

3. Кому вынется — тому сбудется,

Тому сбудется — не минуется!

5. [Молодому — к венцу, А старому — к концу!]

180. Подблюдная песня-гадание на смерть (23)

Девке — к замужеству, а старухе — к смерти:

1. Пала иголочка во ящичок.

Кому вынется — тому сбудется,

3. Тому сбудется — не минуется!

181. Подблюдная песня-гадание на смерть (24)

1. По погосту хожу,

Полотенце стелю.

3. Кому вынется — тому сбудется,

Тому сбудется — не минуется!

182. Подблюдная песня-гадание на смерть (25)

Висит полотенечко на стеночке —
Кому полотенечком утирывать?
3. Кому вынется — тому сбудется,
Тому сбудется — не минуется!

183. Подблюдная песня-гадание на смерть (26)

1. По саду хожу, полотенца стелю,
Ещё похожу, ещё постелю!
3. Кому вынется — правда сбудется,
Правда сбудется — не минуется!

184. Подблюдная песня-гадание на смерть (27)

1. Висят рушнички на воротиках,
А кто идёт, тот ими утирается!
3. Кому эта песня достанется,
Тому и сбудется — не минуется!

185. Подблюдная песня-гадание на смерть (28)

1. Сидит сироточка на шерсточке,
Дождается поскребушков.
3. Кому вынется — тому сбудется,
Тому сбудется — не минуется!

186. Подблюдная песня-гадание на смерть (29)

1. Сидит старушка под осиночкой,
Она грозитя хворостиночкой.
3. Кому вынется — тому сбудется,
Тому сбудется — не минуется!

187. Подблюдная песня-гадание на смерть (30)

1. Сидела ворона на столбике,
Очугилась ворона середь избы.
3. Кому вынется — тому сбудется,
Тому сбудется — не минуется!

188. Подблюдная песня-гадание на смерть (31)

1. Села ворона на матицу,
Каркала ворона во всю голову:
3. «В тому дому не быть добру!»
Кому вынется — тому сбудется,
5. Тому сбудется — не минуется!

189. Подблюдная песня-гадание на смерть (32)

1. Мышь пищит, каравай тащит.
Ещё попищит, ещё потащит [\[108\]](#).
3. Кому вынется — тому сбудется,
Тому сбудется — не минуется!

190. Подблюдная песня-гадание на смерть (33)

1. Куда лес погнулся,
Туда галки полетели.
3. Кому вынется — тому сбудется,
Тому сбудется — не минуется!

191. Подблюдная песня-гадание на смерть (34)

1. За печкой мара^[109]
Черным-черна.
3. Сровнялась мара
С господами равна.
5. Так и сбудется,
Не минуется!

192. Подблюдная песня-гадание на смерть (35)

1. Под окошком лежит
Сунаряженное,
3. Да повязанное^[110].
Это сбудется
5. Да не минуется!

193. Подблюдная песня-гадание на смерть (36)

1. Белю, побелю
Бело полотно.
3. Это сбудется
Да не минуется!

194. Подблюдная песня-гадание на смерть (37)

1. Полное корыто
Платков намыто.
3. Так и сбудется,
Не минуется!

195. Подблюдная песня-гадание на смерть (38)

1. В баенке ледок,
В предбаенке ледок.
3. Так и сбудется,
Не минуется!

196. Подблюдная песня-гадание на смерть (39)

1. Покатился венок
С кута на порог.
3. Это сбудется
Да не минуется!

197. Подблюдная песня-гадание на смерть (40)

1. За добром клетка
Не открывается.
3. Это сбудется
Да не минуется!

198. Подблюдная песня-гадание на смерть (41)

1. На полке блины,
На столе сулей^[111].
3. Это сбудется
Да не минуется!

199. Подблюдная песня-гадание на смерть (42)

1. На пороге сижу,
Всё дороги гляжу.
3. Это сбудется
Да не минуется!

200. Подблюдная песня-гадание на смерть (43)

1. Нивка узкая,
Снопья частые^[112].
3. Это сбудется
Да не минуется!

201. Проклятие колядовщиков на смерть^[113] (1)

1. На новый год —
Сосновый гроб,
3. Крышку елову,
Умереть непоздорову!

202. Проклятие колядовщиков на смерть (2)

1. На новый год —
Осиновый гроб,
3. Кол да могилу,
Ободрану кобылу!

203. Проклятие колядовщиков на смерть (3)

1. Под новый год —
Осиновый гроб
3. Кленовую крышку,
Хозяину — еловую шишку!

204. Проклятие колядовщиков на смерть (4)

1. А у нашей господарьни
Под окном ямка.
3. Господарь скрутился,
В ямку увалился.
5. Господарыня пропала,

За ним туда пала!

205. Проклятие колядовщиков на смерть (5)

Не подашь нам блинов да кутьи —
Самому тебе до дедов идти!

206. Проклятие колядовщиков на смерть (6)

Не дашь пирога —
Тебе, хозяин, хвороба!

207. Детская колыбельная — оберег от смерти (1)

Укачивая ребёнка в колыбели перед сном, мать поёт над ним обережную колыбельную песню, по словам которой ребёнок как бы «умирает» для всех болезней и недугов:

Баю, баю да люли!
Хоть теперь умри,
Завтра у матери
Кисель да блины^[114] —
5. То поминки твои.
Сделаем гробок
Из семидесяти досок,
Выкопаем могилку
На плешивой горе,
10. На плешивой горе,
Велесовой стороне.
В лес по ягоды пойдём,
К тебе, дитятко, зайдём!

208. Детская колыбельная — оберег от смерти (3)

Баю, баю да люли,
Хоть сегодня умри!
Сколочу тебе гробок
Из дубовых досок.
5. Завтра — мороз,
Снесут на погост.
Бабушка-старушка,
Отрежь полотенце
Накрывать младенца!
10. Мы поплачем, повоем,
[Имярек] в могилку зароем!

209. Детская колыбельная — оберег от смерти (4)

Баюшки, баю,
Не ложися на краю!
Заутро — мороз,
А тебя — на погост.
5. Сварог придёт,

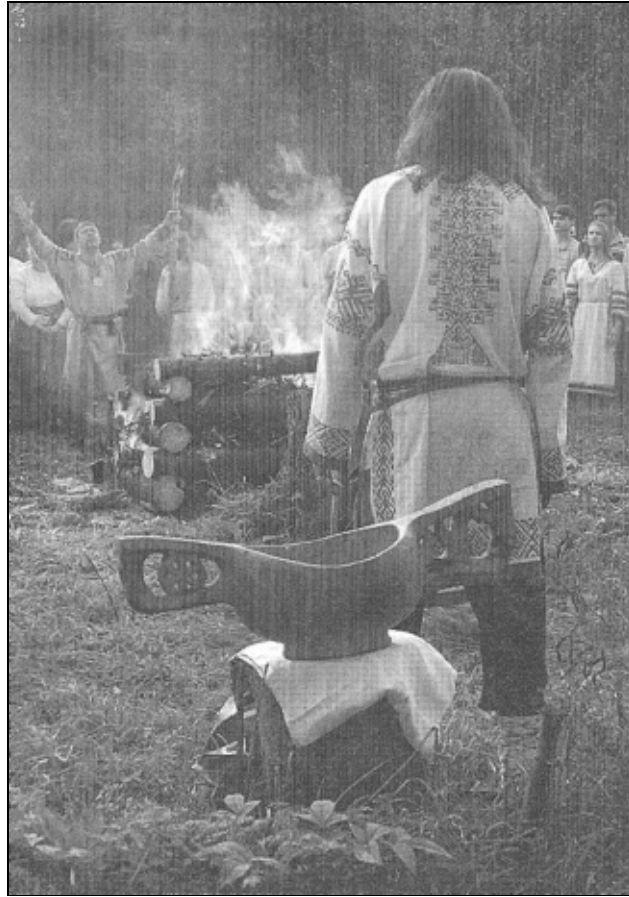
Гробок принесёт;
Лада придёт,
Холста принесёт.
Макошь придёт —
10. Голосок поведёт,
Велес придёт —
На погост отнесёт.
Баюшки, баю,
Не ложися на краю!

210. Детская колыбельная — оберег от смерти (4)

1. Спи, дитя моё мило,
Будет к осени друго,
3. К именинам третьё!
Сядни [имярек] помрёт,
5. Завтра похороны,
Будем [имярек] хоронить,
7. В большой колокол звонить!

Слава Роду!

Нечто о похоронной обрядности или как оберечься от «неспокойного» покойника

1. Если боятся, что умерший окажется *неспокойным*, несут ему на могилу хлеб да соль, рекут:

Вот тебе, [имярек], хлеб да соль!
У стола не стой,
В окно не гляди, Домой не ходи! Гой!

2. Если тело умершего предаётся Земле, а не Огню, в гроб кладут медную монету, кованый нож и обсыпают тело покойника зёрнами ржи, рекут:

На тебе грош, На тебе нож, На тебе рожь, А нас не трожь! Гой!

3. Обсыпают могилу рожью, рекут:

Сею, сею рожь!
Ты нас не тревожь,
Мы к тебе ходить будем,
А ты к нам не ходи! Гой!

4. О *неспокойном* покойнике просят Вещего Бога провести душу умершего во Ино, дабы она не оставалась на Кромке и не беспокоила живущих в Яви. Рекут слова:

Велесе, Навий Дед!
Оберег нас от бед,
Води душу [имярек] во И но,
А от нас отрини! Гой!

Слава Роду!
[2005]

Весенние славянские обряды в честь мертвых

1. Во многих славянских землях до сих пор сохранились праздники в честь мёртвых. Народ ходит на жальники (могильники) 1 сухеня [*марта*], в час рассвета, и там приносит жертвы мёртвым. День этот носит название — **Навий день** и посвящён Богу Велесу, Навьему Владыке, и Богине Смерти Морене.

2. Седмица перед Именинами Земли носит название — **Навья седмица**, или **Вешние Деды**.

Это время, когда поминают мёртвых и радуются победе Вечной Жизни над Смертью (отсюда происходит название праздника — **Радуница**).

3. Вообще, любой обряд в честь мёртвых имеет своё название — **тризна**. Тризна по умершим есть, прежде всего, пир, творимый в их честь. Со временем славянскую тризну изменили в поминки, которые совершают в нынешнее время даже несведущие (неверующие) люди.

4. Тризна представляет собой многоступенчатый обряд. Люди приносят на могильники лепёшки, пироги, крашеные (неприменно в *красный* цвет — цвет жизни и возрождения) яйца, медовуху, и поминают мёртвого. При этом обычно женщины и девушки причитают.

5. **Причитанием** вообще называют плач по покойнику, но не бесчинное нечленораздельное кликушество (род болезненного припадка) и не бессловесный плач — без слёз и часто даже без звука, либо сопровождаемый всхлипыванием и повременными стонами. Нет, это печальная песня потери, лишения, автор которой — сам потерпевший или понёсший утрату.

6. Так, обливаясь горячими слезами об умершем родственнике и будучи не в состоянии затаить в себе душевной боли от разлуки, родственник, а чаще родственница поминаемого — падает на могильник, где скрыт прах, или стоит рядом, ударяя себе в грудь, плачет, выражая

нараспев своё чувство в словах, сказанных от всей души, от всего Сердца — глубоко прочувствованных, как правило, несущих на себе глубокий отпечаток народного сказительства.

7. Ниже приведены примеры таких песен-причитаний:

1) Плач дочери по отцу

Со восточной со сторонушки
Подышались да ветры буйные
Со громами да со гремучими,
С моленьями да со палючими;
Пала, пала с не бе си звезда
Всё на батюшкину на могилушку...
Расшиби-ка ты,
Громова стрела,
Ещё матушку — да
Мать Сыру-Землю!
Развались-кося, ты, Мать-Зелия,
Что на все четыре стороны!
Скройся-ко, да гробова доска,
Распахнитеся, да белы саваны!
Отвалитесь, да ручки белья,
От ретива от сердечушка!
Разожмитесь, да уста сахарныя!
Обернись-кося, да мой родимый батюшка,
Перелётным ты да ясным соколом,
Ты слетай-кося да на сине море,
На сине море да Хвальнское,
Ты обмой-ко, родной мой батюшко,
Со белова лица ржавщину;
Прилети-ко ты, мой батюшко,
На свой-то да на высок терем,
Всё под кутное да под окошечко,
Ты послушай-ко, родимый батюшко,
Горе горьких наших песенок...

2) Плач старухи по старику

На кого ты, милый мой, обнадеялся?
И на кого ты оположился?
Оставляешь ты меня, горе-горькую,
Без теплова свово гнёздышка!..
Ни от кого-то мне, горе-горькой,
Нету мне слова ласкова,
Нет то мне слова приветлива.
Нет-то у меня, горе-горькой,

Ни роду-то, ни племени,
Ни поильца мне, ни кормильца...
Остаюсь-то я, горе-горькая,
Старым-то я старёшенька,
Одна да одинёшенька.
Работать мне — изможенья нет.
Нет-то у меня роду-племени;
Не с кем мне думу думати,
Не с кем мне слово молвити:
Нету меня милова ладушки...

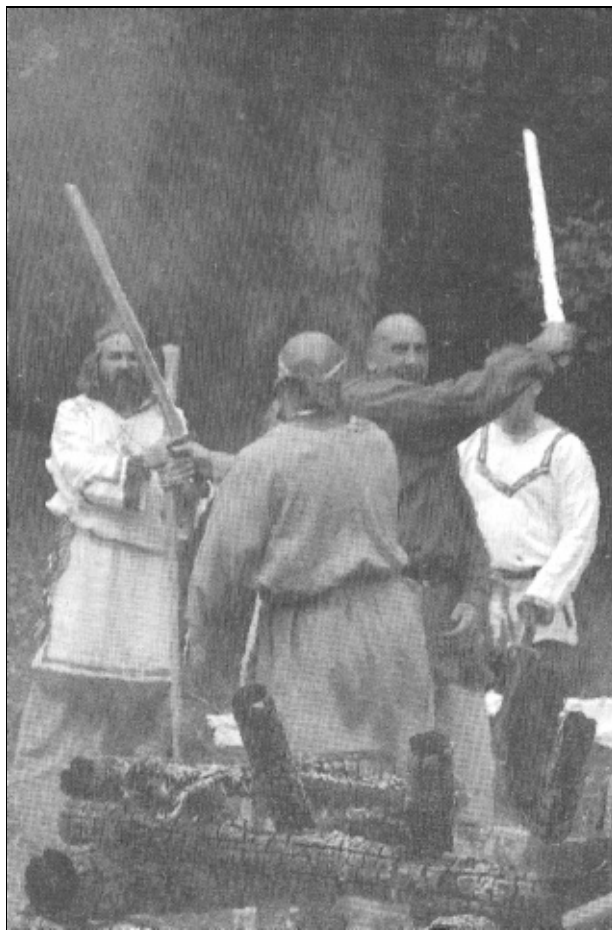
8. После причитаний устраивается тризна — поминальный пир с угощением всех собравшихся, после которого родственники поминаемого — как молодые парни, так и зрелые мужи — меряются силами и воинским умением друг с другом, дабы предок их мог порадоваться силе и удали своих потомков, живущих в Яви.

9. Помимо внутрисемейных или внутриродовых, также справляются тризны, в которых принимает участие весь мир (народ), вся община (состоящая из представителей разных родов). Именно такие тризны повсеместно совершаются на Вешних Дедов, Радуницу или Навий Великдень. Пир, воинские состязания, а также песни и хвалы — доставляют отраду душам умерших, и они за это внушают живым полезную мысль или дают совет...

Слава Роду!

[2005]

Похоронный обряд

По книге старейшины ССО СРВ^[115] В.С. Казакова «Именослов»^[116]

Простейший славянский похоронный обряд состоит в следующем:

«Аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и посемъ творяху краду велику[1], и възложатъ и на краду мертвеца сожжаху[2], а по сем собравши кости [3], вложатъ въ су дину малу[4] и поставжжу на столпе [5] на путехъ[6], еже творять Вятичи и ныне[7]».

Нестерова летопись, стр. 8.)

[1] Крада — особый костёр, «крадущий» из нашего мира положенные на него предметы, выкладывается в виде прямоугольника, высотой по плечи человека. На одну домовину необходимо брать в десять раз более дров по весу. Дрова должны быть дубовые или берёзовые. Домовина же делается в виде ладьи, лодки и т. д. Причём нос ладьи ставят на закат Солнца. Самым подходящим днём для похорон считается пятница — день Макоши. Покойника одевают во всё белое, закрывают белым покрывалом, кладут в домовину *милодары* и поминальную еду. Горшок ставят в ногах покойного. Покойник у вятичей должен лежать головой на запад.

[2] Поджигает Краду старейшина, либо жрец, раздевшись по пояс и стоя спиной к Краде. Поджигают её днём, на закате, чтобы покойный «видел» свет и «шёл» вслед за уходящим Солнцем. Внутренность Крады набита легковоспламеняющейся соломой и ветками. После того, как огонь разгорится, читается погребальная молитва^[117], например:

...Се сва оне ыде
А тужде отроце одъверзещеши врата оиа.
А вейдеши в онъ — то бо есе красень Ирий,
А тамо Ра-река теце, Якова оделяшешеть
Свершу одо Яве.
А Ченслобогъученсте дне нашиа
А рещеть богови ченсла сва.
А быте дне сварзеню
Ниже быте ноще.
А усекнуте ты,
Бо се есе — явски.
А сьи есте во дне божстем,
А в носще никий есь,
Иножде бог Дид-Дуб-Сноп наш...

/Ср. из «Велесовой книги»^[118]:

...А СЕ СВА ОНИЕ ОДЕ А ТУЖДЕ ОТРОЩЕ И со всеми ними иди, и тут же И со всеми
ними иди, и тут же отрок

ВО НЪТО БО ЕСЕ КРАСИЕН РАИ СЛАВЬСЕК
отворит (тебе) врата те и войдѣшь в них. То есть красен Рай (Ирий) славянский!

ИА ТАМО РА РИЕКА ТЕНЦЕ ИАКОВА ОДЕ- ЛИАЩЕШЕТЬ СВРЪГУ ОДО ИАВЕ ИА
ЧЕНСЛОБГ

И там Ра-река течет, коя отделяет Сваргу от Яви. И Числобог
УЦТЕ ДНЕ НАШИИА А РЕЩЕТЬ БЪГОВИ ЧЕНСЛА СВА А БОИТЕ ДНЕ СВРЗЕНИУ
считает/учитывает дни наши, и говорит Богам числа свои. Быть ли дня совершению

НИЖЕ БОТЕ НОЩЕ А ОУСНОУТЕ ТОЙ БО СЕ ЕСЕ ИА ВСК ИАСОИИ ЕСТЕ ВО
или же быть ночи, и погибнуть тем. Ибо есть всякий суть есть (т. е. жив) во

ДНЕ БЖЪСТИЕМ А В НОСЩЕ НИКНИ ЕСЬ ИНОЖДЕ БГ ДИД ДУБ СНОП НАШБ...
дне Божеском, а в ночи никого нет. Лишь Бог — Дед, Дуб, Сноп наш...^[119]/

По окончании молитвы все замолкают до тех пор, пока к небу не поднимется огромный
столб пламени — знак того, что умерший поднялся ко Сварге.

[3] У Северян, например, принято было кости не собирать, а насыпать сверху малый холм,
на котором устраивалась тризна. Возложив сверху оружие и милодары, участники тризны
расходились, чтобы набрать в шлемы земли и насыпать уже большой могильный холм.

[4] В глиняный горшок.

[5] В маленькой погребальной избушке «на курьих ножках».

[6] На пути из селения к закату Солнца.

[7] Обычай ставить избушки «на курьих ножках» над могилой сохранился в Калужской
области до 30-х годов XX века.

Примечание: Присутствующие на похоронах должны быть в белой похоронной одежде или

с белыми похоронными накидками. В знак скорби женщины покрывают голову белым покрывалом.

Слава Роду!

[2005]

Злату Сваргу освети, погребальный костёр!
Я в последний раз взгляну на родные поля,
Вместе с дымом подымусь, порасправлю крыла;
Над просторами земли — неба синий шатёр...

1. Огнь-пламень ты, яр наш батюшка, Свет-Сварожнч! Дозволи те славу творити — не во злобе, не во гневе, не в суете, не в маяте! Славися-величаися, чествуйся-разгораися! Ярым пламенем, кудрями златыми — ко небу ко самому подымайся! Отвори пути-дороги во Светлы Божски Чертоги! Освети землю, отверзни небо! Гой! Сва! Слава!

УЖ ВЫ ГОЙ ЕСИ ЛЮДИ ДОБРЫЕ ПРИГОТОВЬТЕ ВЫ МЕСТО КРАСНОЕ ДЛЯ ОТХОДА [ИМЯРЕК ПОЧИВШЕГО] К БЕЛЫМ ПРАРОДИТЕЛЯМ ПРИГОТОВЬТЕ И ОБРЯДИТЕ СОРОДИЧА ВАШЕГО [ИМЯРЕК ПОЧИВШЕГО] ДЛЯ ОТХОДА К БЕЛЫМ ПРАРОДИТЕЛЯМ ВО СВЕТЕЛ УДЕЛ ИХ ДА НЕ ТОСКОЙ-КРУЧИНУШКОЙ А СЛАВНОЙ СЛАВУШКОЙ ДА ЯРОЙ СИЛУШКОЙ ПРОВОДИТЕ [ИМЯРЕК ПОЧИВШЕГО] ВО СВЕТ ИРИЯ!

ГОЙ!

2. Огнь-пламень ты, яр наш батюшка, Свет-Сва- рожнч! Славы те речем, требы те кладём, поклоны тебе бьём! Буди, Светлый, ко ны милостив! Пребуди ярен, пребуди славен — славен да трисла- вен! Гой! Сва! Слава!

СЕ КРАДА БОЖЬЯ СИЛА СВАРОЖЬЯ ДРОВЯНЫ ПАЛАТЫ ДА ОГНЕННЫ ВРАТЫ НЕЗРИМЫ СТУПЕНИ ДА ИРИЙСКО ПЕНЬЕ ОТ НАШИХ ПОРОГОВ ДО БОЖЬИХ ЧЕРТОГОВ А СТА БОГОХОЖЕ СВАРТЕ ПРИГОЖЕ ВСЕМ БОГАМ РОДНЫМ ДА ПРЕДКАМ СВЯТЫМ!

ГОЙ!

3. Огнь-пламень ты, яр наш батюшка, Свет-Сва- рожич! Боже Огнекудрый, Пресветлый, Премудрый! Жертвы Ядущий, со небес Грядущий! Преле- пый, Преблагой, Боже наш Честной! Угли распали, пламя разгори — Краду всполыми, славу вознеси! Гой! Сва! Слава!

ОГНИВО ЯРИВО ГОТОВО СТАВИМО СВЕТОВО СВЕТИВО ГОТОВО ДЕТИВО
ЗДРАВИМО ПРАВИМО БОГОВО СЛАВИМО ОГНИВО ЯРИВО БЛАГОМО ДАРИМО!

ГОЙ!

4. Уж ты гой еси, ты Свято Крадо! Чисто Лоно, Честны Врата! Вы откройтесь, вы отверзнитеесь — во Закрадень-Свет стези ладити! Стези ладити — в Ино грядити! Огнем рядити — силой спрядити! Чистым — во Чисто! Светлым — во Светло! Гой! Сва! Слава!

ДИДЕВО КРАДИВО СВЕТИМО СВЯТИМО ПРИДЕМО СТАВИМО БЛАГОМО ДАРИМО
СТАНИ-ВОССТАНИМО БОГОВО СЛАВИМО СНИДЕМО СПРЯДЕМО ЯРО ВОЗЪЯРИМО!
ГОЙ!

5. Яри же, Огнь, сила Богова! Пали Краду чест- ну — восстань во Свету! Гой! Сва! Слава!
КОЛОВО ЯРИВО СВЕТОМО ЗАРИМО МАРОМО БОРИМО БЛАГОМО ДАРИМО
КРАДОМО ПАЛИМО БОГОВО СЛАВИМО БУДИМО С НАМИБО В РОДУ ВОССТАНИМО!
ГОЙ!

6. Уж ты гой еси, ты Свято Крадо! Дивьей Ло- дией — вознесися! С земли в Ирий ты — подымися! Белым светом ты — яко морюшком, быстрым ветром ты — яко пёрышком! Возгори — восстань, вознеси — возгрянь! Гой! Сва! Слава!

ИРИЙ-ЗАКРАДЕНЬ БЛАГОСТЕЙ КЛАДЕНЬ СВЯТО КРАДО! РАДОСТЕЙ РАДИ РАТЬЮ
ВОЗГРЯДИ

СВЯТО КРАДО! НЕ УМРЕ В РОТЕ ВОССТАВИ В РОДЕ

СВЯТО КРАДО! НЕ УМРЕ В РЯДЕ ВОССТАВИ В ЛАДЕ СВЯТО КРАДО! ОГНЕМ
ОХВАТИ СИЛОЙ ОПРЯДИ СВЯТО КРАДО! К НЕБУ ВОЗНЕСИ К ЖИЗНИ ВОСКРЕСИ СВЯТО
КРАДО! СВАРГЕ ПРИБЫТИ ЯРО ЯРИТИ СВЯТО КРАДО! РОДУ РОДИТИ ПРАВИ ВЕРШИТИ!
СВЯТО КРАДО! ГОЙ!

7. Возгремим же, други, мечами, възъяримся Ярю Огненной, сомкнёмся плечами — коло-
обе-рег! Отыди, Мара! Восславися, Жива!

Зрите, сородичи: Ветры Буйные — внуци Стрибожьи реют во небе! Слава! Лодья Дивия над
земью летит, птицы Ирийски ей путь указуют! Слава! Глядят очи предков в Сердца наши! Слава!
Зрит род небесный потомков своих! Слава! Род небесный и род земной — един Род! Слава!

8. Возрадуйтеь, Деды да Прадеды, Шуры да Пращуры рода: ЖИВА РУСЬ! И быть по сему
— вовек! Земле Светорусской — слава! Богам Родным и предкам святым — слава! Всему народу
русскому — слава!

Слава Роду!

[2002]

Уж вы гой еси, вы люди добрые!
Приготовьте вы место красное
Для отхода [имярек почившего]
К Бельш Прародителям!
Приготовьте и обрядите
Сородича вашего [имярек почившего]
Для отхода к Бельш Прародителям
Во светел удел Их!
Не тоской-кручинушкой,
А славной славушкой
Да ярой силушкой
Проводите [имярек почившего]
Во Свет Ирия!
Да взойдёт честной [имярек почившего]
С красного места во Свет Ирия,
К Бельш Прародителям! Гой!

Тризну творити — волхвам по-за мрое [\[120\]](#) ходити,
воинам-ратаям — силу ярити,
а всем родовичам честным — предков славити.

Творят тризны:

- 1) Волховскую — волхва почившего провожая;
- 2) Ратайскую — воина павшего прославляя;
- 3) Родовую (общую) — сородича честного поминая.

Т

ворят тризны:

- 1) На Краду тело почившего возлагая;

2) На девятины (девятый день по смерти) покойного поминая;

3) Сороковины (сорок дней) по покойному справляя;

4) Год по смерти его отмечая.

Предавая плоть брэнную огню, а прах оставшийся земле, чают возрождение души сородича во роду небесном. О сём же рекут:

Восславися во роду небесном! Гой!

Либо:

Блажен будь на Лугах Велесовых! Гой!

Либо:

Славен будь во Полку Перуновом! Гой!

Либо:

Блажен будь во Свете Ирийском! Гой!

Предки наши во времена их творили тризны тако:

АЗ) Тело почившего воскладали на особливо приготовленную Ладью Велесову, а оную ставили на Краду великую. Во Ладью же, окромя тела, клали дары да вещи почившего, по сословной принадлежности его.

БОГОВ) Волхвы зажигали Краду, рекли славы Родным Богам и предкам, просили милости Божеской ко душе почившего.

ВЕДАЮ) Прах, оставшийся от преданного огню тела, предавали земле либо воде. Исполняя волю почившего, прах могли развеять над землёй либо над водой на все четыре ветра. На месте сожжения тела либо захоронения праха насыпали поминальный курган — Красную горку.

ГЛАГОЛЮ) Почившего воина чтили обрядовыми ратаниями, бряцанием оружия о щиты да всевозможными дружинными почестями.

ДОБРО) После обрядовых ратаний устраивали поминальный пир.

В наше время, когда сжигание тела производится в *крематории*, из сего обрядива вершат лишь то, что возможно, и так, как это уместно ныне.

А на девять да на сорок дней творят тризны тако:

АЗ) На месте, особливо для сего действия подготовленном, складывают малую Краду. Поверх неё заранее расстилают рушник без обережной вышивки, на который ставят деревянную утицу с поминальными дарами (некоторые из них могут быть положены в отдельные деревянные сосуды), среди коих уместны:

а) кутья;

б) хлеб, пироги;

в) жертвенное пиво;

г) злато-серебро (мелкие монеты);

д) зерно, коим, как правило, обсыпают всю Краду; и т. д.

БОГОВ) Жрец, проводящий обряд, приглашает родных и близких почившего встать коло Крады. Затем — речёт обережные словеса на собравшихся, дабы Явь с Навью не смешивались, но по Уделам их разнились.

ВЕДАЮ) Запаляя Краду, жрец речёт словеса на огонь, како в «Уряднике Малом» [\[121\]](#) нашем писано.

ГЛАГОЛЮ) Когда огонь возожжён, жрец речёт прославление Роду:

Славлю Единого Рода Всебога,

Всесущего Вседержителя Неизреченного,

Яви и Нави Создателя,

Прави Вышней Держателя,
Плоти, крови и жизни всей Творца и Хранителя,
Что в Белобоге оберегает, В Чернобоге в прах сокрушает,
Дабы вновь во срок свой из праха вознесть!

И далее:

Славлю Единого Рода Всебога,
Всесущего Вседержителя Неизреченного,
Собою из Себя Всемирье явившего,
Всё сущее в Яви и Нави породившего,
Правью Вышней Тремирье скрепившего,
Предка предков наших,
От Коего верви родов земных ведём,
С Коим во роду небесном
По смерти воссоединение чаем,
Кто Духом Своим живит,
Кто Силой Своей крепит,
Зовом памяти Родовой направляет —
Ему, Всебогу Всесущему, Всеединому,
Стезю Прави налл даровавгиему —
Слава вовек!

Затем — просит у Велеса оберега от Навьих духов:

Велесе Боже,
Сам тьмы преможе!
Ставь коло ны
Высоки тыны,
Чтоб кощны рати
Не могли яти
Во людях живу,
А в родах силу! Гой!

Затем — обращается к Володетелю Чертогов Навьих:

Ходай, Чернобоже, коло окруте,
Подай, Чрнобоже, Иновой сути,
Отведи, Грозне, Инову сречу,
Умертви, Строже, тягости с плечей,
А ста, Великий, в оберег ночи,
А даждь во мраце прозящи очи! Гой!

И далее:

Смерть не страшна, страгино отчаянье;
Не кары прошу, но урока,
Не препятствия, но преодоления,
Не погибели, но Перехода! Гой!

Затем — обращается к Навьей Владычице:

Мара-Мати,
Ину стати,
Ину быти,
Сечи нити,
Хлади в ночи,
Гляди в очи,
Води Наве,
Мрети Маре!
Гой, Черна Мати! Гой-Ма!

И затем — вновь к Кощному Владыке:

Коще ходи -
Ино води,
Коще гляди —
Мары ради,
Коще Грозне —
В Яви розне,
Кощеяти —
Нави стати! Гой!

И далее:

Родимся на смерть,
Умираем на жизнь —
Так было, так есть и так будет!
От века до века! От Кола до Кала! Гой!

ДОБРО) Затем жрец речёт словеса на Краду:

Вспыхни пламенем,
Крады перекрест!
Хмари тёмные
Разгони окрест!
От Сырой Зеллли
К Небу воздыми
Огненны крыла,
Огне боже! Сва [\[122\]](#)! Слава! Гой!

И далее:

Огонь-пламень,
Яр наш Батюшка,
Свет-Сварожич!
Боже Огнекудрый,
Пресветлый, Премудрый,
Прелепый, Преплагой,
Боже наш честной!
Пламя разгори,
Краду вспольши,
Пламя вознеси
До Богов Родных,
До предков святых,
До рода небесна,
До Ирия честна! Гой еси Сва! Слава!

И далее:

Уж ты Сва еси, ты свято Крадо,
Чисто Лоно, честны Врата!
Вы откройтеся, вы отверзнитеся
Во Закрадень-Свет стези ладити,
Огнем рядити, силои спрядити,
Чистым — во чисто,
Светлым — во светло! Гой еси Сва! Слава!

И далее:

Уж ты Сва еси, ты свято Крадо,
Огня-пламеня светозаренье!
Дивъей Лодией вознесися ты,
С земли в Ирий-Свет поднимися ты,

Белым светом ты, яко морюгиком,
Буйным ветром ты, яко перышком,
Возгори-восстань, вознеси-возгрянь! Гой еси Сва! Слава!

Затем — обращается к Желе:

Мати Желя, Богиня скорби!
Сойди до ны днесе,
Слёз Своих не жалея,
Дождями пролей,
Поплачь-порыдай,
Покой телу дай! Гой-Ма!

ЕСТЬ) Затем жрец речёт словеса, обращаясь к Огню Сварожичу и/или к Земле-Матушке, смотря по тому, как было упокоено тело (сожиганне в огне или упокоение тела/праха в земле):

Предано тело почившего [имярек] Огню Сварожичу.
Да вознесёт Он душу его споро во Свет Ирийский,
Во род небесный, ко святым предкам нашим! Гой!

Либо:

Предано тело/прах почившего [имярек] Зеллле-Матушке.
Да будет Мать Сыра-Зелля постелью вечной
телу бренному, Да упокоится тело/прах почившего [имярек]
во Зелгле Сырой, Яко дитя на руках матери спит! Гой-Ма!
Затем жрец просит Велеса быть проводником души почившего во Ино:
Велесе по-за мрое ходяше,
Навии по Кромье водяше,
Велии луга охраняше,
Во Ино ны проводяше,
Будь проводником для [имярек почившего]!
Веди душу его по Калинову мосту
Да за реку ту Смородину,
Суди его судом праведнъш
И не предай безвинно Кощному Богу -
Во Марину тьму кромешную,
А путь во Свет Ирийский укажи! Гой!

Либо:

Гой ты Велесе, Судия Вещий, во Нави сущий!
Води душу почившего [имярек] на Луги Твоя —
Во Свет Ирийский, Во род небесный,

Бо жива Собы ея, Коя от Рода несмертна Суть! Гой!

Затем, обращаясь к стоящим коло сородичам почившего, жрец, воздев руки горе, речёт:

Зрите, сородичи:

Ветры буйные — внуци Стрибожии реют во небе! Слава!

Ладья Дивия над Зелиёю летит,

Птицы Ирийски ей путь указуют! Слава!

Зрят очи предков святых Пламень Сердец наших! Слава!

Зрит род небесный — Родные Боги и предки наши —

Честных потомков своих! Слава! Слава! Слава!

И далее:

Коло — оберег! Отыди, Мара!

Восславися, Жива! Гой-Ма!

И далее — прославление Рода:

Роду Всебогу Вседержителю Всесущему — слава!

Роду небесному и предкам святым — слава!

Роду Земному и всем сородичам честным, по Прави живущим — слава!

И в заключение:

Дедам и прадедам,

Щурам и Пращурам рода,

Старшим во роду нашем,

Во Свет Ирийский ушедшим —

Светлая память! Гой!

ЖИЗНЬ) А егда сородичи возжелают помянуть почившего сами, то Сердцем к оному обрятысь, рекут тако:

Светлой памяти Внука Даждьбожьего [имярек почившего]!

С миром еси упокойся прахом,

С родом небесным срещайся Духом,

Бело у белися во Свете Ирийском,

В Круге Велесовом^[123] от стара к нову
Стезёю предков славных идя! Во славу Рода! Гой!

Либо — рекут, поминая тако всех предков своих:

Помяни, Велесе, на Лугах Своих
Всех предков моих, честных родичей,
От стара до млада, всякого поколения.
Проводи их, Велесе, во Свет Ирийский
Да сотвори им вечную память! Гой!

Поминать предков хорошо на Вешних и Осенних Дедов, а тако же в другие Святодни, когда сие уместно (подробнее о сём — см., например, наше «Коло года»^[124]). В частных же радениях поминать их можно в любой день — по велению Сердца.

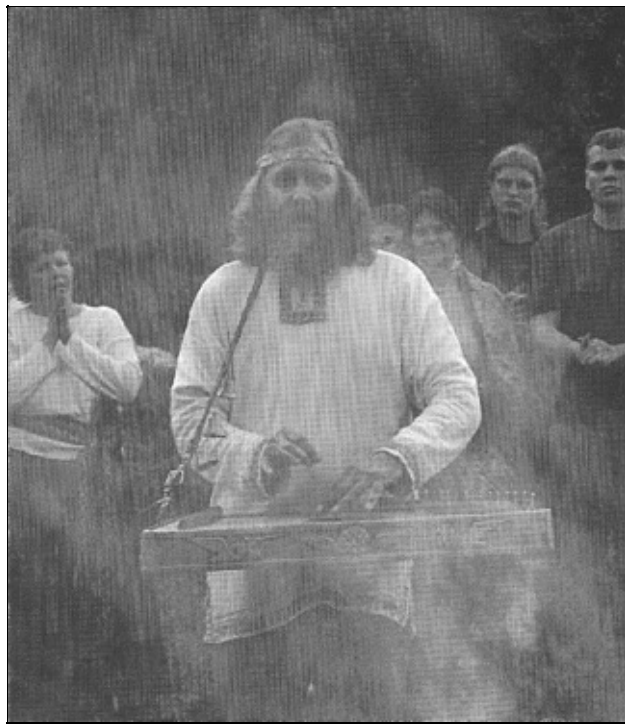
Слава Роду!
[2005]

1. Дух Рода простёрт повсюду — Бессмертный, Неувядающий, Неранимый. Из Него выходят души наши и к Нему возвращаются, когда истекает их срок [пребывания в Яви].
2. Явление и Растворение — Жизнь и Смерть, за которыми следует Возрождение. Познавший Явь и Навь — обретает мудрость *Вещего*, превзошедший их в Сердце своём — облачается Правью.
3. Золотым Огнём блещет Дажьбога лик. Златые крыла расперил на Краде сын Сварога — Сва- рожич Огонь.
4. Белый Путь отворён! Зрите, сородичи: несёт Огнебог душу почившего внука Дажьбожьего [имярек] ко Вратам Чертога Солнцеликого брата Своего!
5. А за синим небом, где властвует Трисветлое Солнце, блещет Светом Немеркнувшим Сварга Златая — Удел Богов Родных наших во Славе и Крепости Вышней!
6. Вихрь неостановимый, бессмертный увлекает душу почившего внука Дажьбожьего [имярек] в Обители Ирийские, на срету с родом небесным и предками славными!
7. Там, на лугах Закрадных, в Чертогах Велесовых^[125] узрит он тех, кто ушли до него, чьей силой род наш живёт, чью Память Кровь наша хранит.
8. О, Огнебоже, вестник Вышнего! Боже дивный, вехи Пути ведающий! Веди почившего внука Дажьбожьего [имярек] от тьмы к Свету, стезёю отцов и праотцев, дедов и прадедов, Щуров и Пращуров рода нашего!
9. Сожги, спали, Огнебоже Светозарный, Семи- пламенный, всё нечистое, отврати от нас всякую Кривду и веди нас стезёю Правды — от Кола до Кола, отныне — вовек! Слава Тебе! Гой!

Слава Роду!

[2006]

notes

Духовное начало человека, наше истинное Я. — *Здесь и далее прим. влх. Велеслава.*

По поверьям, некоторые из числа умерших «не своей» смертью могут выходить ночью из могил и вредить живым, ходя по земле до первых петухов. Такие «неспокойные» покойники обречены пребывать на Кромке меж Явью и Навью до тех пор, пока не иссякнут отмеренные им жизненные силы, которые они не успели истратить при жизни. По поверьям, Мать Сыра-Земля не принимает заложных покойников семь лет, в течение которых они зачастую становятся упырями, пьющими кровь живых людей. Также заложники покойники могут быть ответственны за пепогоду: утопленник может вызвать засуху (для её предотвращения деревенские вдовы по ночам поливают его могилу водой), удавленник — нагнать разрушительные ветряные вихри и т. д.

Например, за оградой кладбища.

Например, листьями от березового веника. Так, в Ярославской губернии бытует выражение: «пора на веники», что значит: «пора умирать».

Зеркало, по поверьям, само по себе является своего рода «окном» в Навь, заглядывая в которое, гадают на Зимние Святки, ворожат и т. д.

«Покойницкий» веник, то есть тот, которым мели пол сразу после выноса покойника, обычно выбрасывают вместе с мусором подальше от дома или бросают в воду, сжигают и т. п. Иногда, впрочем, его сохраняют — как оберег от злых чар.

Считается, что «отпевая» покойника в христианской церкви, родственники почившего тем самым отдают его душу в посмертное рабство иудейскому племенному богу, делая её изгоем в своём роду. Конечно, праведным и сильным душам иудео-христианские обряды не могут принести сколько-нибудь ощутимого вреда, но для неокрепших душ такое «отпевание» будет равносильно проклятию и отчуждению от рода небесного и помощи предков на неопределённый срок. В таком случае родственникам следует обратиться за помощью к сведущим в сём деле волхвам, помолиться за усопшего Родным Богам и совершить тризну в его честь.

От древнерус. *крес* — 'огонь.

Ещё говорят, что души живых существ рождаются из искр, вылетающих из Сварожьей Кузни.

Иными словами, душа человека может пребывать в любом из узлов яри (кругов яри, криниц силы), среди коих выделяют семь основных: зарод, живот, ярло, сердце, горло, чело и родник-колород.

Бессмертный Дух (Собь) — неизменен в Себе, как и Сам Род

В Родноверии *крещением*, или *кресением*, называется обряд посвящения *кресом-огнём*

Загробного

Славяне издревле исповедовались Солнцу, Месяцу, звёздам, Матери Сырой Земле, Государыне Воде, дереву, камню, духам предков и т. д.

Построили

Жилище

В отличие от христианских крестов, родноверческий крест — равносторонний. Это древнейший символ огня и Солнца, известный практически по всему миру задолго до появления христианства.

В эпоху двоеверия в той же Владимирской губернии существовал обряд прощания с Землёй перед исповедью. Отправляясь на исповедь, старушка предварительно «прощалась» с домашними, причём кланялась каждому члену семейства и говорила: «Простите меня, Христа ради!». После этого шла за ворота на улицу и крестилась, обернувшись к часовенке; потом творила поклоны на четыре стороны, прося прощения у «хрещёного люда». Во второй раз женщина творила поклоны на четыре стороны, но уже «свету вольному», причем произносила: «Уж ты, красно- ясно Свет-Солнышко, / Уж ты, млад-светел государь Месяц, / Вы часты звёзды подвосточныя, / Зори утренни, ночи тёмныя, / Дробен дождичек, ветра буйныя, / Вы простите меня, грешную, / Вдову горюшную, неразумную...». В покаянном стихе, записанном там же, просят прощения у Солнца красного, Месяца ясного, звёзд частых, тёмной ноченьки, буйных ветров, бури, тёмных лесов, «скатчатых» гор, вольных рек, Сырой Матушки-Земли, душ предков и др.

Её образ напрямую связан с образами Богини Смерти Мары и Великой Матери Макоши.

Праздник Вешних Дедов, или Дедова Среча, отмечаемая в течении семи дней, в состав которой входит Навий Великдень, называется также Навьей седмицей. Второй Навьей седмицей в году называется праздник Осенних Дедов, или Дедовы Проводы.

Тем не менее, в Родноверии различают Тёмную Навь (Пекло) — обитель неупокоенных, неправедных душ, и Светлую Навь (Ирий Небесный) — обитель святых душ предков.

Волколаки, волкодлаки — волки-оборотни.

«Старых» предков обычно так и называли «предками», а новых — «родителями».

А также всех предков во роду небесном, включая Самих Родных Богов, *Предков* предков наших, *Старших* во роду нашем.

26 листопада/октябрю.

9 1 груденя/ноября.

8 груденя/ноября.

Совершаемое о сию пору «кормление» Мороза поминальной сгравой — кутьёй — также связано с почитанием предков.

Ряженые в обличьях выходцев из Нави (в образе Навьих Дедов) и личинах животных обходят дома, поют пожелания блага на грядущий год и получают за это отдарки в виде угощений с праздничного стола, а также кутьи (ибо считалось, что в личинах колядующих к живущим в Яви людям приходят души их предков).

Хотя, как известно из Евангелий, Иисус был «крещён» в реке Иордан иудейским пророком Иоанном Крестителем далеко не в младенческом возрасте. (Древнерусское слово «крес» означает «огонь», поэтому крещением первоначально называлось посвящение огнём. С водою же были связаны различные очистительные обряды, которые назывались иначе.)

В эпоху двоеверия большинство черт Велеса было перенесено на образ самого почитаемого на Руси святого — Николая Угодника. Скотьи же функции Велеса «принял» на себя святой Власий.

Так, например, в селениях Нижегородской губернии бытовало поверье, что на Агафью ходит по сёлам Коровья ('мерть в виде старой женщины с руками, как грабли, и морит скот.

15. И. Даль пишет следующее: «Жукола, жуколка — чёрная корова. На свят. Вукола (6 февр.) телятся жуколы». 11,ит. по изд.: Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е, исправленное и значительно дополненное издание под редакцией проф. И.А. Бодуэна до Куртенэ. Т. 1. — С-Пб., Москва: изд. товарищества М.О. Вольф, 1903, стр. 1366

Обычно празднуется, когда Солнце «на воробьиный скак» переходит за точку Равноденствия. Многие родноверы празднуют о сию пору Новолетие — Новый Год, рождающийся на Коляду, но приходящий в Явь лишь на весеннее Равноденствие, когда оканчивается зима и расцветает Земля.

Каждый из дней Масленичной седмицы имел в народе | моё название: Встреча, Заигрыш, Лакомка, Разгул (Коро- ш. г, или Велесово, Свято), Тёщины Вечёрки, Золовкины 11ощделки и Прощёное Свято. Начиная с четвёртого дня (Разгула) — Масленица называлась «широкой»

Оснoвнoй обряднoй стравoй на Масленицу издревле почитались блины, своей формой напоминающие Солнце. Первый испечённый блин обычно не ели сами, но клали па слухoвoе oкoнцe в избe, посвящая его душам предков.

Согласно другим представлениям, Медведь выходит из берлоги лишь на Василия Парийского (12 цветеня/апреля), когда «Василий Земле пару поддаёт» и «Земля запарится, как в бане».

Согласно Евангелиям, в этот день Деве Марии явился «ангел» и сообщил о том, что вскоре ей предстоит стать матерью «Спасителя»

Само название «Пасха» происходит от наименования иудейского праздника «Песах» (иврит, «минование»), празднуемого в честь вероломного бегства иудеев из Египта. «Православные» (само это слово христиане-последователи восточного церковного обряда заимствовали у наших предков-родственников) христиане праздновали на Пасху «воскресение» Иисуса из мёртвых, описанное в Евангелиях. Обычай красить яйца (из Яйца Всебога Рода было рождено Тремярь), печь куличи (фаллоподобные хлеба, символизирующие плод отворяющее Начало Рода и Вечное Возрождение) и даже сама идея «воскресающего» весной Бога — всё это было заимствовано христианами у наших предков-родственников и не имеет никакого отношения к иудейской (библейской) традиции. 19 июня 325 г. Первый Вселенский Собор в Никее определил время празднования Пасхи для всех христиан после весеннего Равноденствия и следовавшего за ним первого полнолуния, в пределах между 22 марта (4 апреля по новому стилю) и 25 апреля (8 мая по новому стилю).

В память о «страстях» — истязаниях Иисуса перед распятием, описанных в Евангелиях.

Название праздника происходит от слова «радость» — радость от встречи с душами предков и радость о Вечном Возрождении и Бессмертии Духа.

10 На Радуницу (Родоницу — от слова «род») родноверы справляют тризны по предкам — своим ушедшим сородичам, прославляя тако преемственность рода. Воины бьются друг с другом обрядным боем на возвышенных местах — «боряхуся по мертвецы», дабы предки радовались их удали и силе.

Обычно чучелко Костромы плетут из травы и украшают цветами.

«Православные» христиане отмечали Вознесение через сорок дней после Пасхи, не позднее 3 июня. По христианским суевериям, на сороковой день после смерти на кресте «воскресший» из мёртвых Иисус вместе с учениками от правился на гору Елеонскую и оттуда «вознёсся» на Небеса. Вознесение почиталось в народе праздником Мёртвых, поэтому в этот день в деревнях пекли и раздавали «Божьи онучи» — блины овальной формы, ибо полагали, что именно в подобных онучах «вознёсся» Иисус.

Другое название — Ярило Сильный.

«Православные» христиане отмечали Троицу в воскресенье через пятьдесят дней после Пасхи, а Духов день — в понедельник. Празднование совершалось в честь «сошествия Святого Духа на апостолов», описанного в Евангелиях, которое осмыслялось христианами как проявление Божественной сущности Святой Троицы: «Бога Отца», «Бога Сына» (Иисуса Христа) и «Бога Святого Духа».

Суббота перед Троицей называлась Троицкими Дедами; помимо почитания предков вообще, в этот день единственный раз в году можно было поминать умерших «не своей» смертью, особенно самоубийц.

Обычно празднуется, когда Солнце «на птичий нос» переходит за точку Солнцеворота.

Согласно Евангелиям, Иоанн Креститель (чьё имя происходит от иудейск. «Иоханан» — «Иегова помиловал», или «Иегова благословил») был суровым аскетом, поэтому его имя вряд ли подходит для названия такого жизнеутверждающего и любвеобильного славянского праздника, как Купала. (У славян было имя Иван — с ударением на первый слог — от названия дерева ивы.)

Купальский костёр, через который прыгают пары, называется Купальцем и отличается от священного Огня на Капище, предназначенного для принесения треб Родным Богам, прыгать через который — считается хулой на Богов.

Малая Пречистая — народное название Рождества Богородицы. Большая Пречистая — Успение Богородицы.

Обычно празднуется, когда Солнце «на гусиный шаг» переходит за точку Равноденствия

В знак этого на Капище сжигают соломенную птицу, «проводжая» её вместе со Светлыми Богами и душами предков в Ирий.

Обычно празднуется, когда Солнце «на заячью лапку» переходит за точку Солцеворота

Так как об исторической дате рождения Иисуса Христа ничего не известно, христиане приурочили её к зимнему Солнцевороту — дню рождения Солнца, отмечаемому всеми язычниками. В первые века христианства Рождество Христово отмечалось одновременно с Крещением и Богоявлением, и только в IV в. эти праздники разделились двухнедельным промежутком.

Пасхе предшествовала так называемая Страстная неделя, также связанная с почитанием предков. Поминовения усопших на Страстной неделе были наиболее популярны у южных славян. Болгары, например, считали, что в Вербное воскресенье или на Страстной неделе раскрывается Небо, и предки возвращаются на землю, где остаются до Троицы. Поэтому на Страстной неделе у болгар и сербов принято было посещать кладбище и поминать покойников.

В Родноверии принято красить яйца (непременно в красный цвет), начиная с Масленицы и до окончания празднования Вешних Дедов.

Согласно древнейшим славянским представлениям, весной души предков прилетают «на птичьих крылах» на землю из Ирия Небесного, а осенью — отправляются обратно, где пребывают до будущей весны. Отсюда название Вешних Дедов — Дедова Среча, а Осенних Дедов — Дедовы Проводы.

О сию пору совершались обряды «проводов» русалок.

Ветках

Ср. Осенние Деды.

Например: «Велес-Мороз! Ходи к нам кутью есть!»

1-7 груденя/ноября.

Mycop

Душа

Дух висельника.

Если человек не желает отчуждать душу умершего от своего рода, то должен наречь его русским или славянским именем, а не еврейским или греческим, как это делалось в эпоху двоеверия.

Коловоротами и равносторонними крестами всевозможных форм.

Самый короткий день года перед Колядой.

Фаллоподобные.

Подробнее о сём — см. по изд.: *Влх. Богумил, влх. Велеслав. Малы́й Велесов Сонник. Короб снов.* — М., 2005

Лихорадками.

Комету

В настоящем мёртвом теле кровоток прекращается, и потому раны кровоточить не могут

Если что-то становится известно заранее, значит, это можно предотвратить. Для этого необходимо *наладиться*, изменив должным образом своё мировоззрение

Если дохнёт теплом — к добру.

Другое название — *Велесова нить*

То есть: обрекала на голод.

Ворота смерти.

Ворота Живы — родящее лоно.

Серебряная нить, соединяющая Дух, душу и тело, называемая тако же нитью Макоши

Сотворил миры.

Отделил Явь от Нави

Возвращает души живых существ ко Всеобщему Источнику (Роду)

То есть расторгающий узы плоти, удерживающие душу умершего в теле.

Если почивший принадлежал к Воинскому сословию.

Обращение к пречистой силе Сварожьего Огня.

Из причитаний невесты-сироты. По народному славянскому обычаю, невеста-сирота не собирала перед свадьбой подруг на девичник, а если он и был, то назывался «горьким», «злосчастливым», «слезливым». Чтобы получить родительское благословение, невеста отправлялась на могилу своих родителей и просила «подать голос из Сырой Земли-Матушки». Иногда она писала им «вестку-грамотку» и посылала её с заходящим Солнцем на «тот свет», чтобы прилетели оттуда отец или мать «ясным соколом» или «птичкой ласточкой-касаточкой», сели на закутное окошечко и выслушали её горькие песни и плачи. Сколь бы ни была желанной для невесты её грядущая свадьба, обычай велел ей оплакивать её обрядовую «смерть» в своём роду, дабы «возродиться» в роду мужнином. Оплакивая выход из своего рода, невеста просила прощения за это у духов предков, смотрящих на неё и оценивающих её дела из Ирия.

Южной

Северной

Когда в Явь приходит ночь, Трисветлый Дажьбог, Сварожич Солнцеликий, плышет по Нижним водам на ладье, влекомой *утицами* (или *уткоконями*), освещая багровыми сполохами тёмное небо Нави.

Неумеренные слёзы и скорбь об умершем мешают его душе следовать по Велесовой тропе в Иной мир, препятствуя тем самым его скорейшему возрождению в Яви. Горюя в разлуке с ушедшим, родственники должны помнить о бессмертии его души и терпеливо ожидать встречи с ним, когда тому придёт срок.

На девятый день после смерти.

Робить — работать, трудиться.

Робить — работать, трудиться.

Наговориться

Дедова Среча — Вешние Деды, праздник встречи праведных душ предков, прилетающих по весне на птичьих крылах из Светлого Ирия (Вырея).

Речётся на Вешнее Макошьє — Именины Земли.

Отец Небесный Сварог

Трисветлый Дажьбог, сын Сварога. Наши предки называли себя «Дажьбожьими внуками»

Дождь, который идёт на дни поминовения Дедов-предков, называют в народе «дедовым»

На север

Вещий вран (ворон) — посланец Велеса, Навьего Владыки

Речётся на Осенних Дедов.

По славянским верованиям, если вдова чрезмерно тоскует по умершему мужу, Огненный Змей (род нечистой силы), приняв облик усопшего, может начать летать к ней — пить её живу (жизненную силу), тем самым сводя вдову в могилу раньше положенного срока.

Рекут слова заговора и кладут в домовину все вышеперечисленное.

Рекут слова заговора, обсыпая могилу рожью.

По народным приметам, мыши съели хлеб в доме — к смерти кого-то из домашних.

Мара — здесь: призрак, привидение.

Здесь — покойник.

Бутыли с вином.

Образ могил на кладбище.

Поётся колядовщиками хозяину того дома, в котором им ничего не подали за исполненные ими колядки.

Кисель и блины издревле входят в состав славянской поминальной стравы.

Казаков В. С. Именослов. 4-е изд. — Москва-Калуга, 2005, стр. 164–165.

См., напр., поминальные молитвы из «Славянской Книги Мёртвых» либо соответствующие слова по изд.: *Влх. Велеслав. Вещий Словник: Славления Родных Богов.* — М., 2005.

«Дощечка» 11Б, строки 10–15, перевод влх. Богумила Мурина.

Цит. по изд.: *Влх. Богумил. «Велесова книга»: Боги и предки.* — М., 2006, стр. 70–71.

По-за смъртью — во Ино стези торити.

См., например, по изд.: *Влх. Велеслав. Обрядник. Коло- год.* — М.: Изд. общины «Родолубие», 2006, стр. 7-33.

Обращение к пречистой силе Сварожьего Огня.

В Круге Перерождений.

См., например, по изд.: *Влх. Велеслав. Обрядник. Коло- год.* — М.: Изд. общины «Родолубие», 2006, стр. 34–64.

Если же почивший принадлежал к Военскому сословию, рекут: «Во Полку Перуновом».